

4

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

150²⁰²³

* утопии космического века.
почему мы хотим в космос?

есть

неприкосновенный запас 4 [150] 2023

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ОТ РЕДАКЦИИ	003	25 лет спустя
КОСМИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ В СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ	008	Денис Сивков. Утопии космического века, или Почему мы хотим в космос?
	014	Елена Малая. Капсула времени и прогулки на Марс: об инструментах колонизации будущего
	035	Дарья Радченко. Спутник на елке: советский Новый год между идеологией и семейной памятью
	059	Память о космической эре. Беседа Дениса Сивкова со Славой Геровичем
КОСМОС: ВЕРСИИ ОСВОЕНИЯ	076	Кульшат Медеуова, Улболсын Сандыбаева. Нарративы о Байконуре: город и космодром
	103	Денис Сивков. Домашний космос любителей
	117	Евгения Горбаненко. Крестный ход по орбите: воцерковляя науку и планету
CASE STUDY	133	Егор Мулеев. Сто лет отечественного планеризма: самоорганизация как реставрация
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	149	Отношение к будущему в прошлом и в настоящем <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	154	Александр Писарев. Как жить, собирать и думать: обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	168	Борис Соколов. Память о трагедии Бабьего Яра: стихи, проза, музыка, кино, политика
	178	Денис Шалагинов. Разговор обо всем: антропология (обитаемого) космоса
	188	Самсон Либерман. Китайская космотехника и русский космизм
	203	Александра Шуринова. Хоронить по-новому
	211	Рецензии
SUMMARY	233	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Анастасия Векшина
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekschina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2023

25 лет спустя

В 1998 году – 150 номеров нашего журнала назад – в издательстве «Новое литературное обозрение» вышел первый выпуск «Неприкосновенного за-
паса». Он имел другой подзаголовок, «Очерки нравов культурного сообщества», который довольно точно описывал его тогдашнюю повестку. В открывавшем первый номер предисловии создательница журнала Ирина Прохорова писала:

«Это журнал о культурном сообществе и для культурного сообщества (традиционно именуемого интеллигенцией), о его внутрицеховых проблемах, коллизиях и интересах, о противоречивой системе идей, которые оно порождает и предлагает затем обществу в целом, о проблемах его существования и функционирования как части социального организма и многое, многое другое»¹.

«НЗ» появился на свет в качестве «критико-эссеистического приложения к “НЛО”»; формат его был определен как «тонкий иллюстрированный журнал».

Читатель, который держит сейчас в руках этот 150-й выпуск, должен удивиться. Ведь нынешний «Неприкосновенный запас» – совсем не тонкий и почти не эссеистический журнал (не говоря уже о полном исчезновении литературной и прочей критики). Иллюстрации в нем бывают, но им отведена очень определенная функция: именно *иллюстрировать* положения,

1 <https://magazines.gorky.media/nz/1998/1/vmesto-predisloviya.html>.

ОТ РЕДАКЦИИ

которые выдвигаются, анализируются, обсуждаются в академических статьях, составляющих подавляющее большинство материалов издания. Ну, и, конечно, тематика. «НЗ» сегодня – это социальная, историческая и культурная антропология (отчасти, собственно, история), социальные и политические науки. Повестка его не ограничена «культурным сообществом», российской интеллигенцией и ее функционированием, хотя, конечно, это одна из важных постоянных тем. Наконец, «Неприкосновенный запас» сегодня – обо всем мире, включая Россию, а не наоборот: не о России, которая есть целый мир, как этого сегодня многие ни хотели бы утверждать.

За 25 лет «НЗ» прошел очень долгий путь, радикально изменился – но эти изменения соответствовали трансформации как мира/России, так и академического/культурного сообщества, производящего знание и отвечающего за рефлексию современных и исторических процессов. Перед тем, как сказать несколько слов об этой трансформации, являющейся, как мы видим, двусоставной, дуальной, стоит вспомнить еще об одном важнейшем событии в истории журнала.

Оно произошло в 2001 году, когда «Неприкосновенный запас» поменял подзаголовок на нынешний: «Дебаты о политике и культуре». Другим стал и дизайн, но главное, фокус постепенно стал наводиться на темы, которые находились (и находятся) за пределами нравов и воспроизводства российского культурного сообщества. Глядя из 2023 года, мы узнаем уже некоторые нынешние рубрики вроде «Культуры политики»; тогда же в журнале появился библиографический раздел с рецензиями на важные в общественно-политическом отношении книги. Нынешний «НЗ» возводит свою историю к обоим журналам – образца как 1998-го, так и 2001 года.

1998 год в России – это дефолт и начало конца правления Бориса Ельцина. Год, когда 1990-е иссякали не только хронологически, но и содержательно, когда в России заканчивался довольно короткий период между крахом СССР и началом строительства нынешнего режима. Культурное сообщество, утратив свою важнейшую социально-политическую роль времен перестройки, оказалось в кризисе, оттого проблема рефлексии по поводу своего места в обществе, механизмов своего существования и способов воспроизводства культуры (в том числе и гуманитарного знания) была остро актуальна. В 1990-е государство практически ушло из этой сферы по сравнению с советским временем; соответственно, нужно было вырабатывать все новое – стратегии, структуры, системы ценностей. «НЗ» образца 1998–2000-го пытался понять, удалось ли это.

Одновременно в 1998-м начал складываться уже новый консенсус тех – самых разнообразных, надо сказать – социальных

групп и политических сил, которые устали от неопределенности и неустойчивости 1990-х и продвигали свои повестки – часто очень непохожие, даже противоположные. Объединяло их желание покончить с предыдущим этапом (который они определяли в негативном ключе), перейдя к периоду «позитивного стабильного развития». Выборы 1999 года, назначение Путина премьер-министром, отставка Ельцина, начало первого путинского президентского срока – все это сопровождалось масштабной мобилизацией (медийной, политической и уже даже робко-идеологической, которая, конечно, на фоне происходящего сегодня кажется наивной), затмевающей мобилизацию времен президентских выборов 1996-го. Культурному сообществу здесь отводилась немалая роль, и часть его охотно эту роль принялась исполнять.

Культурное сообщество, утратив свою важнейшую социально-политическую роль времен перестройки, оказалось в кризисе, оттого проблема рефлексии по поводу своего места в обществе, способов воспроизводства культуры была остро актуальна.

В 2001 году стало ясно, что меняется общественно-политическая повестка, потому дискуссиями по поводу роли и места одного только культурного сообщества для «НЗ» ограничиться невозможно – так в журнале появляются многочисленные статьи социологов, политологов и экономистов. Начинается как раз то, что можно назвать «дебатами о политике и культуре». И с тех пор в нашем издании эти дебаты неуклонно приобретали все более строгий характер. Однако от этого ни свобода, ни даже живость дискуссий нисколько не пострадали, порукой чему – любой из последующих номеров «Неприкосновенного запаса», включая нынешний.

* * *

25 лет – большой срок для новейшей истории. Именно столько времени прошло между 1917 годом и 1942-м или между 1964-м и 1989-м. Несколько исторических эпох укладываются в два с половиной десятилетия. То же самое – с некоторыми важными оговорками – можно сказать и о периоде 1998–2023 годов. Любое издание, ставящее себе задачи и цели, подобные «НЗ», есть одновременно и порождение эпох своего существования, и инструмент их трансформации (в сколь бы незначительной

степени это ни происходило посредством влияния дискуссий и академического знания на общественное мнение). Такое издание есть одновременно рефлексия как собственной, так и «большой истории». 150 номеров и 25 лет спустя в России и мире, казалось бы, изменилось почти все, причем очень многое (как представляется) бесповоротно, но континуальность многих сюжетов присутствует и настаивает на своем.

Тогда и сейчас время, конечно, разное: от свободы 1998 года – почти (как сегодня кажется) безграничной – до сегодняшней (как сейчас представляется) почти тотальной несвободы интеллектуального, социального, политического высказывания. При этом, несмотря на глубочайшие изменения формата, подхода и круга авторов (что неизбежно за 25 лет), многое из того, о чем говорилось в «НЗ» 150 номеров назад, получив развитие, дошло до своего кажущегося предела. Например, в первом выпуске журнала можно прочесть статью историка Сергея А. Иванова «Лев Гумилев как феномен пассионарности», где автор подробно разбирает фигуру самого Гумилева, его работы и воззрения². В 1990-е Гумилев был популярен, но эта популярность все же носила характер, хоть и широкий, но несколько экзотический, предполагающий наличие некоего устоявшегося объективного знания, рационального понимания истории и просто здравого смысла, которые автор «Древней Руси и Великой Степи» пытался испытать на прочность. Сегодня официальная российская идеология во многом подпитывается в том числе и гумилевскими идеями – особенно в части, настаивающей на «евразийском характере» России и ее самоизоляции от Запада. Экзотические историсофские построения стали мейнстримом, общим местом, вшитым в повседневный пропагандистский и культурный обиход.

Конечно, пример Льва Гумилева не единственный – здесь можно проследить всеобщую тенденцию. Маргинальные идеологические системы и причудливые всеобъясняющие теории попали в мейнстримный медийный и политический дискурс во многих странах уже с середины прошлого десятилетия. К примеру, в США в 1998-м сложно было представить, что созданная за два года до этого «Fox News» станет проводником в мир конспирологических теорий и ультраправого радикализма для десятков миллионов американцев – так бесповоротно поменялся идеологический ландшафт в стране. В России 1993-го абсурдистская конспирология Сергея Курехина с отсылками к Александру Дугину и прочим казалась остроумной, хотя и затянутой шуткой; в сегодняшней России что-то официально сказанное в ином ключе воспринимается уже с удивлением, как нечто неожиданное.

2 <https://magazines.gorky.media/nz/1998/1/lev-gumilev-kak-fenomen-passionarnosti.html>.

Конечно, никакой ностальгии по 1998 году редакция «НЗ» не испытывает. Мы имеем ту историю и ту современность, которую сами и создали (см. выше). Не надо делать вид, что авторы и редакторы журнала – это (никогда не существовавшие на самом деле) хладнокровные обитатели научных башен из слоновой кости, хранители дистанции в отношении объекта рефлексии. Да, «Неприкосновенный запас» значительно поменял стиль, подход, способ говорения, превратившись из журнала чистой эссеистики и культурной журналистики в современное академическое издание. Однако гуманитарное знание, социальные и политические науки сегодня – это скорее «включенное наблюдение», нежели хладнокровные оценки с высоты академического Олимпа. Поменялся способ рефлексии, но точка, откуда она производится, осталась практически той же: она одновременно внутри и снаружи объекта рефлексии, причем сам рефлексирующий есть часть этого объекта – но часть особенная, специальная.

В этом, как и в континуальности повестки, мы видим продолжение того «НЗ», что был начат 150 номеров и 25 лет назад. Иногда кажется, что сегодня мы действительно «закрываем» многие сюжеты, возникшие в конце 1990-х и получившие, как водится, совсем иное развитие (или, наоборот, дословно «точное», буквальное развитие), нежели ожидали люди, их тогда придумавшие и сформулировавшие. К примеру, в то время некоторые российские политики и представители интеллигенции вели разговоры о желательности своего «русского Пиночета», разве что только слегка помягче, нежели Пиночет настоящий. Россия, пройдя сначала через периоды мягкого – а потом и не мягкого – бонапартизма, сегодня оказалась как раз в стадии «пиночетизма». Но если не прибегать к пошловатым рассуждениям в духе *karma is a bitch*, а попробовать осмыслить эту ситуацию в самом широком мировом контексте, то мы увидим, что произошедшее с российским государством и обществом вовсе не уникально. Дивный новый мир правого – и всякого иного – радикализма, «цифровой диктатуры», националистического исступления, консервативного ресентимента и бесконечных военных конфликтов, как гражданских, так и международных, был сформирован тогда, в 1990-е, через несколько лет после конца «холодной войны» и, как в то время казалось, полного торжества «открытого общества». 9/11 и XXI столетие случились после «конца истории», обещанного по завершении советского проекта.

Вот этот дивный новый мир – и то, как, почему и каким он получился – «Неприкосновенный запас» намерен обсуждать, анализировать, интерпретировать, пока это будет возможно в условиях данного исторического периода. [НЗ]

ДЕНИС
СИВКОВ

Утопии космического века, или Почему мы хотим в космос?

Денис Юрьевич Сивков (р. 1977) – антрополог, доцент Института общественных наук РАНХиГС, автор телеграм-канала по антропологии космоса «Земляки и земляне».

Сложно сказать, когда именно начался космический век. Обычно его отсчитывают с 1957 года – с запуска Советским Союзом первого спутника. Или с 1961-го, когда Юрий Гагарин полетел в космос. Возможно, все случилось раньше. В 1860–1890-е по всему миру небывальными тиражами разошлись романы Жюль Верна о путешествии на Луну «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут» (1865) и «Вокруг Луны» (1869), появилось множество подражателей и последователей французского писателя¹. Научно-фантастическое воображение сыграло важную роль в появлении самого феномена космического энтузиазма: оно подготовило полет и колонизацию космоса, заражая обычных людей мечтами о Марсе и Луне. Эти самые обычные люди увлеклись возможностью космического полета: создавали кружки и космические общества, организовывали выставки и лекции, пытались конструировать и запускать ракеты².

При этом техническое/материальное и воображаемое нельзя выстроить в каузальную последовательность – неважно, нач-

- 1 SIDIQI A. *The Rockets' Red Glare: Spaceflight and the Russian Imagination*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 18–23.
- 2 Ibid. P. 92–96.

КОСМИЧЕСКОЕ
БУДУЩЕЕ
В СОВЕТСКОМ
ПРОШЛОМ

нем ли мы ее с технологических практик или с воображения. Как отмечал американский историк Азиф Сиддики, в начале космического века «воображение и инженерия соединяются не диалектически, дискретно и последовательно; они изменяются, переплетаются и конкурируют друг с другом»³. Вот в этом переплетении воображения и материально-технических практик можно увидеть утопическое измерение изучения и освоения космоса. Речь здесь идет о так называемом техноутопизме, который, по определению американского историка Говарда Сигала, «исходит из веры в то, что технология – понимаемая как нечто большее, чем просто инструменты и машины, – является средством достижения “совершенного” общества в ближайшем будущем»⁴.

Космический техноутопизм предполагает, что сам выход за пределы земной атмосферы – это шаг навстречу новому, лучшему обществу: технологически осваивая, колонизируя и заселяя космос, мы меняемся сами. И, возможно, именно так техноутописты ответили бы на вопрос «Почему мы хотим в космос?». Однако это слишком общий ответ на вопрос, где фактически каждое слово представляет собой отдельную трудную проблему. Оставим логикам и философам вопросительное слово и логические связи. В этом небольшом введении к подборке статей про утопии космического века я хотел бы попробовать разобраться только с «космосом» и местоимением «мы».

Где начинается космос? Вроде бы все, что находится за пределами атмосферы Земли, может считаться космосом. Однако граница до сих пор является предметом спора. Летом 2021 года состоялись туристические запуски в космос, осуществленные участниками движения *NewSpace* – компанией Джефа Безоса «Blue Origin» и компанией Ричарда Брэнсона «Virgin Galactic». Представители Безоса еще до полета заявили, что полет Брэнсона не является в полной мере космическим, так как конкурент не пересечет так называемой «линии Кармана» – 100 километров от уровня моря. Именно с этой линии отсчитывается космос в Европе и, как предполагается, во всем мире. «Virgin Galactic» при этом ориентировались на американский стандарт, согласно которому космос начинается на высоте 80 километров (50 миль). Вопрос о точке отсчета, по словам одного из комментаторов, «имеет реальные финансовые последствия, потому что одна компания космического туризма продает места на полеты, которые, возможно, не достигают последнего рубежа (*final frontier*)»⁵.

ДЕНИС СИВКОВ

УТОПИИ КОСМИЧЕСКОГО
ВЕКА, ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ
ХОТИМ В КОСМОС?

3 Ibid. P. 8.

4 SEAGAL H. *The Technological Utopians* // CORN J.J. (Ed.). *Imagining Tomorrow: History, Technology, and the American Future*. Cambridge; London: MIT Press, 1986. P. 119.

5 WALL M. *Will Richard Branson Actually Reach Space on Virgin Galactic's 1st Fully Crewed Launch?* (www.space.com/will-richard-branson-reach-space-virgin-galactic).

Любители, которые занимаются стратосферными запусками, делают еще более радикальный шаг в определении границ космоса. Они говорят, что уже стратосфера – 35–40 километров от земной поверхности – это «почти космос»⁶. Тем самым граница опускается еще ниже, и космос становится немного доступнее для обычных людей.

Кроме неопределенности границ, есть и другая проблема – космос неоднороден. На МКС, на поверхности Марса и Луны очень разные условия существования. Как показал антрополог Дэвид Валлентайн, земная гравитация не может быть стандартом для других сред, так как попытки ее воспроизводства там будут приводить к тем или иным гравитационным «багам»⁷.

Космический техноутопизм предполагает, что сам выход за пределы земной атмосферы – это шаг навстречу новому, лучшему обществу: технологически осваивая, колонизируя и заселяя космос, мы меняемся сами.

И что это за универсальное «мы», к которому апеллирует вопрос, заданный выше? Архитектор Фред Шармен заметил: «На Земле многие считают само собой разумеющимся существование “большого мы”: тех, кто коллективно участвует в таких усилиях, как освоение космоса... Это иллюзия, которая прикрывает неравное распределение вины, заслуг и последствий»⁸. Действительно, субъект изучения и освоения космоса меняется в зависимости от масштаба. Это может быть отдельный человек со своими интересами, представитель национального государства или всего человечества⁹. Ассамбляжи «мы» и «нас» имеют не универсальный, а локальный характер, как показал антрополог Иштван Прат, предполагающий разные, в том числе индигенные и неземные, основания для объединения разных существ¹⁰.

Казалось бы, эти «мы» – сотни тысяч (а может быть, даже миллионы) людей во всем мире, – тех, кто мечтал и мечтает о полете и колонизации других планет. Однако космический энту-

6 Сивков Д.Ю. *Освоение космоса в домашних условиях: любительская космонавтика в современной России* // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 73–75.

7 VALENTINE D. *Gravity Fixes: Habituating to the Human on Mars and Island Three* // HAU: Journal of Ethnographic theory. 2017. № 7. P. 185–209.

8 SCHARMEN F. *Space Forces: Critical Histories of life in Outer Space*. London: Verso, 2021. P. 7.

9 Сивков Д.Ю. *Места и масштабы: онтологии освоения космоса* // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 75–96.

10 PRAET I. *The Global Biosphere and Its Metaphysical Underpinnings: Ecumenical Alternatives in Animism and Astrobiology* // Sociologus. 2021. № 1. P. 55–72.

зиализм частично уравнивается космическим скептицизмом, который означает «не отрицание устоявшихся фактов, а отрицание ценности амбициозных и экспансивных форм прямой и косвенной деятельности человека в космосе»¹¹. В истории не раз случались открытые политические протесты против освоения космоса. Например, во время лунной гонки представители афроамериканских политических организаций США требовали потратить миллиардные бюджеты не на высадку белого человека на Луну, а на борьбу с бедностью и решение других актуальные проблем жителей Земли¹².

Тем не менее космический энтузиазм и техноутопизм подпитываются определенными обещаниями и держатся на ожиданиях. Так, проект колонизации Марса, который продвигает другой представитель движения *NewSpace* – предприниматель-миллиардер Илон Маск, – привлекает внимание космических энтузиастов обещанием невероятного приключения среди величественных видов, а главное, возможностью нашего видового выживания и затем – исправления траектории исторического развития человечества. Земля рано или поздно погибнет. Дело не только в климатическом кризисе. Планета погрязла в социально-политических проблемах. Решить противоречия невозможно, поэтому необходимо продолжить человеческую цивилизацию за пределами Земли. Для этого нужно поменять направление истории человечества – этого «мультипланетарного вида» (Маск). Британский социолог Ричард Таттон отмечал:

«Заявление Маска характерно для тех сторонников пилотируемых полетов в космос, которые вспоминают программу “Аполлон” со смесью волнения и разочарования: волнения, поскольку это один из ключевых моментов на шкале человеческих достижений, а разочарования, потому что предполагавшаяся этими сторонниками версия будущего была фактически отменена. Маск утверждает, что его компания перезапустит [restart] прогресс и вернет человечество в желаемое русло»¹³.

Закрытие лунной программы и последующая коммерциализация и прагматизация полетов в проекте «Space Shuttle» воспринимается сторонниками колонизации как исторический провал – человечество сошло с пути прогресса. Деятельность Маска и других ньюспейсеров исправляет историю. Колониза-

ДЕНИС СИВКОВ

УТОПИИ КОСМИЧЕСКОГО
ВЕКА, ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ
ХОТИМ В КОСМОС?

- 11 MILLIGAN T. *Ground Bias: A Driver for Skepticisms about Space Exploration* // *Frontiers in Astronomy and Space Sciences*. 2022. Vol. 9. P. 3 (www.frontiersin.org/articles/10.3389/fspas.2022.1027251/full).
- 12 MAHER N. *Apollo in the Age of Aquarius*. Cambridge; London: Harvard University Press, 2017; ODOM B.C., WARING S.P. (Eds.). *NASA and the Long Civil Rights Movement*. Gainesville: University Press of Florida, 2019.
- 13 TUTTON R. *Sociotechnical Imaginaries and Techno-Optimism: Examining Outer Space Utopias of Silicon Valley* // *Science as Culture*. 2021. Vol. 30. № 3. P. 429; см. также: KILGORE D.W.D. *Astrofuturism: Science, Race, and Visions of Utopia in Space*. Philadelphia: University Pennsylvania Press, 2003. P. 2.

ция красной планеты позволит создать «резервную копию человечества» на тот случай, если Земля погибнет: «Марс представляет собой окончательный офшорный хедж-фонд: его заселение предлагает способ избежать смерти и разрушения»¹⁴.

Обещание освобождения от земного притяжения в прямом и переносном смысле характерно для техноутопизма, питающего ожидания и космических энтузиастов, и обычных людей в течение всей космической эпохи. Как отмечал Сиддики, в начале космической эры «космос обещал то, что авиация могла предложить лишь частично – тотальное освобождение от означаемых прошлого: социальной несправедливости, несовершенства, гравитации и, в конечном счете, от Земли»¹⁵. В этом смысле в утопическом ожидании можно увидеть бегство от земной истории, попытку за пределами «колыбели» (Константин Циолковский) начать все с чистого листа. По словам американского историка Роджера Лауниуса, «движение в космос – сначала исследовательские экспедиции, а затем колонии – дало человечеству возможность выйти наружу и начать все заново на нетронутой планете»¹⁶.

Стремление начать с чистого листа и оставить все позади может оказаться весьма проблематичным предприятием. В 28-м письме к Луцилию римский философ Сенека критикует идею бегства:

«Менять надо не небо, а душу! Пусть бы ты уехал за широкие моря, пусть бы, как говорит наш Вергилий, “города и берег исчезли” – а за тобою везде, куда бы ты ни приехал, последуют твои пороки. То же самое ответил на чей-то вопрос и Сократ: “Странно ли, что тебе нет никакой пользы от странствий, если ты повсюду таскаешь самого себя”. [...] Ты спросишь, почему тебе невозможно спастись бегством? От себя не убежишь!»¹⁷

Как это может работать в освоении космоса? В «Красном Марсе» – первой части марсианской трилогии американского писателя-фантаста Кима Стенли Робинсона – одного из героев зовут Аркадием Богдановым. Имя дано ему в честь одного из братьев Стругацких, фамилия – в честь русского философа-космиста. Аркадий Богданов пытается убедить своих коллег-колонистов в том, что они занимаются не наукой, а политикой, призывает порвать с Землей и построить подлинно свободное общество с чистого листа: «Мы должны терраформировать не только Марс, но и самих себя»¹⁸. Робинсон строит свое по-

14 TUTTON R. *Op. cit.* P. 431.

15 SIDDIQI A. *Op. cit.* P. 78.

16 LAUNIUS R. *Perfect Worlds, Perfect Societies: The Persistent Goal of Utopia in Human Spaceflight* // Journal of the British Interplanetary Society. 2003. Vol. 56. P. 339.

17 ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА. *Нравственные письма к Луцилию. Трагедии*. М.: Художественная литература, 1986.

18 РОБИНСОН К.С. *Красный Марс*. М.: Издательство «Э», 2018. С. 94.

вестование так, что именно земные привычки оказываются слишком влиятельными в марсианской политике. Для колонистов «*сложнее всего – оставить Землю позади*»¹⁹.

Действительно, земляне приносят с собой в космос слишком много земного. Несколько исследователей-антропологов обратили внимание на то, что изучение и освоение космоса станет по-настоящему успешным, только если будет локализовано и привязано (*earthbound*) к земным местам²⁰. В этом смысле и технически, и в воображении оторваться от «колыбели» сложно.

ДЕНИС СИВКОВ

УТОПИИ КОСМИЧЕСКОГО
ВЕКА, ИЛИ ПОЧЕМУ МЫ
ХОТИМ В КОСМОС?

Космический энтузиазм частично уравнивается космическим скептицизмом, который означает отрицание ценности амбициозных и экспансивных форм прямой и косвенной деятельности человека в космосе.

В зазоре между желанием начать с чистого листа и своеобразным заземлением располагаются утопии освоения и изучения космоса, некоторые аспекты которых со вниманием рассмотрены авторами следующих далее статей. Елена Малая проанализировала космические послания в будущее из советских капсул времени. Дарья Радченко исследовала воображаемый космос, воплощенный в советских елочных игрушках. Евгения Горбаненко изучила иконы на международной космической станции через призму отношений православия и науки. Кульшат Медеуова и Улболсын Сандыбаева проанализировали, как сегодня представляют Байконур разные группы респондентов, связанные с одноименным городом и космодромом. Наконец, в моем тексте речь идет про роль дома и домашнего мира в техноутопии любителей. Здесь же публикуется беседа с историком Славой Геровичем о социальных исследованиях космоса, а в рецензионном разделе представлены три обзора, посвященные изучению и освоению космоса.

Некоторые из перечисленных текстов первоначально были представлены в виде докладов на секции «Как возможно космическое (со)общество?», прошедшей 15 апреля 2022 года в Санкт-Петербурге в рамках конференции «Тревожное общество и (не)возможность солидарности», организованной Санкт-Петербургской ассоциацией социологов.

19 Там же. С. 56. Курсив автора. – Д. С.

20 REDFIELD P. *The Half-Life of Empire in Outer Space* // *Social Studies of Science*. 2002. № 5-6. P. 791–825; VERESI J. *Seeing Like a Rover: How Robots, Teams and Images Craft Knowledge of Mars*. Chicago: The University of Chicago Press, 2015; MESSERI L. *Placing Outer Place: An Earthly Ethnography of Other Worlds*. Durham; London: Duke University Press, 2016; MITCHELL S.T. *Constellations of Inequality. Space, Race, and Utopia in Brazil*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017; OLSON V. *Into the Extreme: U.S. Environmental Systems and Politics beyond Earth*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2018.

Капсула времени и прогулки на Марс: об инструментах колонизации будущего

Елена Малая (р. 1992) – младший научный сотрудник центра «Человек, Природа, Технологии» Тюменского государственного университета.

ПИСЬМА СО ДНА ЧЕРНОГО МОРЯ

17 октября 1967 года новороссийская десятиклассница Оля П. написала письмо в будущее. Поздоровавшись с читателем из 2017 года, она призналась, что завидует ему, потому что в его время уже нет угнетения человека человеком, а сам он наверняка живет на другой планете. Оля была не одинока в своем эпистолярном порыве: в те дни письма в будущее написал весь ее класс и половина школы, а также ученики других учебных заведений Новороссийска – пять сотен посланий в XXI век поступили в редакцию газеты «Новороссийский рабочий». Там в отдельном кабинете собирались участники журналистского кружка, школьники и студенты, называвшие свое объединение «Шхуной ровесников», а себя – *шхунатами*. Руководил ими молодой журналист Константин Подыма, который и организовал в Новороссийске массовую отправку писем в XXI век. Из огромного числа поступивших в редакцию текстов были отобраны 66. Их дополнили фото-, аудио- и видеоматериалами, торжественно запечатали в специально изготовленную герметичную капсулу и отправили на дно Цемесской бухты на пятьдесят лет.

Идея написания писем, в отличие от идеи их подводного хранения, принадлежала не Подыме – в 1960-е, и особенно в 1967-м, это было распространенной ритуальной практикой на стыке между официальными и низовыми советскими инициативами. В год пятидесятилетия октябрьской революции, как и в следующий за ним год пятидесятилетия комсомола, по всему СССР было заложено множество капсул с посланиями потомкам. Такие капсулы времени представляли собой контейнеры с текстами, адресованными жителям будущего и написанными чаще всего от лица различных советских коллективов (колхозов, комсомольских ячеек, пионерских отрядов и так далее). Тексты посланий зачитывались на митингах, капсула торжественно закрывалась и помещалась в место хранения: закапывалась в землю, замуровывалась в стену или закладывалась в основание памятника, чтобы быть открытой в определенную дату – через сорок, пятьдесят или сто лет с момента запечатывания. Зна-

чально такая практика сложилась в США в XIX веке, достигла своего расцвета в 1930-е и была тесно связана с американской гражданской религией и футуристическими ожиданиями эпохи модерна¹. Затем ее заимствовал Советский Союз. Вероятно, первой капсулой времени в СССР стала «Ракета времени», заложённая в 1960-м в Артеке и «отправленная» в 2000 год.

С лета 2021 года я работаю с фондами Новороссийского исторического музея (ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник»), в которые было передано содержимое капсулы «Шхуны ровесников», поднятой со дна моря в 2017 году в целости и сохранности. У меня была возможность ознакомиться с обширной коллекцией текстов, обращенных в будущее, которая содержит 66 отдельных писем, а также несколько десятков рисунков, фотографий и других предметов, «отправленных» в XXI век (комсомольских значков, пленок с аудио- и видеозаписями и так далее). Помимо работы в архивах, я вела полевую антропологическую работу: в течение двух недель летом 2021 года и недели в начале февраля 2022-го я беседовала как со шхунатами советских времен, так и с их нынешними преемниками (сообщество «Шхуны ровесников» существует по сей день) и с разрешения своих собеседников присутствовала на мемориальных акциях, которые они проводят.

Основание и история «Шхуны ровесников» подробно задокументированы в одноименной рубрике газеты «Новороссийский рабочий», отведенной под публикации шхунатов². С газеты все и началось: руководство редакции дало задание молодому сотруднику Константину Подыме (1946–2013) организовать журналистскую работу школьников и раз в две недели предоставляло для их публикаций две трети газетной полосы. Вероятно, на ее создание повлиял пример «Алого паруса» – тематической рубрики для старшеклассников в «Комсомольской правде». Подыма оказался талантливым организатором, под руководством которого журналистский кружок превратился в отряд, репрезентировавший себя в эстетике романтического морского милитаризма. У «Шхуны ровесников» были система рангов (лоцман, капитан, помощник капитана, мичман, матрос, курсант), бортовой журнал, присяга, регулярные собрания в редакции («палубные сборы») и, главное, «операции» – различные полезные дела, которыми занимались шхунаты, отчитываясь затем о них в газете. Жизнь шхунатов во многом состояла из неформаль-

ЕЛЕНА МАЛАЯ

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

1 Подробнее см.: YABLON N. *Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule*. Chicago: University of Chicago Press, 2019; JARVIS W.E. *Time Capsules: A Cultural History*. Jefferson: McFarland & Company, 2002.

2 Кроме того, много материалов содержится в воспоминаниях ее основателя и участников; см., например: Подыма К.И. *Счастливого плавания, «Шхуна ровесников»!* М.: Детская литература, 1975; Буравкин В.В. *«Сага о Шхуне». Прозаическое сказание*. Новороссийск: Одиссей, 2015.

ного общения, репортерской работы в школах и оформления газетной рубрики, однако основной упор Константин Подыма сделал на коммеморативные и воспитательные мероприятия: мемориальные акции в память героев войны, поисковое движение и музеефикация памяти павших. Самая знаменитая акция, придуманная шхунатами, – «Бескозырка»: ежегодный ритуал поминовения десантников, освобождавших Новороссийск от немецкой оккупации в 1943 году, в рамках которого в ночь на 4 февраля в свете свечей и факелов в море опускается бескозырка³. Мемориальная акция проводится до сих пор – как силами городских властей Новороссийска (возле мемориала «Малая земля»), так и сообществом «Шхуны ровесников» (с 1999 года – в поселке Южная Озереевка).

Спектр деятельности «Шхуны ровесников» роднит ее с коммунарским движением. Так же, как «Коммуна юных фрунзенцев» и ее аналоги, «Шхуна» требовала от своих членов самостоятельности, инициативности и смелых поступков⁴. «Операции» шхунатов позиционировались как значимые и серьезные дела и, по воспоминаниям, «наполняли настоящим смыслом советские лозунги»⁵. Это тоже сближает их с коммунарскими группами, некоторые из которых прямо противопоставляли свою деятельность формализму пионерских организаций⁶. Морская романтика «Шхуны» позволяет провести прямую параллель с «Каравеллой» – молодежным движением, организованным писателем Владиславом Крапивиним в Свердловске в 1961 году⁷.

Частично деятельность «Шхуны ровесников» была описана в исследовательской литературе ранее⁸, однако по масштабу и объему материалов она заслуживает более детального антропологического исследования, сравнимого с работами Дарьи Димке о «Коммуне юных фрунзенцев». Тексты, вложенные в капсулу

- 3 DAVIS V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War II in Brezhnev's Hero City*. New York: Bloomsbury Publishing, 2017; Попов А. Д. «С памятью в сердце»: патриотическое воспитание и мемориальные традиции в городах-героях Севастополь, Керчь и Новороссийск (1950–1980-е гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2019. Т. 5. № 4(71). С. 80–90; Юрина Т. И. *Новороссийский феномен восприятия действительности через призму военной памяти // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество*. Пенза: Издательство ПГУ, 2016. С. 35–39.
- 4 Димке Д. В. *Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной // Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / Сост. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов*. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 360–397; Она же. *Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов*. М.: Common place, 2018.
- 5 Цитата по полевому дневнику, беседа с Н.Щ., давней участницей движения, июль 2021 года.
- 6 Козлов Д. С. *Неофициальные группы советских школьников 1940–1960-х гг.: типология, идеология, практики // Острова утопии...* С. 451.
- 7 Димке Д. В. *Незабываемое будущее...* С. 90–92; Крапивин В. *Струна и люстра*. М.: Эксмо, 2007.
- 8 DAVIS V. *Memory for Sale: Local and National Interpretations of Brezhnev's Malaia Zemlia // Twentieth Century Wars in European Memory*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. P. 135–150; ИДЕМ. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia...*; Попов А. *Указ. соч.*; Юрина Т. *Указ. соч.*

времени «Шхуны», прежде не становились предметом исследования и не публиковались. Мероприятия, которые проводила «Шхуна», ранее рассматривались через призму советской и постсоветской педагогики, исторической памяти и патриотического воспитания. Я же собираюсь поместить некоторые из них в более широкий контекст оттепельного и позднесоветского астрофутуризма (пользуясь определением Де Витта Килгора – представлений о космическом будущем, опирающихся на научную фантастику и популярную науку⁹).

Несмотря на обилие морской эстетики в исследуемом материале, я – с его помощью – буду говорить именно о космосе. В статье я исследую связь между способами репрезентации *будущего* и *космоса* в Советском Союзе 1960-х на материале писем из новороссийской капсулы. Кроме того, я собираюсь рассмотреть капсулы времени в целом как инструмент колонизации времени, созданный, чтобы «забросить» в будущее элементы *советскости* (в широком смысле – как формы социального и политического воображения). В рамках этой статьи капсулы будут сопоставлены с такими продуктами советской космонавтики, как автоматические космические станции, нагруженные советской символикой.

Несмотря на то, что символические и смысловые ходы, которые предполагала советская колонизация космоса, были направлены на покорение пространства, а не времени, при ближайшем рассмотрении советский космос раскрывается как территория будущего, к которой применимы темпоральные категории анализа. Исследование «территоризации» будущего в космосе позволит уточнить советские логики колонизации и времени, и пространства, а также углубить понимание советских публичных дискурсов 1960-х.

Посылка в будущее

Константин Подыма, на тот момент 21-летний капитан-наставник «Шхуны ровесников», подошел к закладке капсулы с большим размахом. Помимо личных писем школьников, он постарался собрать тексты от представителей практически всех значимых страт советского Новороссийска – и более того, Советского Союза в целом. В капсуле есть письма от рабочих, учителей, музейных работников, библиотекарей, авторов советских песен. Отдельный блок составили послания от революционеров и военных – например, четыре письма от участников революции (один из которых участвовал в штурме Зимнего

⁹ KILGORE D.W.D. *Astrofuturism: Science, Race, and Visions of Utopia in Space*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2010. P. 2–5.

дворца, что, вероятно, придавало его письму дополнительный символический вес). Среди авторов писем много участников Великой Отечественной войны, причем Подыма искал статусных и именитых ветеранов – орденосцев и командный состав. Помимо этого, среди магнитофонных пленок есть записанное специально для капсулы голосовое письмо Юрия Левитана, преимущественно посвященное войне, а также аудиозаписи выступлений ветеранов и военные песни. Наконец, кроме писем и аудиозаписей, в капсулу были вложены восемь бобин пленки с фильмом «Сказка о Мальчише-Кибальчише» (1964) (режиссер фильма, Евгений Шерстобитов, был символически аффилирован в «Шхуне ровесников» в должности комиссара и включен в комиссию по отбору писем в будущее). Шхунаты вспоминают, что Подыма пытался добыть для капсулы и письмо от Леонида Брежнева, но его просьба до генерального секретаря партии не дошла: обращение новороссийского журналиста сочли невыносимым нарушением субординации. Подыму вызвали «на ковер» в горком комсомола и отчитали¹⁰.

Чтобы полуметровая латунная капсула не протекла, после завинчивания ее залили эпоксидной смолой, а поверх – бетоном. Получившаяся плита должна была защитить содержимое капсулы от воды, а также воспрепятствовать подводным течениям, которые могли сдвинуть ее с выбранного места на дне бухты. Когда в 2017 году капсулу доставали, выяснилось, что ее положение на шельфе все же сместилось, но осталось в окрестностях Суджукского маяка, выбранного в качестве ориентира при закладке.

Внутренний перечень содержимого капсулы свидетельствует о степени ее символической и ритуальной значимости как для самого Подымы, так и для людей и институций, обеспечивавших «Шхуне» «тыл» – местной газеты, горкома комсомола, школьных учителей и сотрудников новороссийского Дома кино. В будущее отправлялся огромный объем памятных и идеологических материалов, призванных отобразить облик прошлого и настоящего. Материалы не без конфликтов согласовывались и с редакцией, и с горкомом комсомола, и уже по отбору текстов и объектов для репрезентации 1967 года можно понять, каким тогда представлялось будущее. Оно прямо наследовало советскому прошлому (в первую очередь военному), было идеологически неотличимо от настоящего, и в нем могли оценить статусность старших авторов писем и искренность младших. В большинстве писем прагматика отправки объяснялась двояко: с одной стороны, заявлялась археологическая функция (рассказать, как жили люди в XX веке), с другой, вос-

10 Емельянов С. *Военная тайна Мальчиша-Кибальчиша* // Российская газета. 2017. 30 октября (<https://rg.ru/2017/10/30/rodina-kapsula-1967.html>); Буравкин В.А. *Указ. соч.* С. 248–249.

питательная. Грядущему поколению от предков передавались заветы и инструкции по построению коммунизма или, в менее идеологизированных текстах, по обеспечению правильного вектора развития общества.

ЕЛЕНА МАЛАЯ
КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

По отбору текстов и объектов для репрезентации 1967 года можно понять, каким тогда представлялось будущее. Оно прямо наследовало советскому прошлому, было идеологически неотличимо от настоящего, и в нем могли оценить статусность старших авторов писем и искренность младших.

В некотором роде все содержимое капсулы представляет собой моральный и идеологический камертон для жителей будущего. Во многих письмах описываются качества, которые должны воспитывать в себе потомки, а также напоминаются основные ценности, которых они должны придерживаться. Обычно наставления людям будущего находятся в заключительной части писем:

«Живите, романтики, шутите, находите, боритесь с жизненными бурями! На вашу долю выпадет еще немало великих дел!

Будьте настоящими людьми, будьте!

С комсомольским приветом

Ученица 10 класса 102 киевской школы

Оксана [Ч.]¹¹

7.И. 1968 год»¹².

«Будьте же вы, будущие строители коммунизма, наши наследники, достойны ваших современников. Вам вручается судьба нашей Родины, так будьте настоящими хозяевами страны.

До свиданья, друг.

[А.] Любовь, 16 октября 1967 г.»¹³.

«Мир! Вот что я хочу пожелать людям двухтысячного года. Берегите мир! Помните Бухенвальд и Мамаев курган, Севастополь и Освенцим, Малую землю и Маутхаузен! Помните Вьетнам, эту маленькую горящую страну. Помните Хиросиму – город горя и ужаса!

- 11** Несмотря на то, что тексты писем находятся в открытых музейных фондах, я анонимизирую их авторов при публикации (привожу только имя и первую букву фамилии), потому что некоторые из ныне живущих авторов относятся к своим юношеским текстам со скепсисом и не хотели бы их публичного обсуждения, а с некоторыми авторами мне, к сожалению, не удалось связаться при подготовке статьи. Тем не менее указание инвентарных шифров из музейных фондов должно решить проблему атрибуции.
- 12** ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/131.
- 13** ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/107.

Берегите мир и цветы! Забудьте это страшное, проклятое всеми женщинами мира, слово “война”! Оно несет смерть и кровь!
[С.] Зоя»¹⁴.

В цитированных фрагментах звучат требования к людям будущего: моральные («будьте настоящими людьми»), экономические («будьте настоящими хозяевами страны»), а также коммеморативные и антивоенные («помните Бухенвальд», «берегите мир!», «забудьте это страшное [...] слово “война”!»). Подобные обращения регулярно возникают в письмах и многое говорят об их прагматике. Капсула времени является не только набором предметов для музеев будущего, самостоятельно отобранных «прошлым», но и инструментом корректировки грядущего, с помощью которого можно попытаться повлиять на потомков.

ПРОГУЛКИ НА МАРС

В новороссийскую капсулу времени был фактически помещен основной исторический нарратив Советского Союза: тексты и артефакты в ней реконструировали советское прошлое от революции до войны и послевоенного восстановления и продолжали его образами космического будущего. Нужно сказать, что из 66 писем, вложенных в капсулу, описание будущего есть далеко не во всех. Многие тексты представляют собой рассуждения о своем поколении, клятвы (трудиться и быть достойным гражданином страны), описания школьных и комсомольских мероприятий, перечисление советских достижений к 1967 году, призывы к потомкам достойно нести эстафету предков, рассказы о войне, фрагменты стихов. Тем не менее, когда авторы берутся детально описывать 2017 год, они обязательно обращаются к космосу.

Вернемся к письму Оли, с которого началась эта статья. В ее тексте перечисляются достижения советской власти к пятидесятилетию октябрьской революции – такие списки во многом определяют жанр советских посланий в будущее. Однако Олино письмо из всех возможных достижений делает акцент именно на космических успехах. Приведу его текст целиком (здесь и далее в цитатах сохраняется орфография источника):

«Дорогой друг! Здравствуй!
Я пишу тебе, потому что завидую твоей судьбе. Нет, я не считаю, что живу в неинтересное время, наоборот [так в тексте. – Е. М.]»

14 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/104.

я была свидетелем запуска первого спутника Земли: в годы, когда я живу, впервые в мире советский человек поднялся в космос и облетел вокруг Земли, побывала в космосе советская женщина, осуществлен первый в мире выход человека в космос – и всегда впереди были наши советские космонавты.

И все же я завидую тебе, ведь ты будешь жить в годы, когда наша великая держава будет отмечать свой столетний юбилей, а не пятидесятилетний, как в нынешнем, 1967 году.

Ты будешь свидетелем межпланетных массовых космических полетов, будешь жить на какой-нибудь другой планете, но всегда будешь вспоминать свою родную планету.

Возможно, что в годы твоей жизни будет разрешен вопрос бессмертия человека, люди научатся превращать человека в вечно живущего.

А как изменится общество к 2017 году. Не будет больше угнетения человека человеком, а во всем мире будет тот самый мировой социализм, о котором мечтали наши деды, создавая наше государство, о котором мечтаем мы сейчас.

Я хочу, чтобы те годы были такими, какими я представляю их, чтобы ты был счастлив, мой друг, человек, которому в 2017 году исполнится 17 лет – столько, сколько мне сейчас.

С горячим приветом
ученица 10 А класса
21 средней школы
[П.] Ольга
Новороссийск
17 октября 1967 г.»¹⁵

Этот сравнительно короткий текст отражает основные особенности жанра писем в будущее¹⁶. Он во многом состоит из формул советской официальной речи («великая держава», «угнетение человеком человека», «мировой социализм» и так далее). Кроме того, несмотря на то, что письмо представляется индивидуальным и написано конкретным автором (а не обобщенным коллективом, как часто бывает с письмами в будущее), его субъектность осложнена. Как большинство примеров этого жанра, оно написано от лица не частного человека, а гражданина, рассуждающего в масштабах страны¹⁷. Из событий своей жизни

15 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/100.

16 Дементьев В. В. *Послание потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности* // *Quaestio Rosica*. 2020. Т. 8. № 1. С. 132–149; Малая Е. К. *Капсула времени в постсоветском совхозе* // *Антропологический форум*. 2020. № 47. С. 83–110; Вандышев М. Н., Прямикова Е. В., Веселкова Н. В. *Индустриальная память: масштабы и множественность*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022.

17 Эта жанровая особенность, впрочем, имеет исключения: в корпусе новороссийских писем, несмотря на жесткий отбор посланий Штабом по отправке писем в будущее, содержится некоторое количество личных текстов, фокусирующихся на внутреннем мире авторов и частных особенностях их жизни. Тем не менее большинство примеров этого жанра представляют собой или полностью коллективные послания, или индивидуальные, но соотношенные с коллективным советским опытом.

Оля выбирает те, которые обладают государственным и космическим масштабом («я была свидетелем запуска первого спутника Земли: в годы, когда я живу, впервые в мире советский человек поднялся в космос и облетел вокруг Земли» – и так далее). Таким образом, текст обезличен: из него можно узнать только имя и возраст школьницы, все остальные факты касаются не Олиной жизни, но государственных и общечеловеческих достижений (что в рамках письма означает одно и то же).

Интересно, что ее отношения с воображаемым читателем предполагают модальность зависти – это тоже частый риторический прием советских писем в будущее. В новороссийской капсуле лежат еще около десятка писем, с разных позиций раскрывающих эту связь: или автор завидует потомку, или потомок должен позавидовать поколению 1967 года, или зависть предков и потомков к достижениям друг друга предполагается взаимной.

Капсула времени является не только набором предметов для музеев будущего, самостоятельно отобранных «прошлым», но и инструментом корректировки грядущего, с помощью которого можно попытаться повлиять на потомков.

Обратим внимание на перечень космических достижений Советского Союза, который предлагает это письмо. Это запуск первого спутника (1957), первый полет человека в космос (1961), полет в космос первой женщины (1963), а также выход в открытый космос (1965). Оля подчеркивает первенство СССР в каждом из этих достижений и повторяет космическую хронологию, известную всем советским школьникам. Однако письмо оставляет этот список открытым: достижения Олиного времени неминуемо должны померкнуть в сравнении с подвигами столетней советской державы. В этом убеждении звучит телеология линейного прогресса, предполагающего поступательный и равномерный рост¹⁸. Оля намечает контуры этого космического будущего: межпланетные перелеты, заселение других планет, мировой социализм и человеческое бессмертие.

Через несколько лет после того, как 4 октября 1957 года в рамках «международного геофизического года»¹⁹ СССР запус-

18 Об этом я писала ранее: Малая Е.К. *Указ. соч.*

19 О роли международного геофизического года в космической гонке см.: MCDUGALL W. *Heavens and the Earth: A Political History of the Space Age*. New York: Basic Books, 1985; DE VORKIN D.H. *Preserving the Origins of the Space Age: The Material Legacy of the International Geophysical Year (1957–1958) at the National Air and Space Museum* // KRUPNIK I., LANG M.A., MILLER S.E. (Eds.). *Smithsonian at the Poles: Contributions to International Polar Year Science*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Scholarly Press, 2009. P. 35–47.

кает «Спутник-1», за этой датой закрепляется темпоральная формула «утра» или «начала космической эры», извлеченная, по-видимому, из записей бесед Александра Чижевского и Константина Циолковского. Особенно широко она распространяется в прессе и художественной литературе после полета Гагарина. 12 апреля, хотя и не на первых ролях, но входит в годовой круг советских праздников со следующего года (указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1962 года). Таким образом, полет в космос интерпретируется не только как вершина социалистического развития, но и как начало новой эпохи человеческой истории. Другие цитаты из писем новороссийской капсулы времени это подтверждают:

ЕЛЕНА МАЛАЯ
КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

«Студенты 60-х годов – народ веселый, неугомонный, жаждущий открытий. Еще бы! В мире столько интересного! Восторг и удивление левитановскому сообщению: “Человек в космосе!” – улеглись. Нам подавай: “Человек на Луне!” И мы верим – это будет, “потому что нам нельзя иначе!”. [...]

Студенты новороссийского индустриального техникума»²⁰.

«Когда-то Циолковский [так в тексте. – Е. М.] мечтал о космосе, а сейчас человек поднимается на планеты. Я уверена, что скоро люди будут жить на Луне. Я думаю, что вы продолжите эстафету наших покорителей космоса и побываете не только на Луне, но и освоите другие планеты. [...]

Татьяна [Р.]»²¹.

Выход человечества в космос прочно встраивается в советскую «линию времени». Оттепельные и позднесоветские картографии советской истории (мозаики²², рельефные панно, плакаты, тематические выпуски советских журналов, организации музейных залов и так далее) начинают ее отсчет от революции и гражданской войны; следующей точкой напряжения в ней становится Великая Отечественная война, а на последнем отрезке этой линии времени открывается космос – как новый горизонт советского прогресса, окончательная победа в «холодной войне» и шаг навстречу поистине мировой революции²³.

20 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/42.

21 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/116.

22 Например, мозаичное панно к 55-летию советской власти («Радость труда», 1972, автор Юрий Королев) в Тольятти, занимающее площадь более 500 м² и только недавно переставшее находиться под угрозой сноса, состоит из 16 эпизодов. История на нем начинается с образов красноармейцев, отдельно изображены создание СССР и программа ликбеза, несколько сцен отведено ужасам войны и на второй стороне стены фронтально изображен космонавт, стоящий на земном шаре в окружении планет и светил. Только после этого панно переходит к локальной истории – созданию «АвтоВАЗа» и выпуску им первого автомобиля. Подобных визуальных историографий в советской мозаике существует много, см., например: NIKIFOROV Y. *Decommunized: Ukrainian Soviet Mosaics*. Berlin, DOM publishers, 2017. P. 78–80.

23 Болтунова Е. М. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6(116). С. 109–128; GABOWITSCH M. *Victory Day before the Cult: War Commemoration in*

После полета Гагарина появляется формула «От “Авроры” – до “Востока”», обозначившая символические рубежи советской истории, начавшейся выстрелом легендарного крейсера и триумфально продолжающейся полетом в космос²⁴. Таким образом создается ощущение, что все события канонизированной советской истории ведут к космосу.

Новая эпоха – коммунизма и межпланетных космических перелетов – должна была наступить в обозримое время, ее дыхание уже ощущалось поколением 1960-х²⁵. Это близкое (завтрашнее), но одновременно распахнутое в бесконечность будущее должно было осмыслиться и визуализироваться.

Исследовательница Лиза Мессери изучает способы, которыми различные специалисты превращают космос из равнодушного и смертельно опасного пространства в набор обозримых мест человеческого масштаба, domesticiруют его – иными словами, превращают из *space* в *place*²⁶. Изучая практики моделирования «местности» иных планет с помощью земных категорий и инструментов (ландшафтов, ракурсов, геологических наблюдений), она показывает, как космическое чужое выстраивается в качестве земного и знакомого и в научных, и в популярных интерфейсах.

В текстах новороссийских школьников космос тоже предстает как *place*, а не *space*, причем это место максимально одомашнено. Космос будущего «приручен» и привычен – согласно Олиному письму, ее корреспондент из будущего вспоминает родную планету, но живет на другой, словно в другом городе. В письме, написанном шестиклассниками новороссийской школы № 12 (цитата в следующем параграфе), выдвигаются предположения о существовании в будущем межпланетных такси²⁷.

Образ обжитого космоса подкрепляется научной фантастикой, в том числе детской. Например, в «Девочке, с которой ничего не случится», первой книге «алисианы» Кира Булычева (Игоря Можейко), Игорь Селезнев буднично обещает свозить дочку летом на Марс²⁸. В сборнике «Полдень, XXII век» Стру-

the USSR, 1945–1965 // The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia. Routledge, 2021. P. 64–85; КОЗЕВНИКОВ А. *The Cultural Spaces of the Soviet Cosmos // ANDREWS J. T., SIDDIQI A. A. (Eds.). Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 15–27.

- 24** Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 316.
- 25** Бойм С. *Космос в женском туалете // Неприкосновенный запас*. 2019. № 2(124). С. 197–208; Фокин А. А. *Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века*. Дис. канд. ист. наук. Челябинск, 2007; Уль К. *Указ. соч.* С. 279–326; Вайль П., Генис А. *60-е. Мир советского человека*. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- 26** MESSERI L. *From Outer Space to Outer Place // IDEM. Placing Outer Space: An Earthly Ethnography of Other Worlds*. Durham: Duke University Press, 2016. P. 1–24.
- 27** ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/98.
- 28** Булычев К. *Девочка, с которой ничего не случится // Мир приключений. Альманах*. № 11. М.: Детская литература, 1965. С. 638.

гакие вкладывают мысль об обыденности космических полетов в уста *гостя из прошлого*, космолетчика Жени Славина, и звучит она буквально так же: «вы летаете к звездам, как мы летали к маме на летние каникулы»²⁹. О мире «Полдня» как о «не по-советски» частном и индивидуально ориентированном исключении пишет Ирина Каспэ³⁰, и, как видно по приведенным выше примерам, образ «домашнего» и «удобного» космоса есть не только в произведениях Стругацких.

ЕЛЕНА МАЛАЯ

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

В текстах новороссийских школьников космос предстает как *place*, а не *space*, причем это место максимально одомашнено. Космос будущего «приручен» и привычен.

Рассмотрим еще один текст. Так же, как и Оля, восьмиклассница Лида в коротком письме, помещенном в капсулу времени «Шхуны ровесников», представляет космические полеты в контексте личных перемещений и частных прогулок:

«Я обращаюсь к тебе, мой ровесник!

Если бы ты знал, как я хочу, чтобы в нашей стране были изобретены такие машины, на которых можно было бы делать прогулку на Венеру, Марс, Юпитер и другие планеты. А знаешь ты, как это здорово – делать прогулки по другим планетам, которые ты мало знаешь! Недавно был запущен советский спутник “Венера-4”. Я, товарищи, думаю, что еще за 50 лет вы добьетесь того, о чем так давно мечтаю я. На планетах растут города. Ученые предполагают, что на Марсе есть растительность, а если есть растительность, значит, есть и люди.

Мальчик ты или девочка, я прошу тебя, исполни мою просьбу: напиши на Марс, узнай, есть ли на Марсе люди?

Лида [Н.]»³¹.

Идея «делать прогулку на Венеру» тоже представляет советское будущее как пространство обжитого космоса. Пятьдесят лет, отделяющие год получения писем от подвигов утра космической эры, представляются временем последовательного развития всех прежних начинаний – полеты, бывшие делом немногих героев, становятся доступными всем советским людям. Космос включается в советскую ойкумену.

29 Стругацкий А., Стругацкий Б. *Полдень XXII век (Возвращение)*. М.: Детская литература, 1967. С. 99.

30 Каспэ И. *Смысл (частной) жизни и литература Стругацких // Она же. В союзе с утопией: смысловые рубежи позднесоветской культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 233–271.

31 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/115.

Тем не менее если присмотреться к короткому тексту Лиды, то космос будущего окажется неоднородным и распадется на два разных воображаемых пространства. Призыв написать на Марс выглядит несколько неуклюжей попыткой соединить в письме два нарратива о красной планете. Начало текста включает Марс в обжитый космос, где, по выражению героя гайдаевской комедии, «наши корабли бороздят просторы вселенной» и где на одной из планет живет адресат Оли. Второй нарратив связан с представлением о Марсе как о пока недоступной планете, о которой во время написания письма не известно, есть ли там жизнь («наука пока еще не в курсе дела», в соответствии с цитатой из более ранней «Карнавальная ночи»). В этом фрагменте письмо восьмиклассницы начинает переключаться с устойчивой, как минимум двадцатилетней (начиная с 1940-х) репрезентацией Марса в научно-фантастической, детской и подростковой литературе как таинственной планеты, вероятно, покрытой растительностью³². В логике письма эта просьба выглядит анахронизмом: если корреспондент Лиды может «делать прогулки» на Марс, то, вероятно, о существовании или отсутствии марсиан он знает и так. Впрочем, этой просьбой заканчивается письмо, так что скорее всего мы имеем дело с попыткой сделать финал более эффектным. Тем не менее в нем как будто звучит условная возможность продолжения корреспонденции с будущим: Лида просит написать на Марс *для нее*, как если бы о результатах этой переписки она могла бы узнать из ответного послания. Эта эпистолярная проекция (ее собственное письмо в *пока недостижимое время* превращается в письмо в *пока недостижимое пространство*) демонстрирует, как в любительских, школьных формах публичного советского письма видны швы и стыки социального воображения. Работа по их согласованию в письмах непрофессиональных советских авторов могла проводиться грубее, чем у создателей программных текстов (репортеров, писателей, идеологов), и ее следы можно заметить невооруженным глазом. В результате в тексте присутствуют два Марса, различающихся темпорально: один, синхронный Лиде и недоступный, соединен с другим, обжитым Марсом будущего. Переход из *space* в *place*, ключевой для космического воображения, осмыслен через прием письма – отправляемого одновременно и во времени, и в пространстве.

32 См. повесть «Великое противостояние» Льва Кассила (1947), главная героиня которой хочет стать астрономом и подтвердить гипотезу Гавриила Тихова о существовании на Марсе синей флоры; или более позднюю повесть Веры Кузнецовой «Необычайное путешествие» (1955), последняя часть которой также опирается на гипотезу Тихова.

В письме Лиды сквозь обжитый космос будущего проступает другой, неприрученный и опасный, с которым «работала» советская космонавтика. Он выстраивался по канонам пространств более раннего социального воображения – в первую очередь Арктики, покорением которой были пронизаны публичные нарративы 1930-х³³. В обоих случаях речь шла о незаселенных и опасных пространствах, в которых невозможно находиться вне «пузырей жизни» полярных или космических станций и без дополнительной защиты. Попадая в эти пространства, советский герой должен раздвигать границы обжитого: расширять пространство жизни, налаживать связь и противостоять угрозам, приходящим *снаружи*. Но главное – он привносит туда советскость как катализатор будущего³⁴.

При этом космос «опасных рубежей» не противоречит описанной ранее утопической модели его доместикации – в советской логике они различаются темпорально. По мере продвижения фронта те части космоса, которые еще недавно были пространствами опасности, окультуриваются и «приручаются». Иногда это происходит в рамках одного произведения: так Марс в цикле «Полудня» Стругацких сначала предстает опасной и только частично заселенной пустыней, где по ночам охотится «летающая пиявка» ора-тобу хиру. Затем в рассказах о более позднем будущем этот хищник приручается в буквальном смысле слова³⁵. Как отмечает Александра Ермолова, покорение новых планет и превращение их в доступные пространства обыденной жизни – два самых популярных сюжета детских рисунков на космическую тематику в 1950–1960-х³⁶.

Время и пространство в советском колониальном воображении переходят друг в друга: футуристический звездный поиск приводит землян к «отсталым» планетам, которые нужно развивать. Колонизация космоса мыслится как одновременно пространственное и темпоральное включение в советскую ойкумену новых планет: они «обезвреживаются» и превращаются в безопасные (путем терраформирования, приведения атмосферы к земной, борьбы с локальными угрозами), а в случае обитаемос-

33 Об обживании Арктики и проектах смягчения ее климата в советской фантастике см.: ФРАНК С. *Теплая Арктика: к истории одного старого литературного мотива* // Новое литературное обозрение. 2011. № 2. С. 82–97.

34 GEROVITCH S. «New Soviet Man» inside Machine: Human Engineering, Spacecraft Design, and the Construction of Communism // *Osiris*. 2007. Vol. 22. № 1. P. 135–157; ИДЕМ. «Why Are We Telling Lies?» *The Creation of Soviet Space History Myths* // *The Russian Review*. 2011. Vol. 70. № 3. P. 460–484; СИДДИҚИ А.А. *The Red Rockets' Glare: Spaceflight and the Russian Imagination, 1857–1957*. New York: Cambridge University Press, 2010.

35 СТРУГАЦКИЙ А., СТРУГАЦКИЙ Б. *Указ. соч.* С. 255.

36 ЕРМОЛОВА А.И. «Саша рисует ракету, а Боря рисует конфету...»: образы космоса в журналах для детей конца 1950–1960-х годов // *Наследие веков*. 2021. № 2. С. 24–34.

ти на них начинается борьба с «отсталым» временем населения, «дотягивание» их до современного будущего Земли, понимаемого как социалистическое или коммунистическое.

Модерность как темпоральный режим неравенства использует время как инструмент колонизации. Хоми Баба показывает, что колонизированный субъект всегда отстает от времени центра, который позиционируется как «опережающий» его в развитии³⁷. Колония позиционируется как нуждающаяся в одомашнивании, развитии и скоростной «возгонке» до уровня метрополии. Концепция прогрессорства, распространенная в советской научной фантастике³⁸, вполне соответствует этой логике. Герои советских писателей на практике проверяют, может ли инопланетное общество, направляемое просвещенной Землей, перепрыгнуть через одну или две ступени общественного развития³⁹.

Время и пространство в советском колониальном воображении переходят друг в друга: футуристический звездный поиск приводит землян к «отсталым» планетам, которые нужно развивать. Колонизация космоса мыслится как одновременно пространственное и темпоральное включение в советскую ойкумену новых планет.

Итак, в научных, политических и художественных нарративах космос оказывается местом, в котором случается советское будущее. За «утром космической эры» должен прийти день (или *полдень* Стругацких), радикально расширяющий границы советскости в межзвездном пространстве. Письма из 1967 года отправляются туда – ну, или по крайней мере в более позднее

37 Внавна Н.К. «Race», *Time and the Revision of Modernity* // *Oxford Literary Review*. 1991. Vol. 13. № 1. P. 193–219.

38 Кукулин И.В. *Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики* // Новое литературное обозрение. 2007. № 6. С. 169–201; Хоруженко Т. *Принудительное счастье космической колонизации: советский проект в научной фантастике* // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 3. С. 761–775; Липовецкий М.Н. *Еще раз о комплексе прогрессора* // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 1(99). С. 173–190; Иванов К. *Воображаемые космические путешествия в ранней советской научной фантастике* // *Логос*. 2018. № 2(123). С. 159–224.

39 Критические произведения, например, «Трудно быть богом» (1964) Стругацких, показывают скорее тактические ошибки прогрессоров и их одиночество во враждебной системе, чем принципиальную невозможность направленного развития далеких планет. В то же время использование Ильей Кукулиным формулировки «постколониальная» по отношению к более поздним произведениям Стругацких несколько усложняет эту картину, как и наблюдение Марка Липовецкого о том, что прогрессоры сами оказываются колонизированными субъектами: внутри сюжета – Странниками, снаружи – самим контекстом советской системы. См.: Кукулин И.В. *Указ. соч.*; Липовецкий М.Н. *Указ. соч.*

«утро». При этом и космос является будущим для советского проекта, новым шагом его пространственной экспансии, и, наоборот, советскость, привнесенная на другие, пока что дикие и необжитые, планеты, приближает их к будущему.

ЕЛЕНА МАЛАЯ

КАПСУЛА ВРЕМЕНИ
И ПРОГУЛКИ НА МАРС...

РАКЕТЫ В БУДУЩЕЕ

Символические колониальные практики в советской космонавтике применялись и при практическом проектировании летательных аппаратов. Сразу в нескольких письмах новороссийской капсулы времени упоминается главная космическая новость 1967 года: 12 июня была запущена автоматическая межпланетная станция «Венера-4», которая через 17 недель достигла Венеры. Станция, разработанная НПО имени С.А. Лавоочкина, стала первым аппаратом, достигшим планеты, прошедшим ее атмосферу и зашедшим на посадку при сохранении связи с Землей⁴⁰. Это событие во многом определило положение советской венерианской программы в 1960-х, успешной по сравнению с неудачными попытками достичь Марса и других планет Солнечной системы⁴¹.

Помимо приборов (датчиков температуры, давления и плотности, газоанализаторов химического состава атмосферы и радиовысотомера), в спускаемом аппарате находились символически значимые предметы: металлические вымпелы с эмблемами Советского Союза. Их упоминание также встречается в одном из писем новороссийских школьников в будущее – в то же будущее, в котором предполагалась работа межпланетных такси:

«В канун 50-летия Октябрьской революции мир потрясла новая победа научной мысли и технического совершенства: на планету Венеры приземлилась космическая станция “Венера-4” с вымпелом Советского Союза [курсив мой. – Е.М.]. В эти дни впервые совершены беспосадочные перелеты Москва–Магадан и Москва–Петропавловск–Камчатский женским экипажем под командованием Валентины Руслановой. Мы видим как [так в тексте. – Е.М.] стремительно развивается человеческий гений. То, что было рекордным 10 лет тому назад, сегодня кажется заурядным. Вы, наверное,

40 Впрочем, несмотря на успешное срабатывание посадочной системы и плавный спуск с передачей информации на Землю, аппарат «Венера-4» был раздавлен атмосферой Венеры до касания поверхности. В литературе встречаются также упоминания полета станции «Венера-3» (1966) как успешного, но, несмотря на то, что он, видимо, в итоге достиг поверхности планеты, связь с ним прервалась за 17 дней до прибытия. Тем не менее заметка в «Правде» от 2 марта 1966 года называет эту миссию успешной и не сообщает о потере связи. См.: МАРОВ М.Я., ХАНТРЕСС У.Т. *Советские роботы в солнечной системе. Технологии и открытия*. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2018. С. 221–223; *Вымпел с гербом СССР на планете Венера* // Правда. 1966. 2 марта. С. 1.

41 МАРОВ М.Я., ХАНТРЕСС У.Т. *Указ. соч.* С. 213–223; 525.

улыбнетесь снисходительно, читая о событиях, которые кажутся нам потрясающими. В Ваше время, может быть, установится постоянная связь с другими обитаемыми мирами, будут ходить межпланетные “такси”. Может быть, Вы превзойдете все наши даже смелые мечты»⁴².

Этот фрагмент письма от лица пионеров новороссийской школы № 12 встраивает доставку вымпелов на Венеру в ряд других примеров покорения неба.

Вымпелы – металлические символические объекты, которые должны были разлететься вокруг места падения космического аппарата, помещались внутрь их корпусов начиная с первых миссий лунной программы Е-1 и Е-1А («Луна-1» и «Луна-2», оба – 1959 год). Обычно они изготавливались в виде сфер с процерченными линиями разлома и размещенным внутри взрывчатым веществом – при ударе о поверхность шары должны были распадаться на алюминиевые пятиугольники с выгравированными эмблемами СССР. «Луна-2» смогла достичь цели и доставить вымпелы на лунную поверхность – в честь чего Никита Хрущев презентовал их дубликаты Дуайту Эйзенхауэру при личном визите в Нью-Йорк в сентябре 1959 года.

Вымпелы на Луне и других планетах (помимо Венеры, они отправлялись на Марс) должны были символически маркировать новые пределы советской ойкумены. Их дизайн менялся: вымпелы, использованные при полетах к Венере с 1961 года, помещались в цветной глобус Земли, сделанный из титана. Океаны были окрашены в синий, континенты – в золотой цвета, а при расколе из глобуса выпадала круглая медаль с гербом СССР. Внутренняя оболочка, как и в лунных моделях, дробилась на стальные пятиугольники меньшего размера с текстом «Земля–Венера» и указанием года. Глобус одновременно должен был работать, как поплавки, в случае попадания в жидкость⁴³. Первым таким «глобусом» стал вымпел станции «Венеры-1» (1961), впрочем, не долетевший до планеты. В том или ином виде достиг поверхности вымпел «Венеры-3», которая, несмотря на выход из строя еще до подлета к планете, вероятно, вошла в ее атмосферу (предположительное место падения – к востоку от кратера Мид, названного в честь антрополога Маргарет Мид)⁴⁴.

42 ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». Инвентарный шифр экспоната НМ-11938/98.

43 Маров М.Я., Хантресс У.Т. *Указ. соч.* С. 133–134; Плискин Г.А. *Вымпелы летят к планетам: первые космические вымпелы ОКБ-1 (1958–1966)*. СПб.: ДЕАН, 2017. С. 67–91.

44 Сейчас поиск вымпелов (как тех, что остались на Земле после неудачных запусков аппаратов, так и дубликатов успешных миссий) составляет предмет интереса коллекционеров и журналистов. Один из них, Геннадий Плискин, собрал богатую коллекцию вымпелов и опубликовал богато иллюстрированную книгу об их производстве и дизайне (Плискин Г.А. *Указ. соч.*). Мемориальный музей космонавтики в Москве также экспонирует коллекцию лунных вымпелов: <https://kosmo-museum.ru/news/lunnye-vympely-sssr>.

Вымпелы, забрасываемые на небесные тела, представляют собой знаки советского присутствия. Маркирование ими достигнутого рубежа может рассматриваться как колониальная практика – эмблемы с советским гербом отмечают места, на которые пусть символически, но распространяется советская власть. При этом, учитывая, что в космосе локализуется будущее, эти объекты можно интерпретировать как своеобразные семена, которые должны впоследствии «прорасти» в устойчивый советский порядок, адаптирующий космические объекты под себя. Например, в детском диафильме «Станция Луна» (1967) рассказ о покорении Луны начинается с вымпела с советским гербом, заброшенного на ее поверхность в 1959 году, а заканчивается советскими городами с гуляющими по их улицам семьями в скафандрах и очередями на рейс «Земля–Луна»⁴⁵.

Космические аппараты NASA тоже несли в себе американскую символику в виде небольших флагов Соединенных Штатов – традиция, продолжившаяся с установкой полноразмерного флага с жестким каркасом на Луне в 1969 году. Перед отправкой «Аполлона-11» в NASA велись дискуссии об уместности именно национального флага на Луне, особенно острые в контексте того, что в 1967-м члены ООН подписали Договор о космосе, исключающий территориальные и военные притязания на небесные тела и предполагающий совместное и мирное использование его пространства. Тем не менее на Луне был установлен национальный флаг США, а не флаг ООН, что, как и в случае с советской символикой, подкрепило образ именно государственной экспансии (несмотря на претензию на общечеловеческие смыслы)⁴⁶. Помимо флага, на Луне были оставлены золотая оливковая ветвь и мемориальная доска с опоры модуля «Аполлона-11» с посланием от лица человечества. Важным в контексте этого исследования кажется оставленный на поверхности Луны кремниевый диск с «Посланием доброй воли» – микроскопическими фрагментами обращений четырех президентов США разных лет и лидеров других государств, поддержавших лунную программу NASA⁴⁷. Из-за хрупкости диск был доставлен на Луну в алюминиевой капсуле. Его сходство с практикой закладки капсул времени, изначально сложившейся в США, исключительное – с той лишь разницей, что капсулы обладают датой распечатки.

На связь капсул времени с космическими аппаратами обращает внимание Ник Яблон, проследивший ее на американ-

45 Клушанцев П.В. *Станция Луна* / илл. Бундин В.А. М.: Диафильм, 1967. Российская государственная детская библиотека. МУЗ-РЕД. Инвентарный номер ДФ-18724 (<https://arch.rgdb.ru/xmlui/handle/123456789/47960#page/41/mode/1up>).

46 GORMAN A. *The Cultural Landscape of Interplanetary Space* // Journal of Social Archaeology. 2005. Vol. 5. № 1. P. 85–107.

47 *Apollo 11 Goodwill Messages 1969* (https://history.nasa.gov/ap11-35ann/goodwill/Apollo_11_material.pdf).

ском материале⁴⁸. Советский Союз, заимствовавший у США практику закладки капсул, сделал это, вероятно, не раньше 1959 года⁴⁹, после знакомства с капсулой времени компании «Westinghouse Electric» (1938). Начиная с нее американские капсулы времени были тесно связаны с космической эстетикой. Организатором закладки капсулы 1938 года был Джордж Эдвард Пендрей – энтузиаст ракетостроения, научный журналист, впоследствии принявший участие в создании NASA⁵⁰. Благодаря его экспериментам с ракетами, капсула получила аэродинамическую форму, непроницаемый блестящий корпус и название «Time bomb», впоследствии измененное на «Time capsule» (капсула Пендрея дала имя всему жанру этих объектов). В 1934-м Пендрей стал соучредителем Американского межпланетного общества (сейчас – Американский институт аэронавтики и астронавтики, American Institute of Aeronautics and Astronautics).

Вымпелы, забрасываемые на небесные тела, представляют собой знаки советского присутствия. Маркирование ими достигнутого рубежа может рассматриваться как колониальная практика – эмблемы с советским гербом отмечают места, на которые пусть символически, но распространяется советская власть.

Первая капсула времени в Советском Союзе также была связана с космическим воображением – по всей видимости, ею стала «Ракета времени», заложенная в пионерском лагере «Артек» в 1960-м на 40 лет, до 2000 года. В корпусе взлетающей ракеты, установленной возле домика основателя лагеря Зиновия Соловьева, находились письма пионеров, отправленные к яркому темпоральному рубежу – началу третьего тысячелетия нашей эры.

Следующие советские капсулы, включая новороссийскую, отходят от формы космических аппаратов, но сохраняют с ними смысловое сходство. Они функционируют аналогичным образом: отправляются на границы советской ойкумены и несут

48 YAVLON N. *Op. cit.* P. 301.

49 Я предполагаю, что это случилось после взаимных визитов американского и советского руководства и обмена выставками: советских достижений на площади Columbus Circle в Нью-Йорке (открыта 29 июня 1959 года) и американских – в парке Сокольники (открыта 24 июля 1959 года), в котором состоялись знаменитые «кухонные дебаты» Хрущева и Никсона.

50 ВЕСК J. *The Call of the Anthropocene* // *Cultural Politics*. 2014. Vol. 10. № 3. P. 407.

туда символические объекты, утверждающие и укрепляющие отправившую их власть – письма, наполненные коммунистическими формулами, комсомольские значки, аудио- и видеопленки с просоветскими материалами. Сохранность содержимого обеспечивается герметичной оболочкой: аппарат «Венера-4» должен быть так же изолирован от влияния внешней среды, как и новороссийская капсула времени, лежащая на дне моря. Радикальная изоляция зацементированного «снаряда» с советскостью заставляет вспомнить о первом названии капсулы компании «Westinghouse Electric» – «Time bomb». Бомба времени закладывается в удаленном месте, чтобы не детонировать раньше срока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В текстах новороссийской капсулы времени не всегда есть подробные описания того или иного будущего – основную их часть составляет рассказ о прошлом или настоящем. Тем не менее, когда будущее появляется в текстах, оно располагается в космосе. Космос представляется местом будущего, его одомашненным ландшафтом, по которому ходят межпланетные такси, а на разных планетах живут и ездят друг к другу в гости бывшие земляне. Это надежный, прирученный мир. Доместикация будущего происходит на площадках утопического воображения – помимо писем потомкам, в первую очередь в научной фантастике. Художественная литература рисует и фронтир покоренного космоса – потенциально несущий угрозу, но удаленный от обжитого центра на безопасное расстояние. По мере его расширения и включения новых областей в советскую ойкумену они также «цивилизуются», а их «отсталость» или «дикость» преодолевается. Такой переход от *space* к *place* характерен для колониального воображения, которым пронизаны как письма потомкам, так и смысловые логики советской космонавтики.

При этом сами капсулы времени как объекты (в отличие от лежащих в них писем) работают не с одомашненным будущим, а с фронтирным – так же, как и автоматические космические станции. И те и другие «выстреливают» элементами советскости, забрасывая их за передний край, как бы отмечая места ее будущего присутствия. Фронтир отличается от обжитого мира темпорально: там, где в 1960-е находятся только алюминиевый вымпел или комсомольские значки, в будущем ожидается устойчивый советский порядок. И если некоторые авторы писем еще сомневаются в возможности в 2017 году совершать космические прогулки на другие планеты, то более далекое бу-

дущее однозначно предполагает пассажирские межзвездные перелеты.

И капсулы времени, и космические аппараты напрямую наследуют баллистическим снарядам военной индустрии (ср. названия «Time bomb», «ракета времени») и «заряжены» советскостью. Это подтверждает еще одно наблюдение: в 2017 году капсулу «Шхуны ровесников» опасались поднимать со дна моря. По словам одной из моих собеседниц, связанной с организацией поиска и подъема писем, принятию решения о подъеме предшествовали сомнения и споры. Капсула казалась небезопасной: по словам моей собеседницы, *«в ней слишком много политики, там столько коммунистических призывов и советских лозунгов»*. Позже она добавила: *«Мы беспокоились, что люди увидят, какое будущее не случилось и какое настоящее сейчас. Сильный контраст»*⁵¹. Таким образом, капсулы времени «фонят», как радиоактивное вещество, – и распространяют советскость вокруг себя. Иными словами, продолжают осуществлять колонизацию времени, для которой и были созданы.

51 Цитата по полевому дневнику, июль 2021 года.

Спутник на елке: советский Новый год между идеологией и семейной памятью

ДАРЬЯ
РАДЧЕНКО

Материальные объекты не только отражают социальные отношения и представления, но и в некотором смысле создают самого человека и формируют его взаимодействия с окружающей реальностью. Их могут не замечать, воспринимать как должное и хорошо знакомое – но именно эта «скромность вещей»¹ придает материальному силу воздействия. Одной из таких формирующих сил для советского и постсоветского человека стали сопровождавшие его повсеместно вещи, связанные с космической образностью – от массовой агитации до предметов повседневной жизни. Лампы, зажимы для галстука, спичечные коробки и другие бытовые объекты стали своего рода посланцами космоса в советских квартирах, свидетельствовавшими «о тесных взаимоотношениях тел и машин, их слиянии как необходимом условии технического и социального развития»². Среди таких «космических» объектов были и елочные игрушки.

Общим местом в исследованиях рождественской и новогодней ритуальности конца XIX – начала XXI века стало понимание праздника как основания групповой солидарности:

«Благодаря регулярному поддержанию рождественских традиций, общества могут постоянно формировать и трансформировать сильные коллективные связи, укорененные в готовых к употреблению узнаваемых образах прошлого. [...] Поэтому разные ритуалы Рождества не только резонируют с прошлым, но и служат личным отношениям в настоящем»³.

Более того, общность ритуала, по мнению исследователей, не только помогает поддерживать семейные и групповые связи, но и способствует формированию общей идентичности нации⁴. Как замечает Светлана Адоньева, «нет общности “советский на-

Дарья Александровна Радченко (р. 1979) – антрополог, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС (Москва).

1 MILLER D. *Stuff*. Cambridge, 2010. P. 50.

2 ГОЛУБЕВ А. *Вещная жизнь: материальность позднего социализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 53.

3 BURRELL K. *The Objects of Christmas: The Politics of Festive Materiality in the Lives of Polish Immigrants* // SVAŠEK M. (Ed.). *Moving Subjects, Moving Objects. Transnationalism, Cultural Production and Emotions*. New York: Berghahn Books, 2012. P. 55–56.

4 PERRY J. *Nazifying Christmas: Political Culture and Popular Celebration in the Third Reich* // *Central European History*. 2005. Vol. 38. № 4. P. 572–605.

род”, если нет кремлевских курантов в двенадцать ночи, главного Деда Мороза и салата оливье»⁵.

Предполагается, что это единство достигалось в том числе и за счет использования материальных составляющих праздника в качестве средства трансляции идеологии – прежде всего новогодней елки. Для исследований, посвященных елке и елочным украшениям советского периода, характерно осмысление игрушки в контексте политической пропаганды, где она становится важнейшим элементом идеологического воздействия на самую младшую целевую группу:

«Елочная среда со всеми присущими ей компонентами всегда выступала как объект сознательного моделирования и достаточно жесткого управления и являла собой прямое отражение и воплощение властных политико-воспитательных канонов, норм и практик»⁶.

Такому взгляду, несколько замороженному экзотикой идеологических украшений, елка предстает как сплошь увешанная советской символикой. Наследуя подобной исследовательской оптике, было бы соблазнительно предположить, что космические образы самого популярного и любимого праздника служили исключительно пропаганде советских достижений и воспринимались потребителями именно в этом качестве. Вместе с тем новогодние украшения в СССР на протяжении всей его истории не ограничивались политически нагруженными игрушками – более того, перед промышленностью и публичными агентами праздника никогда и не ставилось задачи полностью вытеснить аполитичную новогоднюю атрибутику из обихода. С XIX века в разных странах праздник Нового года (как и Рождества) связывает между собой идеологическую повестку (будь то религиозная образность или политические символы) и потребительскую культуру, семейные традиции и актуальные государственные задачи⁷ – и советская новогодняя образность не является исключением. Исследуя новогодние объекты, практики и ритуалы детальнее, мы обнаруживаем переплетение самых разных агентностей, сил, интересов. С одной стороны, Новый год – системообразующий праздник для целого ряда социальных сборок, от семейных до государственных и глобальных. С другой, как мы увидим, он сам оказывается сборкой

5 Адоньева С. Б. *Дух народа и другие духи*. СПб.: Амфора, 2009. С. 191.

6 Сальникова А. А. *Советская елочная игрушка как невербальный текст: проблемы «написания» // Исторический источник и проблемы российской истории: Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. А. Литвин. Казань: Казанский университет, 2011. С. 146–154; см. также: Сальникова А. А. *История елочной игрушки*. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Душечкина Е. В. *Русская елка: история, мифология, литература*. М.: Норинт, 2002.*

7 SCHEER M. *Tense Holidays: Approaching Christmas through Conflict* // KLASSEN P. E., SCHEER M. (Eds.). *The Public Work of Christmas: Difference & Belonging in Multicultural Societies*. Montreal: McGill-Queen University Press, 2019. P. 17–35.

экономических факторов, политических задач и технологий, различных темпоральностей и аффективных режимов, причем каждый из этих элементов нестабилен и изменчив.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

Материальные объекты выглядят «объективными свидетелями» истории, но это ощущение обманчиво: в зависимости от того, в какие практики они встраиваются, изменяется не только их прагматика, но и семантика.

Материальные объекты выглядят «объективными свидетелями» истории, но это ощущение обманчиво: в зависимости от того, в какие практики они встраиваются, изменяется не только их прагматика, но и семантика. В этой работе я буду опираться на биографический подход в исследовании материального⁸, чтобы проследить движение «космической» елочной игрушки от производителя до музея, причем движение во взаимодействии с другими объектами экосистемы⁹ домашней (и не только) новогодней материальности. В процессе этого взаимодействия, внутри связанной сети материального в елочном украшении будут проявляться разные свойства – а подобные проявления, как утверждают Майк Энасес и Тим Ингольд, никогда не завершаются¹⁰. Мы увидим, как актуальная идеологическая повестка отливается в материальные формы, как затем она одомашнивается и встраивается в праздничный семейный ритуал, участвуя в создании особой аффективной атмосферы, и как уже значительно позже, будучи вырванными из контекста, такие объекты эксплуатируются в публичных практиках памяти и коллективной ностальгии по советской космической утопии. Иными словами, основная задача этой статьи – попытаться понять, как производится «советское» в советском материальном наследии: в какой степени и под воздействием каких факторов «советская утопия» вписывалась в материальный объект на этапе его создания (как письмо пионерам будущего в «капсуле времени»¹¹), как она перекодировалась в ходе взаимодействия с потребителями игрушки и как вчитывается в этот объект сегодня.

8 Копытофф И. *Культурная биография вещей: товаризация как процесс* // *Социология вещей. Сборник статей*. М.: Территория будущего, 2006. С. 134–167.

9 GIACCARDI E., SPEED CH., CILA N., CALDWELL M. *Things As Co-Ethnographers: Implications of a Thing Perspective for Design and Anthropology* // SMITH R. C. ET AL. (Eds.). *Design Anthropology Futures*. London: Bloomsbury, 2016.

10 ANUSAS M., INGOLD T. *Designing Environmental Relations: From Opacity to Textility* // *Design issues*. 2013. Vol. 29. № 4. P. 66.

11 МАЛАЯ Е. К. *Капсула времени в постсоветском совхозе* // *Антропологический форум*. 2020. № 47. С. 84–110. (См. также статью Елены Малой «Капсула времени и прогулки на Марс: об инструментах колонизации будущего» в этом номере «НЗ». – *Примеч. ред.*)

ЕЛОЧНЫЙ КАНОН НА ФОНЕ ПЯТИЛЕТКИ

В 1920–1930-е во всех областях культурной индустрии, ориентированной на детей – от детской литературы до елочной игрушки, – развернулись интенсивные дебаты о том, что может считаться подлинно советским искусством для детей, то есть искусством, воспитывающим будущего гражданина в коммунистическом духе. Большинство участников полемики настаивали на том, что образы зверей, птиц, сказочных героев должны сочетаться с актуальными сюжетами, посвященными авиации, обороне, национальностям СССР, покорению Арктики и так далее¹². Однако практически никто не призывал к полному замещению нейтральных игрушек идеологическими. Единственное, что признавалось неприемлемым, – это украшения, «противоречащие принципам коммунистического воспитания детей»¹³: игрушки религиозного содержания (например ангелы) и карикатурные изображения. Тематика елочных игрушек должна была «отображать социалистическое строительство, оборонную мощь нашей родины, персонажи [так в тексте. – Д. Р.] сказок и художественной литературы, оригинальные фигуры птиц, животных и типы людей»¹⁴. Образы, связанные с актуальной повесткой, перечислены в начале списка как приоритетные, но это не означает, что они количественно доминировали на елке¹⁵.

Задача производства елочной игрушки на актуальную тематику стояла перед фабриками постоянно, и космическая повестка была крайне востребованной: не только потому, что свидетельствовала о достижениях советской технонауки и мирных подвигах советского человека, но и благодаря своему содержанию: «Новый год [...] оказался для советского проекта очень подходящим праздником, так как в нем естественным образом сочетается прощание с прошлым [...] с радостной надеждой на будущее»¹⁶. Новогоднее украшение должно демонстрировать соприкасающиеся в праздновании временные слои – сакральное прошлое, настоящее и будущее, – и космическая темати-

12 Елка: сборник статей о проведении елки / Под ред. Е. А. Флериной, С. С. Базыкина. М.: Учпедгиз, 1936.

13 Ершова О. Г., Райкин Л. А. *Игрушки*. М.: Издательство Центросоюза, 1950. С. 55.

14 Положение о конкурсе на лучшие высококачественные и высокохудожественные образцы изделий культурных товаров и различных игрушек, производимого внутри системы Мосгоркультигрушкоюза. М., 1939. С. 9.

15 Бегло перечислим ассортимент разных лет, связывающий елку с советской действительностью. Прежде всего это советская символика (звезды, шары с изображением серпа и молота, голубя мира, надписями «СССР» и тому подобное; в позднесоветский период – коммеморативные игрушки «эпохи великих юбилеев» – в память 30-летия победы в Великой Отечественной войне и 50-летия создания СССР; олимпийский медведь). Затем это советские персонажи (пионеры, полярники и полярные станции, пограничники, военные, парашютисты, космонавты) и техника (тепловоз, броневик, трактор, танк, дирижабли, ракеты и спутники, редко – самолеты, ледокол «Красин» и так далее).

16 Круглова Н. Г., Саврас Н. В. *Новый год как праздничный ритуал советской эпохи* // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. Т. 76. № 2. С. 8.

ка, с ее уникальным сочетанием культа научно-технической рациональности и надежды на чудо полета к звездам, оказалась как нельзя более кстати¹⁷. В результате с начала 1960-х в ассортименте елочных игрушек появляются массовые украшения, изображающие космическую технику, а позже и космонавтов.

Однако интерес к «космической» елочной игрушке, как мы увидим, оказался ограниченным. Возможно, ей не повезло в художественном плане: она появилась в ассортименте новогодних объектов на излете периода, когда эстетической проработке новогодних украшений уделялось максимальное внимание. Расцвет советской елочной игрушки, особенно стеклянной, пришелся на очень короткий период 1950-х – начала 1960-х: для этого времени характерны едва ли не самые детализированные стеклодувные формы и проработанная раскраска. В «космических» же игрушках 1960–1980-х появляются совершенно иные художественные решения. Этот сдвиг не случаен и связан с целым рядом факторов – технологических, экономических, организационных, эстетических.

Постепенный рост благосостояния в послевоенный период привел в том числе к увеличению спроса на елочную игрушку – однако существующая модель производства удовлетворить его не могла. Вплоть до 1950-х игрушки производили в основном либо небольшие артели и кооперативы, использовавшие преимущественно ручной труд, либо предприятия, которые выпускали елочные украшения в качестве дополнительного источника прибыли или утилизации отходов¹⁸ и потому не были заинтересованы в развитии этого непрофильного направления. Для решения проблемы (и в общем русле развития плановой экономики) с середины 1950-х артели и мастерские постепенно укрупняются и преобразовываются в фабрики. Этот переход сопровождался взрывным расширением ассортимента¹⁹. Однако укрупнение производств и жесткие условия постоянно растущего плана привели к стандартизации производства, упрощению форм и росписи.

Следующим шагом в трансформации елочных украшений стали экономические реформы конца 1965 года. Они предполагали, во-первых, дальнейшее укрупнение производств и организаций²⁰, а во-вторых, смещали фокус производства с адми-

17 Заметим, что путь елочной игрушки от эскиза до елки был долгим, на нем стояло множество «фильтров», на каждом этапе принимавших решение, пропускать ли конкретное украшение к потребителю: художественные и технологические советы, руководство производств, оптовые базы, розничные магазины и так далее. Именно поэтому реакция на актуальные события запаздывала – и, например, картонные игрушки, изображающие космонавта на Луне, поступили в продажу уже после провала советской лунной программы.

18 Например, Московский завод стеклянных изделий, завод «Москабель» и другие.

19 Горожанина С. В. *Сказка стекла. История клинской елочной игрушки*. М.: Мир детства, 2021. С. 180.

20 Митрохин Н. *Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах*. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

нистративных на экономические методы планирования: теперь предлагалось оценивать работу предприятий по объему и суммарной стоимости отгруженной продукции и рентабельности²¹. Соответственно, предприятиям было необходимо увеличить выпуск и снизить себестоимость продукции²² за счет оптимизации труда, внедрения новых технологий и пересмотра норм расхода материалов.

В конце 1960-х производители отмечали, что наиболее интересные в художественном плане объекты предшествующего периода слишком дороги для потребителей, и в результате снижался запрос на формовые игрушки на прищепках в пользу шаров, абстрактных подвесок, бус и так далее²³. С одной стороны, покупатели берегли однажды купленные и достаточно дорогие игрушки и редко могли позволить себе ежесезонное обновление семейной елки. С другой, себестоимость игрушек сложной формы была слишком высокой из-за неизбежного брака, большого объема ручного труда, требуемого для их выдувки, росписи, производства и сборки крепления типа прищепки²⁴, разнообразия ассортимента, требовавшего от сотрудников больше времени для освоения производственных операций. Например, формовые игрушки или простые шары производились быстрее, чем игрушки, создаваемые методом свободной выдувки с припайными элементами²⁵ (в частности, спутники и ракеты), которые в середине 1960-х начали исчезать из ассортимента.

Параллельно расширялся ассортимент полимерных украшений²⁶, производимых путем горячего литья в пресс-формы, которое существенно быстрее стеклодувного производства и почти не требует ручного труда. Так, на конференции в 1967 году одна из фабрик сообщала:

«Изделия из стекла, которые не подвергались серебрению или алюминированию, а изготовлялись из голя с последующей окраской

21 Гизатуллина Э.Ф. *Сентябрьский (1965 год) пленум ЦК КПСС как поворотный пункт в методах реализации государством функции управления советской экономикой* // Общество и право. 2017. Т. 60. № 2. С. 235–239.

22 Федосеев Л.С. *Опыт работы Высоковской фабрики елочных украшений в новых условиях планирования и экономического стимулирования* // Материалы всесоюзной технической конференции по обмену опытом в производстве стеклянных елочных украшений. Декабрь, 1967. М.: ВНИИИ, 1968. С. 3.

23 Коссаковская Е.А. *О состоянии производства игрушек в СССР в 1964 г.* Цит. по: Балашова Е.А., Прибыткова А.А., Балашов В.В., Прибытков Д.В. *Советские елочные игрушки. Каталог. Том 3.* М., 2021. С. 297. Некоторые игрушки «космической» тематики, несмотря на художественные достоинства, так и не были выпущены из-за высокой цены, см.: Катюхина Е.М. *Новые методы оформления стеклянно-елочных украшений* // Материалы всесоюзной технической конференции... С. 24.

24 В 1964 году на Решетниковской фабрике доля ручного труда составляла 95% (Горожанина С.В. *Указ. соч.* С. 172), на Московском заводе стеклянных елочных украшений в конце 1960-х – около 80% (*Материалы всесоюзной технической конференции...* С. 9).

25 Горожанина С.В. *Указ. соч.* С. 100.

26 Тягунов П.П. *Изготовление стеклянных елочных украшений на роторных линиях* // Материалы всесоюзной технической конференции... С. 9.

нитролаками, выпускаются теперь из пластмасс. По внешнему виду они не уступают стеклянным, но менее трудоемки в изготовлении. Фабрика начинает выпуск набора "Космос", в который входят 12 крупных пластмассовых украшений»²⁷.

Однако такие украшения не были востребованы потребителями.

В то же время на облике елочной игрушки этого периода сказалось изменение эстетических норм. В архитектуре, интерьере и бытовом дизайне стал господствовать футуристический минимализм: абстрактные геометрические формы, снижение детализации, ставка на материалы, обеспечивающие максимум света и прозрачности, – стекло, металл, пластик. Соответственно, производились отвечающие веяниям времени елочные игрушки – с абстрактными или условными и обобщенными формами, из прозрачного стекла, бесцветного или окрашенного (характерный пример – игрушки в технике «глинка» или «каустик», окрашенные цветным лаком с просветами), с металлизированным блеском.

Сочетание этих двух трендов – экономического и эстетического – привело к формированию определенного набора «космических» елочных образов. Вне зависимости от используемой технологии эти игрушки отличает ряд общих особенностей – и именно они повлияли на восприятие космоса советскими детьми.

«Космические» елочные игрушки, как правило, представляют собой максимально обобщенные формы: спутники, ракеты, планеты, фигуры космонавтов. Сходство с изображаемым предметом в них достигается за счет отдельных деталей, реже, надписей. Для советской стеклянной елочной игрушки это, в принципе, устоявшаяся практика: игрушки, изображающие предметы техники (танки, автомобили и так далее), производились с 1930-х, и вполне приемлемым считалось, что «формы у них довольно условны, что связано с особенностью материала»²⁸. Но здесь обобщение достигает своего пика. Игрушки в виде космонавтов почти всегда выполнены в одной позе – это статично стоящие фигуры с прижатыми к бокам руками (поскольку такие фигуры максимально просты в формовке и выдувке). Космические аппараты – это, как правило, округлые обтекаемые объекты в технике формовки или свободной выдувки (илл. 1, 2), иногда с добавлением монтажных элементов. Сложность заключалась в том, что космическая тематика требовала от игрушки – объекта, в известной степени руко-

27 Шуляк М.И. *Применение полимерных материалов в производстве елочных украшений // Материалы всесоюзной технической конференции...* С. 15.

28 Ершова О.Г., Райкин Л.А. *Указ. соч.* С. 55.

дельного и традиционного, – изображения максимально передовых технологий:

«Вот это уже пахнет космосом. Я бы внес предложение: игрушки, посвященные космосу, утвердить с одобрением. Сделано художественно, декоративно, это находка, и, кроме того, применена технологическая новинка – формовые элементы представляют монтажную игрушку»²⁹.

Илл. 1, 2. Ракета в технике свободной выдувки с припайными элементами и спутник «Луна» в технике формовой выдувки³⁰.

Стилизация и обобщение – результат не только технологических, но и стилистических трендов этого периода. Не случайно в советской открытке, где рисунок допускал любую степень детализации, прослеживается та же тенденция: если в 1958–1961 годах космическая техника и космонавты (пока воображаемые) изображались максимально подробно и «реалистично», то с 1962-го по 1975-й господствует декоративность изображения, условность и обобщение. Технические подробности вернутся в открытку в конце 1970-х, но с елочной игрушкой этого не произойдет – по всей видимости, из-за «космической» стоимости такой детализации.

Соответствие цвета игрушки цвету реального прототипа не считалось строго обязательным:

«Основные требования, предъявляемые к елочным игрушкам, сводятся к тому, чтобы они были яркими, красочными, художественными, придавали елке праздничный вид. [...] Даже самые обыденные вещи – саночки или стульчик – могут иметь не существующие в действительности декоративные расцветки»³¹.

Нередко «космические» игрушки вне зависимости от содержания раскрашены всего в два цвета: основным является металлический блеск амальгамы, отсылающий к массовому представлению о сверкающих летательных аппаратах, а вспо-

29 Выступление главного инженера завода стеклянных елочных игрушек М. Григорьева на обсуждении игрушек Ларисы Зиновьевой, 1961 год. Цит. по: Балашова Е.А. и др. *Указ. соч.* С. 391.

30 Здесь и далее на иллюстрациях представлены объекты из коллекции автора. Фото автора.

31 Ершова О.Г., Райкин Л.А. *Указ. соч.* С. 55.

могательным – красный, которым наносились надписи или окрашивались отдельные фрагменты игрушки³².

Несмотря на условность, елочные украшения, разработанные в начале 1960-х, очень четко соответствовали иконографии конкретных космических аппаратов³³. Однако начиная с 1970-х эта связь размывается: из-за высоких трудозатрат из ассортимента исключались наиболее конкретизированные игрушки свободной выдувки, а формовые и штампованные, наоборот, сохранялись в нем десятилетиями и в результате утратили всякую связь с актуальной повесткой, превратившись в изображения абстрактных и не всегда опознаваемых «ракет вообще».

Такое «обобщение» игрушки привело и к ее деперсонализации. Среди елочных украшений и ранее редко встречались портретные, изображающие конкретных людей. Различение персонажей достигалось в духе средневекового религиозного искусства: при помощи атрибутов, которые должны были быть достаточно узнаваемыми, чтобы персонажа мог идентифицировать главный потребитель елки – ребенок: сестра-повариха из «Сказки о царе Салтане» держит в руках огромный половник, Даренка из «Серебряного копытца» – корзину с драгоценными камнями и так далее. Космонавт на елке стал таким же обобщенным сказочным персонажем, обозначенным скафандром и шлемом (илл. 3). Несмотря на то, что имена и портреты членов космического пантеона были прекрасно известны всей стране, производители игрушки не стремились создать украшения, изображающие Гагарина или Титова; даже на новогодних открытках и елочных флажках, которые позволяют гораздо более широкий спектр изобразительных возможностей, чем роспись по стеклу, портретов конкретных героев нет. Единственные

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

32 Космонавты бывали окрашены и в желтый, зеленый, белый, синий цвета, но основным был цвет амальгамы.

33 Технологические схемы и формы игрушек поступали на фабрики разными путями. Во-первых, они могли приобретаться во Всесоюзном научно-исследовательском институте игрушки (ВНИИИ), или на Комбинате прикладного искусства Московского отделения Художественного фонда РСФСР, или разрабатываться специалистами ВНИИИ для конкретной фабрики. Наиболее распространенные игрушки космической тематики – игрушки космонавтов на прищепках и подвесах, монтажные ракеты, спутники в технике свободной выдувки, наверхие в виде стартующей ракеты и другие – были разработаны ВНИИИ и выпущены в Клину. Так, только художницей Ларисой Зиновьевой с 1961-го по 1969 год были предложены игрушки «Спутник-1», «Спутник-2», «Спутник-3», «Ракета» для большой елки, карнавальные шапочки из поролона «Белка», «Стрелка», «Шлем космонавта», набор «Карнавал» (1963), в который входит космонавт, серия картонажей для Осташевской фабрики игрушек (космическая станция «Союз», «Солнце», «Земной шар в платочке», «Сатурн», «Спутник-1», «Спутник-2» с собакой, «Спутник-3», «Космонавт в ракете», «Космонавт на Луне»). Московский завод елочных украшений выпускал по эскизам Зиновьевой набор шаров «Космос-2». Во-вторых, их разрабатывали и местные авторы (начиная с 1960-х должность художника появилась на ряде фабрик; в результате существенным своеобразием отличаются, например, елочные украшения, произведенные в УССР и КазССР – так, в 1980-х появляется набор «Космос» Актыбинского химического завода, а с конца 1960-х на заводах в Киеве, Севастополе и Одессе выпускалась электрическая гирлянда «Космос», где лампочки были заключены в плафоны из цветного полистирола, изображающие космические объекты: космические аппараты «Спутник-1», «Спутник-3», «Луна-3», «Восток-1», планеты и звезды).

космонавты, которые изображались похожими на свои газетные фотографии – это собаки Лайка, Белка и Стрелка.

*Илл. 3. Стелянная
елочная игрушка на
прищепке «Космонавт»,
1960-е годы.*

Еще одна особенность елочных космонавтов – их неотеничный облик. Они либо похожи на детей по пропорциям (шлем создает иллюзию непропорционально большой головы, скафандр – пухлости тела: неслучайно потребители нередко принимали и принимают елочных космонавтов за изображения детей в зимних комбинезонах с капюшоном), либо прямо их изображают. Так, в 1963 году выходит набор елочных украшений «Карнавал», разработанный Ларисой Зиновьевой. Среди других персонажей советского костюмированного бала (Чародей, Клоун, Снеговик) в его состав входит и ребенок в костюме космонавта. На этом персонаже имеет смысл остановиться отдельно.

Успешное включение ребенка-космонавта в новогоднюю образность (и, соответственно, в ассортимент елочных украшений) связан с устойчивым тропом «детства как обновления». В визуальном ряду Нового года в течение многих десятилетий используется метафорическое противопоставление «старого» и «нового» годов как противопоставления старика (реже – старухи) и молодого человека или ребенка (обычно мальчика, редко – девочки), на одежде которых нанесены номера уходящего и наступающего годов. В европейской новогодней открытке такая метафорика фиксируется как минимум с рубежа

XIX–XX веков. Эти два персонажа (Старый и Новый год) наследуют рождественским образам святого Николая и младенца Иисуса – оба они выступают источниками праздничных чудес и подарков³⁴.

Этот троп обновления подхватывается и советской визуальной культурой, где ребенок, олицетворяющий Новый год («годовик»), изображается в паре с Дедом Морозом. Лозунг «Дети – наше будущее» буквально воспроизводится в новогодней атрибутике:

«В елочной иерархии они занимали самые почетные места, потеснив и вытеснив оттуда взрослых. [...] Елочные дети и младенцы, с одной стороны, воплощали собой миф об уже существующем идеально счастливым советском детстве, а с другой, представляли собой некие показательные образцы, на которые следовало равняться и которым следовало подражать»³⁵.

Начиная с 1960-х в открытке, плакате и других визуальных материалах годовика постепенно начинает заменять ребенка в костюме космонавта, делающий видимой тесную связь между образностью детства, социализма и популярной космической образностью: все они «проекты будущего»³⁶. Это сочетание детства и космоса в советском дискурсе было довольно устойчивым и проявлялось в самых разных сферах – от анимации до массовых шествий³⁷. Наряду со Снегурочкой малыш-космонавт становится постоянным спутником ключевого новогоднего персонажа на карнавалах и елках (илл. 4). Он не только противопоставлен Деду Морозу как юное старому и как прогресс традиции, но и поддерживает его; персонажи «новогодней тройки» выступают как идеальная команда, связывающая традицию с новацией, старшее поколение с младшим, мужское «зимнее» начало с женским «весенним», а «земное/лесное» с «небесным/космическим» (илл. 5): «наиболее успешными [в новогодней сказке] оказываются не те герои, которые верят исключительно в научный прогресс, а те, которые способны совместить “новое” и “старое”»³⁸. Ребенок-космонавт, выходящий из ракеты, встречается и в тантамаресках уличных советских фотографов, и на открытках, и в новогодних плакатах – и точно так же в елочной игрушке (илл. 6).

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

34 MILLER D. *Christmas: An Anthropological Lens* // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2017. Vol. 7. № 3. P. 415.

35 Сальникова А.А. *Советская елочная игрушка как невербальный текст...*

36 Рютерс М. *Детство, космос и потребление в мире советских изображений 1960-х гг.: к вопросу о воспитании оптимизма в отношении будущего* // *Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия* / Ред. И.В. Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 451–472.

37 Ермолова А.И. *Космос в детской повседневности (на примере Томска 1960–1970-х годов)* // *Технологос*. 2020. № 2. С. 132.

38 Круглова Н.Г., Саврас Н.В. *Указ. соч.* С. 12.

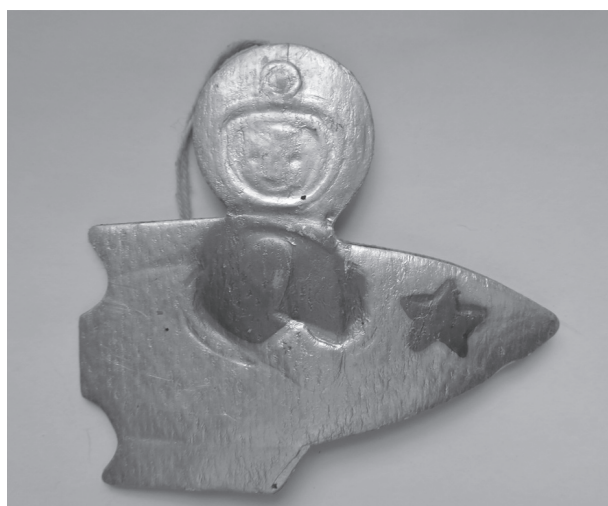

Илл. 4. Космонавты среди других традиционных «масок» карнавала в советском детском саду. В руках у девочек в правом нижнем углу – новогодние подарки с изображением ракеты.

Илл. 5. Художественная открытка «С Новым годом!». Художник Р.А. Достян. Издание Министерства связи СССР, 1966 год.

Илл. 6. Картонажная елочная игрушка «Космонавт в ракете». Художник Лариса Зиновьева, 1969 год.

Итак, оказывается, что елочные украшения космической тематики обладают сложной генеалогией: с одной стороны, они реализовывали запрос власти на игрушки, транслирующие актуальную повестку космических достижений, с другой, органично вписывались в семиотический комплекс советского и даже досоветского (и несветского) Нового года. На их внешний облик оказали влияние не только стоящие перед художниками задачи и ограничивающие их деятельность механизмы художественных советов, но и экономический, и технологический контекст эпохи.

Однако выход с фабричного конвейера – это только начало пути елочного космонавта. Любой объект, попадая в руки пользователей, проходит процесс «одомашнивания» (или, если иначе перевести термин, введенный Роджером Сильверстоуном и Лесли Хэддоном для описания апроприации технологий, «приручения»). Объект включается в определенную экосистему, с ним производятся те или иные действия, проявляющие его аффордансы, он осмысливается и осваивается, а также «конвертируется»: пользователь определяет значимость объекта и сигнализирует другим, что он включен в процесс потребления³⁹. Встает вопрос: какое место занимала такая игрушка в новогоднем ритуале советской семьи?

Как показывает Алексей Голубев, исследователи советской материальности нередко рассматривают потребление исключительно «сверху» – в контексте экономической политики государства. Вместе с тем люди, приобретая те или иные товары, зачастую вкладывали в них собственный смысл, отличный от заранее предполагавшегося⁴⁰. Высказывание на «советском языке» (в том числе при помощи материальных объектов: например украшение елки советской символикой) далеко не всегда обозначало артикулированное отношение к советской идеологии (согласие, сопротивление в духе Джеймса Скотта⁴¹ или перформативный сдвиг⁴²). Иногда оно говорило о вещах, лежащих не просто за пределами идеологического нарратива, а в пространстве, совершенно с ним не пересекающемся.

Было бы заманчиво предположить, что всеобщий интерес к космосу стимулировал и массовый спрос на «космическую» елочную игрушку. Однако решение о покупке зависело не столько от ее политико-идеологической актуальности, сколько от эстетических свойств – вернее, от соответствия ее облика представлениям о «правильной» елке: игрушки должны были быть яркими, блестящими, выразительными, способными «заполнить» елку. Покупатели, не испытывавшие финансовых проблем, выбирали отражающие свет стеклянные игрушки и объемные гирлянды, но даже для них выбор, как правило, сводился к сравнительно небольшому ассортименту. Ограниченное предложение елочных игрушек и их относительно высокая стоимость приво-

39 SILVERSTONE R., HADDON L. *Design and the Domestication of Information and Communication Technologies: Technical Change and Everyday Life* // MANSSELL R., SILVERSTONE R. (Eds.). *Communication by Design: The Politics of Information and Communication Technologies*. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 44–74.

40 ГОЛУБЕВ А. Указ. соч. С. 31.

41 SCOTT J. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1985.

42 ЮРЧАК А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

дили к тому, что в семьях формировались наборы украшений, сохранявшихся в течение многих лет:

«Поскольку это [процесс украшения и разбора елки] повторялось из года в год, то я уже знал, какие там игрушки. Иногда появлялись новые, но мне больше всего нравились [...] прямо совсем старые»⁴³.

Игрушек слишком много не бывало – чем их больше, тем лучше (обычно, впрочем, их количество в семье не превышало нескольких десятков). В некоторых случаях символическая ценность игрушки, связанной с историей семьи, компенсировала ее внешнюю непривлекательность (например игрушка могла переходить в семье из поколения в поколение, пережить кризисные ситуации – войну, переезды, – быть дефицитным импортным товаром и так далее):

«Старые игрушки тоже очень уважаемые. Мы их обязательно вешали, может быть, не на самое видное место. Это другой вопрос, но обязательно они где-то у нас выгуливались на этой елке. [...] Яблоко [ватное] жуткого вида, оно такое коричневое, потрескавшееся. Ну, вешали обязательно, ну, хоть куда-нибудь, но обязательно повесить. То есть это... это же... ну, как мама говорит: “Ну, как же! Это же из моего детства, это же мы обязательно повесим!”»⁴⁴.

Разнообразие, стилевой разнობой и перенасыщенность елки игрушками были заложены самим советским канонем, зафиксированным в многочисленных текстах. Сказанное не означает, что советские граждане тщательно сверялись с методичками и памятками при украшении домашних елок – скорее они, существуя внутри этого поля и не обращая на него особенного внимания, перенимали нормы в уже готовом виде, нерелевантно заимствуя их из публичных елок и их репрезентаций.

Дети 1930–1960-х, особенно в сельской местности, часто встречались с богато украшенной елкой не дома, а на празднике в детском саду или в Доме культуры. Дома елку либо не наряжали вовсе⁴⁵, либо она существенно уступала общественной:

«К елочкам [в детском саду] относились исключительно серьезно. Это были, там, роскошные деревья, новогодние постановки, которые готовятся начиная еще с сентября. Вот, ставились очень солидные спектакли в стихах, то есть нас дрессировали, как обезьян,

43 Интервью автора с Д.Ю.С. (р. 1977, Волгоград), 30 января 2023 года.

44 Интервью автора с И.И.Р. (р. 1955, Москва), 12 февраля 2023 года.

45 «Я просто говорю, что на самом деле [в конце 1960-х годов] много людей жило достаточно бедно. Одно дело, там школы, вот эти все сады и все прочие официальные мероприятия, которых было в [большом] количестве, это одно дело. А для большинства обычных людей это все так... В селе, даже самом близком городу, это [елка дома] совершенно невероятно было». Интервью автора с А.А.Р. (р. 1954, Киевская область), 12 февраля 2023 года.

шилились костюмы. [...] И, собственно, новогодняя атмосфера, атмосфера праздника для меня была в первую очередь именно детсадовская»⁴⁶.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

В результате «общественная» елка, наряженная по инструкции официальных методических материалов, становилась образцом для последующего воспроизведения елки дома. Суммируем эти правила: главные требования к елке – эффективность, разнообразие, яркость, блеск, богатство образов⁴⁷; интересные детям фигурки и изображения техники нужно вешать на уровне глаз и на краю веток⁴⁸, а сказочные вещи сочетать с «реальными, современными», потому что это «необычно, интересно, радостно», развивает фантазию, воображение и чувство красоты⁴⁹.

«Каноническая» организация елки учитывала разные свойства объектов. Во-первых, их идеологическую иерархию: на вершину помещали красную звезду, делающую елку похожей на другой ключевой объект советского мира – кремлевскую башню. Наверху, как правило, располагали игрушки, семантически связанные с небом и полетом – авиатехника, птицы, бабочки. Второй критерий – физические свойства объектов: игрушки не должны были падать и ломать своей тяжестью ветки, елка должна быть безопасна. Третий – изобразительность: то, что можно рассматривать, вешалось на уровне глаз, максимально близко к детям. И, наконец, постулировалось, что общее впечатление от елки едва ли не приоритетнее разглядывания ее отдельных деталей, а сюжеты можно и нужно смешивать, чтобы создать ощущение сказочности. Этот канон оказался необыкновенно устойчивым и воспроизводился в детских учреждениях (а за ними и в семьях) десятилетиями, даже после того, как методички 1930-х были прочно забыты.

Вторым важным проводником елочного канона оказалась торговая реклама. При оформлении новогодних базаров в крупных универсамах устанавливались елки, которые нередко наряжали теми же игрушками, которые были в продаже (или укрупненными декорациями, повторяющими их форму). Кроме того, магазины выпускали рекламные листовки о том, как наряжать елку⁵⁰. В этих памятках правила противопожарной безопасности причудливо сочетаются с воспитанием вкуса, но идеологическая составляющая полностью отсутствует: например, звезда

46 Интервью автора с И.Н.Г. (р. 1965, Стаханов), 11 января 2023 года.

47 «Стеклянные изделия являются одним из основных видов украшения елки. Без стекла елка выглядит бедной и скучной» (Ершова О.Г., Райкин Л.А. *Указ. соч.* С. 55).

48 Сакулина Н. *Оформление новогодней елки // Елка: сборник материалов к новогодней елке для детей дошкольного возраста.* М.: Известия советов депутатов трудящихся СССР, 1938. С. 49.

49 *Елка в детском саду.* М.: Учпедгиз-Наркомпрос, 1939.

50 *Новогодняя торговля елочными игрушками и украшениями /* Под ред. Н.А. Кирсанова. М.: Государственное издательство торговой литературы, 1954; *Как украсить елку.* М.: Типо-литография Музгиза, 1952.

в начале 1950-х предлагается покупателям уже не в качестве «советского» высказывания, как в 1930-е, – она устанавливается ради «эффективности» елки и легко может быть заменена на наконечник («шпиль», «макушка»), который позднее стал восприниматься как изображение стартующей ракеты.

Наконец, еще один важный источник знаний о порядке украшения елки – ее изображения в печатной продукции – на новогодних открытках, в прессе. В советской печати рано сложился устойчивый визуальный троп о достижениях советского народа как «подарках на елку» (советский Новый год, по мысли Светланы Адоньевой, в целом конструируется как время чудес, исполнения желаний, даров⁵¹). Так, в «Правде» от 31 декабря 1936 года помещен рисунок Константина Ротова, изображающий представителей разных профессий (от поваров и водолазов до шахматиста, многодетной матери и пограничника Карацупы, поймавшего нарушителя), несущих плоды своей деятельности для украшения новогодней елки:

«Елка, которую изобразил художник К. Ротов, сверху донизу заполнена чудесными подарками, доставленными со всех концов нашей родины. Вершину елки прочно заняла наша славная авиация, добившаяся в этом году замечательных побед. Ниже на елке – автомашины, быстроходные корабли, вкусная снедь, выпускаемая тов. Микояном, и “дед-Мороз”, он же О.Ю. Шмидт, освоивший Арктику»⁵².

В этом дискурсе елочные игрушки не просто изображения советских достижений, но подарки граждан на виртуальную «всесоюзную» елку.

Спустя 30 лет после введения елки в обиход троп «подарков на всесоюзную елку от профессионалов» повторяется в другом юмористическом рисунке – на этот раз на странице журнала «Работница»⁵³. Здесь огромная елка проходит насквозь через межэтажные перекрытия пятиэтажной «хрущевки», населенной – в соответствии с позиционированием журнала – женщинами с детьми. На нижнем этаже елку украшают достижения химической промышленности, этажом выше располагается повара, вешающая на елку кондитерские изделия, за ней – краповщица и элементы зданий, далее – ткачиха с тканями и, наконец, женщина-космонавт, увенчивающая елку звездой (или скорее хвостатой кометой); на ее этаже на елке висят планеты, звезды, ракеты и парашютист. Такие же украшенные летательными аппаратами елки изображались и на открытках (илл. 7).

Итак, «космические» игрушки органично вписывались в набор символов советских достижений, которые представители

51 Адоньева С.Б. Указ. соч.

52 Правда. 1936. 31 декабря. № 360(6966). С. 4.

53 Черников В. (худ.) Мамы всякие важны // Работница. 1965. № 12. С. 2.

различных профессий «дарят» советскому народу на Новый год. В советских текстах, в том числе визуальных, воспроизводилось устойчивое представление о том, что объекты, связанные с небом (авиация, космос), должны по возможности размещаться на верхних ветках – как потому, что они занимают важное место в иерархии достижений, так и потому, что это их «естественное» место⁵⁴. В то же время, занимая пространственное положение, соответствующее тому, которое занимают объекты – прообразы «космических» игрушек, спутники и космонавты укрепляли свое положение и на вершине иерархии новогодних образов (илл. 8).

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

Однако «космические» игрушки редко обращали на себя внимание основной целевой аудитории – детей: «Космонавтов я не помню. [...] Была у нас в свое время кукуруза золотая. Вот она была»⁵⁵. В другом случае за космический объект была принята абстрактная композиция из монтажных элементов⁵⁶. Исключения случались: у одной из моих собеседниц яркая монтажная ракета стала одной из любимых в детстве игрушек:

«На самое видное место, самое почетное [вешались] красивые игрушки. Сакрального в этом ничего не было. [интервьюер: Самые красивые это были как раз фигурки?] Это были фигурки, это был еще один старинный виноград. [...] И была красная ракета, в таком каркасе из длинных стеклянных бусин»⁵⁷.

Илл. 7. Художественная открытка «С Новым годом!». Художник М. Юдин. Издание ИЗОГИЗа, 1960 год.

Илл. 8. Подвесная стеклянная игрушка «Космонавт» на вершине домашней елки (левый верхний угол фотографии). Сестрорецк, 1970–1980-е годы.

54 Елена Душечкина в своей работе о русской елке (Душечкина Е. В. *Указ. соч.*) поместила последнюю в контекст мифологических представлений о Мировом древе; гипотеза, пожалуй, слишком смелая, но метафорически вполне допустимо предположить, что елка выступала в качестве модели советского миропорядка.

55 Интервью с А.А.Р.

56 Интервью с И.И.Р.

57 Интервью с И.Н.Г.

Однако в основном мои собеседники утверждают, что «космических» игрушек на елках их детства не было: возможно, они просто не замечали объекты, размещенные высоко над их головами и не изображающие интересных для ребенка персонажей сказки или животных. О целенаправленной покупке «космических» игрушек (или целенаправленном же отказе от нее) мои собеседники также не вспоминают. У некоторых они ассоциируются с официальными празднованиями в детских садах и школах, но это не делает космонавтов и ракеты олицетворением политического режима:

«Куча детских садов, которые, естественно, украшались советской такой всякой символикой, там, школы и так далее, там это, как говорится, ты должен был [следовать правилам]. А в семье люди не очень-то беспокоились. Была бы такая елка, галочку поставили, игрушки есть – да и ладно»⁵⁸.

Ни расположение объекта на вершине советской идеологической пирамиды, ни общественный интерес к символизируемой им повестке, ни вписанность в традицию совершенно не гарантируют того, что его будут отмечать, замечать, запоминать.

«Космические» игрушки органично вписывались в набор символов советских достижений, которые представители различных профессий «дарят» советскому народу на Новый год.

Хрупкая память

Однако спустя всего пару десятилетий после завершения советского проекта «космическая» елочная игрушка, почти не замеченная поколениями советских детей, оказалась в центре внимания в другом качестве – в виде музеефицированного объекта памяти. Начиная с 2010-х едва ли не в каждом крупном городе России в декабре–январе проводятся выставки советских елочных игрушек из собраний краеведческих музеев и частных коллекционеров.

В репортажах местных медиа об этом елочные игрушки описываются как материализованная история семьи или, гораздо чаще, страны в целом. Именно эта наглядная репрезентация истории елочной игрушкой (а не ее художественная ценность например) предъясняется журналистами как причина, по ко-

торой такие выставки и в целом коллекционирование советских елочных украшений имеют общественное значение:

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

«[Игрушка] отражала аромат эпох – от революционной романтики до хрущевских сельскохозяйственных реформ. Тут можно было встретить красные звездочки, игрушку-буденовку, немецкие трофейные игрушки, остекленевших, но веселых первооткрывателей космоса и даже увесистую игрушку-кукурузу»⁵⁹.

В этом историческом нарративе, который почти одинаково озвучивают в видеосюжетах и публикациях прессы музейные сотрудники, коллекционеры, работники медиа и посетители, как правило, выделяется несколько периодов: «1930-е», «Великая Отечественная война», «1950-е» или «хрущевский период», за которым как отдельный этап истории страны выделяют время «полета человека в космос»:

«Перебирая старые елочные игрушки, доставшиеся по наследству от родителей или бабушек, можно и сейчас обнаружить среди них стеклянные початки кукурузы – яркий символ правления Никиты Хрущева, – покрытых серебристой краской космонавтов или золотистые ракеты – знак достижений в освоении космоса»⁶⁰.

Этот период не связывается ни с именами Хрущева или Брежнева (ни последнего, ни следующих за ним советских лидеров в «елочном» дискурсе просто не существует), ни с понятиями «оттепель» или «застой» – и почти никогда с десятилетием («1960-е»). Тем самым елочная игрушка космической тематики становится *lieu de mémoire* самостоятельной «космической» эпохи. Она часто выделяется тематически и упоминается в почти половине посвященных игрушкам телевизионных сюжетов за 2012–2022 годы. «Космическая» елочная игрушка демонстрируется в качестве «одомашненного» памятника советским космическим достижениям:

«Фактически каждый летательный аппарат, который поднимался в космос, выпускался в форме елочной игрушки»⁶¹.

«Елочные игрушки, по которым можно проследить всю историю развития космонавтики в нашей стране [...]. Каждая победа в освоении Вселенной находила отражение в советской елочной игрушке»⁶².

Иными словами, идеологически нагруженная игрушка, к которой в период ее бытования в семье относились довольно пренебрежительно, после перемещения в новый фрейм музейной

59 *Игрушки детства* // Челябинский рабочий. 1998. 31 декабря.

60 Мационг Е. *А ну-ка, давай-ка гулять выходи!* // Уральский рабочий (Екатеринбург). 2005. 30 декабря.

61 Роголо Н. *В блеске елочных огней* // Тверь-13 (<http://tver-13.ru/t13/11798-v-bleske-elochnyx-ognej.html>).

62 АРТЕМЬЕВА К. *Ракеты стеклянные, а звезды – бумажные* // Московская правда. 2015. 17 декабря (http://mospravda.ru/culture_spectacles/article/raketi_steklyannie_a_zvezdi_bymajnie/).

экспозиции начинает прочитываться как символ одного из главных советских достижений (наряду с хрущевской сельскохозяйственной политикой, юбилеем Пушкина и популярным советским кинематографом, реже – с завоеванием Арктики или авиацией, которые не выдержали соревнования с космосом на звание главного тропа «советского»). «Космическая» игрушка становится напоминанием о первенстве в космосе:

«Вот у меня в руках гирлянда космическая, которая символизирует, что мы первая страна в мире, которая запустила и первый спутник искусственный, и, конечно же, наш первый космонавт Юрий Гагарин»⁶³.

Пафос гордости за достижения страны смягчается тем, что в некоторых текстах тематическая елочная игрушка становится важным элементом нарратива «узнавания себя» в контексте общей материальной культуры: посетители говорят о том, что у них была такая же, они помнят похожую игрушку у себя дома или дома у родственников. Ограниченный набор потребительских товаров (от доступной литературы и массового кино до одежды и елочных игрушек) до определенной степени помогает объединению отдельных посетителей выставки в «советский народ» через массово распространенные вещи и их «автоматическое узнавание»⁶⁴: «Советский ширпотреб никогда не блистал особым разнообразием, а значит, в каждой семье были одинаковые Деда Морозы, Снегурочки и ватные зайцы»⁶⁵. За счет многочисленности представленных объектов почти любой посетитель может обнаружить на выставке «свою» игрушку. Стабильность хрупкой елочной игрушки, выраженная в длительном семейном хранении, устойчивости производимых форм и широкой дистрибуции усиливает к ней интерес, но не столько объединяя людей разных поколений в размытую «советскую» общность, сколько позволяя через общее прошлое потребление⁶⁶ тиражной вещи вернуться к памяти о собственной «такой же» игрушке – и, соответственно, к прошлому своей семьи.

Это общее прошлое в дискурсе новогодних выставок отличается от российского настоящего (а также настоящего и прошлого всего остального мира) «душевностью», «теплотой», «уютном». Космические достижения причисляются к этому объ-

63 Выставка советских елочных игрушек открылась в Солнечногорске (www.youtube.com/watch?v=4Ljew2Lufw).

64 OUSHAKINE S.A. «We're Nostalgic but We're Not Crazy»: Retrofitting the Past in Russia // *The Russian Review*. 2007. Vol. 66. № 3. P. 451–482.

65 5 января в Музее истории Москвы открывается выставка советской елочной игрушки 20–60-х годов // Московский комсомолец. 1994. 5 января.

66 CROSS G. *Consumed Nostalgia: Memory in the Age of Fast Capitalism*. New York: Columbia University Press, 2015; см. также: PLATT K. *Russian Empire of Pop: Post-Socialist Nostalgia and Soviet Retro at the «New Wave» Competition* // *The Russian Review*. 2013. Vol. 72. № 3. P. 449–450.

единяющему теплomu прошлому и меняют масштаб: из того, что происходило на расстоянии тысяч километров, нескольких десятилетий назад, космическая история становится одомашненной, воспроизводящейся на семейной елке, в ритуале ее украшения и разглядывания, вписанной в актуализируемые на выставке родственные связи⁶⁷: «Космонавт у меня точно был, и вот прям точно такой же. Один был золотой, а другой точно такого же цвета. [...] Мы с родителями наряжали елку, и это было действие такое, упоительное»⁶⁸.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

Стабильность хрупкой елочной игрушки усиливает к ней интерес, но не столько объединяя людей разных поколений в размытую «советскую» общность, сколько позволяя через общее прошлое потребление тиражной вещи вернуться к прошлому своей семьи.

Советская елочная игрушка на выставке становится машиной времени, погружающей посетителя в детство (как сказала одна из участниц выставки в Иркутске: «У меня связь через игрушку с тем временем»⁶⁹). Мэнди Дейн определяет опыт взаимодействия с изображением советской игрушки не просто как ностальгию, а в качестве опыта перемещения: детство описывается как пространство, куда можно вернуться при помощи материальных объектов памяти – а также восстановить в памяти физические пространства, в которых когда-то происходило взаимодействие с этими игрушками⁷⁰. Эта связь подчеркивается особенностями экспозиционной работы с елочными украшениями: приемом реконтекстуализации (помещением их в обрамление из других объектов новогоднего ритуала – елок, еловых веток, конфетти, ваты и старых чемоданов для хранения), а также отсутствием или минимизацией этикетаж и экспликаций. Игрушка преподносится как общепонятный объект, не требующий экспертных комментариев (кроме объяснений родителей маленьким детям – объяснений, воспроизводящих те, которые приняты при украшении семейной елки: «это спутник», «это

67 См. об этом OUSHAKINE S.A. *Second-Hand Nostalgia: On Charms and Spells of the Soviet Trukhliashcheka* // BOELE O., NOORDENBOS B., ROBBE K. (Eds.). *Post-Soviet Nostalgia. Confronting the Empire's Legacies*. New York: Routledge, 2019. P. 39.

68 В Подольске открылась выставка елочных игрушек // Телекомпания «Кварц». 2021. 11 декабря (www.youtube.com/watch?v=oUCqpnndrUho).

69 «Вовочкина елка». Выставка новогодних игрушек в Усадьбе В.П. Сукачева. Иркутский художественный музей (www.youtube.com/watch?v=UQBqnpNn5QI).

70 DUIJN M. *Journeying to the Golden Spaces of Childhood: Nostalgic Longing in the Online Community "The USSR Our Motherland" through the Visual Image of the Soviet Toy* // BOELE O., NOORDENBOS B., ROBBE K. (Eds.). *Op. cit.* P. 21–37.

космонавт» – или развернутых исторических экскурсов для детей постарше).

Это ощущение трансгрессивного погружения в советское детство проблематично и амбивалентно. С одной стороны, оно описывается как ощущение теплоты, домашности и беззаботности праздника – с другой, как беспокоящее ощущение потери⁷¹. Из репортажа в репортаж повторяется мотив утраты советских елочных игрушек – разбитых, выброшенных, не ценившихся по достоинству, – и теперь соприкоснуться со связанной с ними памятью можно только в музее: «[Посетители] смотрят на эти игрушки и говорят: “У нас были такие! Мы их помним!” Но сейчас, к сожалению, кто-то выбросил, у кого-то был ремонт и игрушки пропали»⁷². Однако такие утраты самими советскими людьми не обязательно воспринимались в качестве травматичных: советские вещи в конце 1980-х – начале 1990-х считались устаревшими и уступающими современным западным аналогам. Многие посетители выставок до столкновения с игрушкой в пространстве музея не усматривали особой ценности в этой разновидности материализованного прошлого. Музеефикация, даже временная, придает этому утраченному по небрежению наследию – а значит, и биографии каждого посетителя, вписанной в это наследие и связанной с ним общей материальностью, – дополнительную ценность⁷³: «Все это нужно рассматривать, вспоминать, узнавать»⁷⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРОШЛОЕ БУДУЩЕГО И БУДУЩЕЕ ПРОШЛОГО

В известном смысле «космическая» елочная игрушка могла бы стать «местом памяти» о достижениях советского космоса уже тогда, когда она производилась. В ней зафиксировано одновременно и будущее, и прошлое – а вернее, прошлое будущего, сбывшиеся и несбывшиеся футуристические обещания по освоению космоса – от запуска спутников до покорения Луны (илл. 9). В результате давления экономических обстоятельств и смены эстетической парадигмы относительная реалистичность ранних игрушек, отсылающих к конкретным этапам космической программы с четкими иконографическими различиями между «Спутником-1» и «Спутником-2», уже в 1970-х оконча-

71 BOYER D. *From Algos to Autonomos: Nostalgic Eastern Europe as Postimperial Mania* // TODOROVA M., GILLE Z. (Eds.). *Post-Communist Nostalgia*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 17–19.

72 В Саранске открылась выставка старинных елочных игрушек // 10 канал. Мордовия 24. 2016. 26 декабря (www.youtube.com/watch?v=3pzyDX_s-wM).

73 OUSHAKINE S. A. *Second-Hand Nostalgia*... P. 39.

74 На выставке «В гостях у сказки» во Владивостоке рассказали о праздновании Нового года в первой половине XX века // ДВ-РОСС. 2013. 12 декабря (<http://trud-ost.ru/?p=246703>).

тельно сменилась обобщенными образами космонавтов и техники, а одни и те же формы воспроизводились десятилетиями на разных фабриках СССР. В результате елочные украшения космической тематики утратили связь с актуальной повесткой, превратившись в означающее сказочного космоса вне времени и пространства.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО
СПУТНИК НА ЕЛКЕ...

Илл. 9. Картонажная елочная игрушка «Космонавт с красным флагом на Луне». Художник Лариса Зиновьева, 1969 год.

«Космическую» елочную игрушку приобретали, если она хотя бы относительно удовлетворяла эстетическим запросам, была достаточно дешева или когда просто не было другого выбора. Но никакой устойчивой связи домашней елки с космическими достижениями государственного уровня игрушка не создавала. Более того, располагавшаяся – в соответствии с канонем – выше уровня глаз ребенка и не очень визуально привлекательная, она, как правило, игнорировалась своей основной целевой аудиторией – детьми (есть некоторая ирония в том, что среди причин этого сбоя трансляции идеологии через елку – советская педагогика и плановая экономика).

Казалось бы, на выставке елочной игрушки это сообщение, наконец, может быть прочитано. Вырванные из контекста семейного ритуала украшения и помещенные в лишенную тактильного переживания музейную среду космические елочные игрушки едва ли не впервые с момента утверждения образца на художественном совете начинают выполнять предписанную им властью идеологическую функцию: рассказывать историю советских космических побед и объединять на основании общей гордости и ностальгии по этим победам. Организаторы выставок (и журналисты, которые об этих выставках пишут) выполняют работу по переозначиванию елочной

игрушки, группируя украшения по периодам и тематикам и буквально подсказывая посетителям и читателям репортажей, что им следует обратить внимание в первую очередь на то, как игрушка репрезентирует достижения советского проекта. Медийные публикации и экскурсии по выставкам практически навязывают ностальгию по утраченной реальности, в которой была возможна космическая утопия.

Посетители часто прочитывают выставки иначе: для них выложенные на стеклянные витрины игрушки служат прежде всего средством связи с собственным детством, триггерами личной и семейной памяти. Более того, они придают ценность этой памяти. Благодаря выставке люди начинают приписывать особую значимость массово произведенным и визуально «бедным» елочным космонавтам и ракетам, которыми пренебрегали в детстве. Эти объекты связывают посетителей не столько с самими космическими достижениями или их местом в идеологическом дискурсе советского и постсоветского общества, сколько с «теплым» семейным переживанием разрозненных и одомашненных элементов космической утопии в новогоднем ритуале и с горечью его утраты.

Однако вывод о том, что речь идет о противостоянии между институциями, навязывающими идеологическое сообщение, и уклоняющимися от этого сообщения людьми, будет преждевременным. Сотрудники музеев и коллекционеры, предоставляющие свои игрушки для выставок, переживают это прошлое точно так же, как и посетители, и это проявляется в экспозиционных решениях, подталкивающих всех участников к воспроизводству именно частной памяти; перед нами не конфликт, а коллаборация.

Усилия по вписыванию пафоса покорения космоса (как до этого покорения Арктики) в повседневность не просто бесплодны – они разрушают сами себя, и «советскость» елочной игрушки просто не замечается или не считывается ни советскими потребителями, ни постсоветской аудиторией «ностальгических» выставок. «Советское» в советском наследии оказывается удивительно незначительным – материальной опорой частной памяти, а не ее основным содержанием.

Память о космической эре

Беседа Дениса Сивкова со Славой Геровичем

Денис Сивков: Слава, скажите, над чем вы сейчас работаете? И увидит ли свет работа про советские космические компьютеры?¹

Слава Герович: У историков науки принято каждые несколько лет менять область интересов. Космическая тема у меня заняла, наверное, лет пятнадцать работы в общей сложности. После этого я перешел в область истории математики. Последние несколько лет занимаюсь социальной историей советской математики. Вышли несколько статей – о том, что я называю «параллельной социальной инфраструктурой», когда сообщество математиков создало всякого рода неформальные социальные механизмы, которые позволяли ему функционировать в тяжелых условиях административных и политических ограничений через создание разного рода неформальных семинаров, собраний на квартирах или других местах после работы². Речь о том, как сообщество приспосабливается к тяжелым социальным условиям. Это исследование основано на большом количестве интервью.

Хронологически все мои проекты выстроились по мере увеличения доли интервью в них. Мой первый большой исследовательский проект здесь, в Америке, был по истории советской кибернетики³. Для него я интервьюировал советских кибернетиков. Но там было, может быть, полтора десятка интервью, и они не играли основной роли в проекте. В основном я опирался на архивные материалы. Затем был космический проект⁴. Там было гораздо больше интервью, поскольку архивные материалы менее доступны, а интервью раскрывают интересные аспекты. А идущий сейчас проект по истории советской математики в основном полагается на интервью, поскольку в центре его находятся процессы, которые не оставили следа в архивах, так как это были неформальные встречи. Я взял для этого проекта уже порядка 90 интервью.

Слава Герович (р. 1963) – американский историк науки, изучает советскую космическую программу и развитие кибернетики в СССР.

Денис Юрьевич Сивков (р. 1977) – антрополог, доцент Института общественных наук РАНХиГС, автор телеграм-канала по антропологии космоса «Земляки и земляне».

1 См.: *Computing in the Soviet Space Program* (web.mit.edu/slava/space/index.htm).

2 Герович С. «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // Логос. 2020. Т. 30. № 2. С. 93–128.

3 GEROVITCH S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge; London: The MIT Press, 2002.

4 ИДЕМ. *Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space*. New York: Pallgrave Macmillan, 2004; ИДЕМ. *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Д.С.: Если судить по моему собственному опыту, то оказывается, что темы, которыми я занимался раньше, до сих пор не оставляют – как будто существует какая-то неочевидная связь между прошлыми темами и нынешними. Когда-то я заинтересовался иммунологией – такой зоной обмена между биомедициной и социогуманитарным знанием, – потом забросил ее, потом интерес возник вновь, но во время пандемии COVID-19, придавшей иммунологии нездоровую популярность, заниматься ею не очень хотелось. А вот сегодня я смотрю на полку с книгами и в папки с файлами и думаю, что в этой теме я чего-то не закрыл.

В связи с этим вопрос. В прошлом году я смотрел вашу беседу на космические темы с историком Эндрю Дженксом. Хотя сейчас вы занимаетесь другими вещами, вас все равно приглашают в качестве эксперта по советской космонавтике – эксперта, редкого на Западе. Космос вас не отпускает или с ним можно расстаться спокойно?

С.Г.: Конечно, не отпускает. Эта тема наиболее популярна, она вызывает у аудитории живой интерес, поэтому меня часто приглашают. Приходится выступать – особенно на годовщины, когда принято устраивать мероприятия. Тема не отпускает, но, чтобы в ней активно работать, надо перерабатывать огромное количество новых материалов. Издается много мемуаров, публикуются архивы. Для того, чтобы просто держаться на плаву, переваривать все то, что сейчас публикуется и поступает, нужно большое количество времени. Мне кажется, что я поработал над некоторыми аспектами этой темы, сформулировал свою позицию, а дальше пусть другие продолжают это дело. Я же стараюсь говорить о том, что я изучал, не касаясь текущих тем, потому что ситуация меняется стремительно, особенно с приходом частных космических компаний в эту сферу. Для того, чтобы квалифицированно говорить об этом, нужно заниматься этим все время. Я как историк предпочитаю находиться в своих 1960–1970-х и ограничиваю свои суждения тем периодом.

Что касается бортовых компьютеров, то я пришел к этой теме через вычислительную технику, поскольку моя первая книга была по истории советской кибернетики и вычислительной техники. Меня пригласили в проект по истории бортового компьютера проекта «Аполлон». Его вел Дэвид Минделл, автор книги «Digital Apollo»⁵. Это была первая попытка создать онлайн-форум с архивными материалами, которые могли бы комментировать ветераны – участники тех событий. Своего рода социальную сеть до всех социальных сетей в 2001 году.

5 MINDELL D. *Digital Apollo: Human and Machine in Spaceflight*. Cambridge; London: The MIT Press, 2002.

Совершенно новая идея – так заниматься историей науки. Ветеранам – людям в возрасте – было трудно адаптироваться к этим новым способам взаимодействия онлайн, потому что социальные сети еще не стали привычными. Поэтому этот проект далеко не пошел. Мы собрали интересные материалы, провели несколько очных сессий воспоминаний, но онлайн-форум не сформировался. Из этого проекта вышло несколько интересных публикаций, в том числе книга Минделла.

Сначала там ничего не было о советской космонавтике, речь шла только о бортовом компьютере «Аполлона», где впервые использовались интегральные схемы, и это дало большой толчок вычислительной технике. Было очень интересно говорить с ветеранами этого проекта. Я должен был вести встречу с ветеранами, которая была запланирована на 12 сентября 2001 года. Накануне было 11 сентября – теракт в Нью-Йорке, шок по всей Америке. Я не знал, стоит ли проводить на следующий день такое историческое заседание, будут ли люди способны говорить на фоне событий, которые происходили вокруг. Я посоветовался с коллегами, и они сказали: «Нет, проводи. Наша обязанность как историков продолжать работу». И мы провели это заседание. Было интересно, люди выступали. Они смогли преодолеть тяжелое эмоциональное состояние после 9/11 и рассказать о своей роли в проекте «Аполлон».

Поработав некоторое время в проекте над «Аполлоном», я стал естественным образом проводить параллели с развитием вычислительной техники в Советском Союзе. Я был знаком с ЭВМ 1960–1970-х, которые были наземными, а не бортовыми. Мне стало интересно: а как Советский Союз в космосе – отставал или догонял? И выяснилось, что первый советский бортовой компьютер полетел в космос на пилотируемом корабле спустя примерно десять лет после «Аполлона». Тогда возник вопрос: а как они летали раньше, каким образом решали все эти задачи? Я стал интервьюировать ветеранов советской космонавтики – инженеров и космонавтов – и изучать эту историю более подробно. Выяснилось, что эта история не столько про вычислительную технику как таковую, сколько про роль автоматических систем управления, про разделение функций человека и машины. Компьютер – это то, что позволяло человеку более успешно участвовать в управлении. В этом смысле отсутствие компьютера не мешало советским инженерам, потому что они привыкли к чисто автоматическим системам управления. Они решали свои проблемы с помощью удвоения и утроения систем для повышения надежности, а не за счет более сложных и тонких систем, где вмешательство человека могло во взаимодействии с машиной решать задачи более эффективно, как в случае бортового компьютера «Аполлона».

ДЕНИС СИВКОВ –
СЛАВА ГЕРОВИЧ

ПАМЯТЬ О КОСМИЧЕСКОЙ
ЭРЕ

Для меня это был выход за пределы тематики чистой истории вычислительной техники в тематику взаимодействия человека и машины, связанную с вопросами власти. Инженеры проектируют автоматические системы управления, космонавты управляют вручную – кому доверить управление космическим кораблем? Этот вопрос вроде бы, с одной стороны, технический, но, с другой стороны, это вопрос власти: кто управляет, тот и принимает решение. Дизайн советских космических кораблей отражал ту расстановку сил и влияния внутри космической программы, которая тогда сложилась, – с доминирующим положением инженеров, которые смогли свою парадигму автоматического управления сделать основной в советской пилотируемой космонавтике. В результате роль космонавтов свелась в основном к бэкапу, к дублированию основных систем. Им предоставлялась возможность управления, если основная система ломалась и не функционировала.

Я все более расширял свое поле исследования, так как интервью с инженерами и космонавтами открывали разные точки зрения на одни и те же события. Мне стало интересно, как люди помнят прошлое, что для них означает рассказать историю из прошлого, каким образом они выстраивают нарратив. Это привело меня к вопросу, как функционирует память в обществе – среди инженеров и космонавтов, – как индивидуальная память формируется этими групповыми механизмами поддержания нарративов, какую роль эти нарративы играют в создании идентичности. Инженеры и космонавты осознают себя членами своего профессионального сообщества, потому что они пересказывают истории, которые рассказывают их коллеги и в которых именно их сообщество занимает центральное место. Поэтому моя книга, в конце концов, стала книгой о нарративах космической истории, о вопросах идентичности: кто рассказывает историю и как он помнит, как индивидуальная память формируется, сжимается и даже искажается более мощными социальными механизмами формирования памяти.

Д.С.: Насколько я понимаю, вы сначала издали книгу интервью⁶. С одной стороны, список собеседников там внушительный – с другой, собеседники не всегда известные. Вот, например, Валентина Пономарева – советская летчица, космонавт-испытатель. Ее приняли в отряд вместе с Терешковой, но она просидела в запасе, в дублерах, и не полетела в космос. Или космонавт Владимир Шаталов. Вроде известный, но не настолько, как Алексей Леонов или Георгий Гречко – лица с экранов. Все те, кого вы интервьюировали, в какой-то степени неофициаль-

ные лица советской космонавтики. Плюс неизвестные профессии: специалист по стрессу и конструктор компьютера для космического корабля. Вы делали какой-то отбор? Чем вы руководствовались? Каким вы видели этот список собеседников с учетом того, что интервью будут представлены англоязычному читателю?

ДЕНИС СИВКОВ –
СЛАВА ГЕРОВИЧ
ПАМЯТЬ О КОСМИЧЕСКОЙ
ЭРЕ

С.Г.: Мне захотелось сделать репрезентативную подборку. Показать, во-первых, разные группы, вовлеченные в советскую космическую программу. Обычно самыми известными являются космонавты, естественно. Широкому читателю также известны имена главных конструкторов, но не обычных инженеров. Кто там еще участвовал? Врачей, как правило, никто не знает. Мне хотелось показать, что все эти группы друг с другом взаимодействовали и в то же время, что у этих групп была внутренняя культура – то, что называется идентичность, осознание своеобразия группы. Было столкновение интересов, и во многом оно формировало советскую космическую политику.

Дизайн советских космических кораблей отражал ту расстановку сил и влияния внутри космической программы, которая тогда сложилась. В результате роль космонавтов свелась к дублированию основных систем.)

Мы привыкли думать, что в советский период было управление «сверху вниз», но реально все было сложнее. Различные группы – каждая со своими интересами – обращались к своим патронам в более высоких сферах, и те защищали их интересы. Из того, как патроны затем взаимодействовали друг с другом, складывалось и дальнейшее взаимодействие этих групп. У главных конструкторов – Сергея Королева или Валентина Глушко – был прямой выход на Никиту Хрущева, а космонавты были лишены этой возможности. Военно-промышленная комиссия, которую формировал Совет министров для принятия решений в космической политике – кого запускать, какие миссии и полеты планировать, – состояла в основном из военных и инженеров, и космонавты опять-таки не имели там голоса. Поэтому расстановка групповых сил имела значение. Мне было важно через интервью показать с точки зрения отдельного человека, как его или ее положение в системе отражало более широкую картину расстановки сил. Чтобы это была не просто история отдельного человека, а чтобы это обогащало наше понимание того, как работала советская космическая отрасль в целом.

В частности, очень важным вопросом является конкуренция конструкторских бюро (КБ) внутри советской космической программы. Все знают имя Королева. Глушко знают чуть меньше, а имена Владимира Челомя и Михаила Янгеля еще меньше. Были несколько конструкторов, которые в основном занимались военными заказами – баллистическими или крылатыми ракетами, – но им в той или иной степени удалось принять участие в космической программе. Вот для того, чтобы распутать клубок сложных отношений и показать, как различные КБ боролись за престижные космические заказы и какое это оказало влияние на всю космическую политику и на космическую гонку, я и занялся этим проектом, это было важно для меня.

В частности, советская лунная программа появилась в ответ на программу «Аполлон», согласно которой планировалось посадить человека на Луну и вернуть его на Землю. Как только это было заявлено, в Советском Союзе стали срочно разрабатывать собственные планы покорения Луны. Выяснилось, что есть две противоборствующие группы – КБ Королева и Челомя. У каждого из них были свои покровители в руководстве. Соответственно, у Королева это был Дмитрий Устинов, а у Челомя – Андрей Гречко⁷. Сын Хрущева, например, работал у Челомя, но это не влияло на принятие решений. Важнее были связи Челомя с военными, так как он делал крылатые ракеты. Поэтому мне было важно интервьюировать инженеров из разных конструкторских бюро, чтобы они рассказали собственные истории. В частности, я брал интервью у Сергея Никитича Хрущева – сына первого секретаря ЦК. Я интервьюировал инженеров, которые работали у Королева, у Глушко, у Николая Пилюгина и Михаила Рязанского – у целого ряда главных конструкторов, участвующих в космической программе. Было очень интересно узнать о конкуренции между этими бюро и о способах, которыми они соперничали. Вопросы технологии, конечно же, обсуждались, но очень важными были связи и отношения патронажа между инженерами и их покровителями в политической элите.

Д.С.: В культуре модерна – во всяком случае в ее просветительно-прогрессивистской версии – главной задачей историка было участие в том, что Макс Вебер назвал «расколдовыванием мира»: на поверхности мы сталкиваемся со множеством исторических мифов, но где-то в глубине существует подлинная, «расколдованная», История. И ее открытие – это вопрос методов, компетенций и так далее. Вы же показываете, что

7 Дмитрий Федорович Устинов (1908–1984) – министр оборонной промышленности СССР (1953–1957), министр обороны СССР (1976–1984). Андрей Антонович Гречко (1903–1976) – министр обороны СССР (1967–1976).

космическая история как будто не подразумевает такого расколдовывания. Напротив, на каждый разоблаченный миф приходится другой – контрмиф, как вы это называете. Всегда есть другая версия, источником которой будет другой голос.

В то же время в тексте вы часто используете выражение *in fact* – «на самом деле». Например, «Терешкова не чувствовала себя хорошо, потому что на самом деле ее тошнило во время полета». Это выражение – бессознательное допущение историка, который все же должен показать версию, более-менее приближенную к тому, что было? Или – как в постмодернизме – мы имеем дело только с принципиально множественными историями освоения космоса, а Историю с большой буквы здесь нет смысла искать?

С.Г.: Это серьезный вопрос. Когда в начале 1990-х я учился в MIT (Массачусетский технологический институт) в аспирантуре по истории науки и техники, был очень популярен постмодернизм и анализ языка. В какой-то мере я воспринял эти новые течения. И моя книга по истории советской кибернетики называется «От новояза к киберязыку» («From Newspeak to Cyberspeak»)⁸. У меня был большой интерес к языку. В этом смысле, действительно, нет такого языка, на котором можно было бы совершенно нейтрально и объективно выразить то, что произошло. Есть некоторое естественное ограничение нашего способа рассказывать историю. Это не значит, что нет истины, что нет такого понятия, что что-то произошло. Скорее речь об ограниченности нашего способа о чем-то рассказывать. Мы всегда должны выбрать некоторую последовательность событий из мириада разных сочетаний атомов во Вселенной и выстроить какой-то связанный рассказ о том, что важно, каковы причинно-следственные связи между явлениями, где пролегают границы между понятиями и политическими сущностями. Все это вещи, которые мы вносим в мир, и без этого обойтись нельзя. В этом смысле каждый такой рассказ, конечно, субъективен. Но не то чтобы все версии были равны. Может, нет абсолютной истины, но абсолютная ложь, безусловно, существует. Есть очень много способов соврать, и это вранье, как я считаю, историк должен выводить на чистую воду и показывать, что, когда кто-то изложил некоторую версию событий, это являлось намеренным искажением того, что произошло. В этих случаях я использую оборот *in fact*, или «фактически». Например, «фактически это было не так, а как-то иначе».

Я не претендую на то, что рассказанная мною история окончательна. Я верю, что придут новые поколения историков, ко-

ДЕНИС СИВКОВ –
СЛАВА ГЕРОВИЧ

ПАМЯТЬ О КОСМИЧЕСКОЙ
ЭРЕ

8 См.: GEROVITCH S. *From Newspeak to Cyberspeak...*

торые к этому что-то добавят, изменят и улучшат. Это естественный процесс. Очень важно не терять обеих перспектив. Любая рассказанная история привносит и точку зрения рассказчика, и некоторые неявные предпочтения, предположения, которые уже заложены в его картину мира. В то же время важно иметь представление о том, что не все рассказанные истории равноправны. В каких-то историях есть очень явный пропагандистский уклон, грубая манипуляция информацией. Какие-то истории более критичны или самокритичны. В них можно увидеть не тенденциозный подбор фактов, а критический отбор, который соответствует более явной шкале ценностей. Именно с такого рода нарративами правильнее иметь дело, потому что они откровеннее и честнее.

Д.С.: У нас в антропологии – как, наверное, и в любой дисциплине – существует своего рода дисциплинарный контроль: например, требование год провести в поле. Я очень часто слышал это от коллег-антропологов, от тех, кто, так сказать, задает высокие стандарты западной науки. Также коллеги часто говорят на конференциях, что интервью – это ненадежный метод, потому что нам все время приходится верифицировать слова собеседника: там же почти всегда содержится приукрашивание, искажения и даже откровенное вранье.

Мне хотелось бы спросить: сталкиваетесь ли вы с такими дисциплинарными ограничениями в исторических исследованиях? Работая с большим количеством интервью, как вы верифицируете сказанное? Если человек искажает факты и вы это видите, как с этим можно плодотворно работать? Что такие искажения могут дать историку?

С.Г. Слово «мифология», вынесенное в заголовок моей книги про космос, – ключевое понятие, потому что рассказанные участниками советской космической программы истории – это некая мифологизация. Причем она происходила не только с официальной стороны, но и со стороны обычных участников этой программы, которые вроде бы рассказывали о каких-то событиях, не получивших подробного освещения – о контрмифах. Но они тем не менее тоже мифы, потому что социальный механизм их конструирования и циркулирования в сообществе, их роль в формировании идентичности и подстраивание под образ сообщества тоже способствуют мифологизации. Задача историка не столько опровержение мифа и поиск его несоответствия другим свидетельствам, сколько раскрытие основ этой мифологии. В этом смысле систематические искажения важны, понятны и заслуживают особого анализа. Например, отсутствие внимания к гендерным вопросам уже является ин-

дикатором некоторого гендерного уклада в субкультуре, скажем, космонавтов. Или представления инженеров о полетах и поломках. У них есть фундаментальное представление о том, что машина надежнее человека. Человек – самое слабое звено в цепи, и ему нельзя доверять. Все эти вещи встраиваются в рассказ. Нам важно видеть в рассказах культуру этого сообщества – инженеров или космонавтов.

Эти неявные предпосылки выявляются во время рассказа, особенно когда вы сопоставляете две версии одного и того же события, высказанные представителями разных сообществ – когда, например, неудавшаяся стыковка корабля «Союз-15» со станцией «Салют-3» освещается по-разному. Станция была спроектирована конструкторским бюро Челомея, а летели космонавты на «Союзах», спроектированных Королевым. Была некоторая закономерность, что стыковки «Союзов» Королева со станциями Челомея часто происходили неудачно. Технологические проблемы в основе имели политическую конкуренцию.

Задача историка не столько опровержение мифа и поиск его несоответствия другим свидетельствам, сколько раскрытие основ этой мифологии. В этом смысле систематические искажения важны, понятны и заслуживают особого анализа.

Для историка интерес к антропологическим методам очень важен. В аспирантуре МГУ мы изучали антропологию и антропологические методы. Нам были интересны представления о культуре инженеров. Мы учились смотреть на них как на некое племя, у которого есть свои ритуалы. Нам было важно понять, как войти в эту культуру, как вжиться, как интервьюировать участников этого сообщества. Один из моих преподавателей рассказывал, как он работал в качестве антрополога с учеными-физиками из Ливерморской национальной лаборатории. Техники интервью, которые он использовал, опирались на антропологический фундамент. У него была любимая присказка, что, если собеседник обижается, возбуждается, начинается кричать, что интервьюер неправ, значит, была затронута какая-то действительно важная тема. Нас учили не просто идти за рассказом в интервью и поддаваться его нарративной линии, но пытаться «раскачать» привычный нарратив и вызвать собеседника на эмоциональную реакцию, которая не была бы отрепетирована. Надо было так ставить вопросы, чтобы докапываться до вещей, о которых они обычно не рассказывают, чтобы нарратив не был гладким, чтобы он не был

ДЕНИС СИВКОВ –
СЛАВА ГЕРОВИЧ
ПАМЯТЬ О КОСМИЧЕСКОЙ
ЭРЕ

привычным для интервьюируемого. Надо поставить его в неудобное положение. Я часто это делал. Выяснялось, что информанты, в конце концов, даже испытывали некоторое облегчение: они сдерживались, у них это накопилось – и теперь они это выдали. В разговоре появляются чувства, которые обычно маскировались, в том числе и от коллег.

Д.С.: В четвертой главе «Soviet Space Mythologies» вы подробно анализируете полет Юрия Гагарина, представляя это событие с разных перспектив. У вас о нем говорят инженеры и космонавты, вы анализируете официальные сообщения и так далее. При этом вы работаете с разными источниками – это и дневники, в том числе литературно обработанные, и воспоминания (тоже особый жанр), и интервью, которые вы брали, и интервью, которые брали журналисты, и стенограммы или газетные сообщения. Кажется, что все эти источники тоже представляют собой вызов исследователю – как методологически справиться с таким полифоническим гулом? Как «приручить» эти накладывающиеся друг на друга голоса? Возникают ли напряжения между ними, когда вы анализируете такие разные материалы и источники? Как плодотворно можно работать с этими напряжениями?

С.Г.: Моя подготовка как историка науки сыграла свою роль, поскольку она отличается от подготовки общих историков. У них обычно очень строгая методология в отношении источников. Они выбирают определенный тип источников, скажем, письма читателей в редакцию газеты или материалы Смоленского архива, посвященные развитию колхозов Смоленской области. Это достаточно однородные материалы. Есть общий подход к корпусу, поэтому можно достаточно трезво их оценивать и критиковать, например.

История науки изначально была междисциплинарной и опиралась на очень разные источники – на научные статьи, на библиографические материалы ученых, на архивные сведения об институциях, на политические решения и так далее. В этом смысле историки науки гораздо более всеядны, и они имеют дело с более широким кругом источников. Поэтому, когда я учился в аспирантуре MIT, нам сказали, что никакого общего метода мы вам не дадим, но мы вам дадим ящик с инструментами. Вы будете извлекать из него, что нужно для работы с конкретным источником. У нас были курсы не только по общей истории, но по гендерной, экономической истории, по антропологии, по социологии, по постмодернистской философии. Все это нам читали, а дальше мы могли выбирать инструменты из этих дисциплин, подходящие к тем или

иным источникам. Нас не снабдили единым методом, а дали представление, что методов много и надо стремиться свой инструментарий расширять. Не надо выбирать один любимый инструмент и им, так сказать, молотить все, а надо иметь набор и при этом смотреть, кто и как работает – какими другими инструментами пользуются историки. Техники дискурс-анализа, социологического анализа интересов групп, техники антропологического анализа культуры и ритуалов, техники деконструкции риторики – все это нашло место в том анализе, которым я занимаюсь. Это ремесло трудно передать. Надо читать и смотреть, что можно извлечь из конкретного источника и как это дальше сложить.

В каком-то смысле это уязвимый подход, потому что он неоднородный и несистематичный. В нем возникают пробелы. Легко можно увидеть что-то другое с помощью других методов? Ну, и прекрасно! Значит, кто-то увидит что-то другое, и это будет хорошо для развития этой области знания. Чем меня привлекает история науки по сравнению с общей историей – это определенной свободой в выборе инструментов и отсутствием зашоренности и узкого взгляда на один тип источников. Если знание, как кирпичик, встраивается в уже существующее здание, то отсюда следует очень много ограничений на интерпретационную модель, которую можно предложить. А у каждого историка науки – своя модель развития науки. Именно из-за того, что они меньше ограничены методологически тем, что сделали другие, они могут предложить какие-то новые и интересные концепции.

Д.С.: Мне показалось, что вы симпатизируете (может быть, не очень явно) междисциплинарному направлению *science and technology studies* (STS) с очень разными авторами – от Бруно Латура до Стивена Шейпина, от Эмили Мартин до Донны Харауэй. Опять же Питер Галисон с его понятием *trade zone* и так далее⁹.

Я, как интересующийся работами и подходами STS, смотрел через эту призму на *human-machine interaction* (взаимодействие человека и машины) в вашем тексте. Мне показалось, что у вас как будто бы существует двойная асимметрия в отношениях человека и машины в освоении космоса. Инженеры низводят человека до винтика в системе. Человек лишается своего «человеческого» – деятельности, активности, субъектности. В то же время пилоты, которые приходят из авиации, хотят всем управлять, все взять в свои руки. Они отказывают машине в какой-либо самостоятельности. То есть это такой

⁹ Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.

ДЕНИС СИВКОВ –
СЛАВА ГЕРОВИЧ

ПАМЯТЬ О КОСМИЧЕСКОЙ
ЭРЕ

европейский субъект, который хочет «распоряжаться сущим», как сказал бы Хайдеггер. Латур с последователями попытались рассмотреть взаимоотношения человека и машины так, что и люди, и нечеловеки наделялись примерно одинаковой субъектностью в этой сложной кибернетической системе. Латур это называл принципом симметрии¹⁰.

Космонавт Юрий Усачев – он летал на «Мир» и МКС – в своем дневнике рассказывает, что во время наладки модулей МКС многие системы отказывали или ложно срабатывали. Если звучит сигнал тревоги, то космонавты должны быстро подготовиться и эвакуироваться. Однако через некоторое время обычно выяснялось, что все в порядке. И они были очень измучены этими ложными сигналами. Усачев вспомнил текст в газете, где какой-то грузин посадил дерево, оно не росло, и он угрожал дереву, что срубит его. После угрозы дерево зацвело. Усачев, припомнив эту историю, как-то утром начал разговаривать со станцией. Он сказал ей примерно следующее: «Слушай, мы тоже будем любить тебя, как и прежний экипаж. Давай вместе работать» – то есть он отнесся к станции буквально как к некоему существу, не как к машине, а как к субъекту. После этого станция стала работать нормально. При этом, по его словам, он надеется, что его психолог Богдашевский никогда не увидит этих строк, ибо такой техноанимизм находится вне стандартной системы отношений между Центром управления и космонавтами¹¹. Как будто бы в этой сложной технической системе и человек, и машина (станция) симметричны: и станция, и космонавт – акторы.

Не встречались ли вам такие равноправные альянсы в отношениях человека и машины или они всегда асимметричны, как вы это описываете?

С.Г.: Это очень интересные концепции. Мы все это проходили в аспирантуре – и Латура с Мишелем Каллоном, и их акторно-сетевую теорию, и Харауэй, и Мартин. Для меня машина, которая включена в социотехническую сеть, по сути, является некоторым ступком человеческих отношений, если использовать марксистский термин. Мне в моем анализе не очень удобно использовать машину как отдельного актора. Мне кажется, что это скорее метафора, которая на самом деле скрывает фундаментальные отношения между двумя группами людей, а именно, между теми, кто машину спроектировал, и теми, кто ею пользуется. Этот вопрос отношений между проектировщиками и пользователями очень хорошо изучен в STS.

10 Латур Б. *Нового Времени не было: эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

11 Усачев Ю.В. *Дневник космонавта*. М.: Гелиос, 2004. С. 333–335.

Очень часто у пользователя возникают личностные отношения с машиной. Ну, например, автолюбители любят машину – моют, ласково называют, – есть у них такая личная связь. У любого пользователя, связанного с устройством настолько тесно, что эта связь играет важную роль в жизни – а для космонавта это как раз так, ведь их жизнь зависит от машины на сто процентов, – эти отношения не могут не быть эмоциональными, такими, как с другими людьми или животными. Машина становится участником эмоционального взаимодействия. В этом смысле для проектировщика все иначе. Они разрабатывают машину согласно спецификации. Потом они ее отдают пользователю, у которого возникает совершенно иной тип взаимодействия: у него машина может вызывать эмоциональную реакцию – страх, надежду.

ДЕНИС СИВКОВ –
СЛАВА ГЕРОВИЧ

ПАМЯТЬ О КОСМИЧЕСКОЙ
ЭРЕ

Машина, которая включена в социотехническую сеть, по сути, является некоторым сгустком человеческих отношений между теми, кто машину спроектировал, и теми, кто ею пользуется.

Д.С.: То есть, если снова использовать марксистский термин, отчуждение у проектировщика сильнее и менее травматично для него?

С.Г.: Да. Когда инженеры стали летать на космических кораблях, когда появились бортиженеры, они вышли как раз из среды проектировщиков – Константин Феоктистов, например. Они становились космонавтами, хорошо зная эти машины, и видели их уже с другой стороны. Когда говорят о взаимодействии людей и машин, я всегда вижу за этим отношения двух групп людей. Они вкладывают в них разные предпосылки – свои представления о том, что такое эта машина и что она должна делать. Когда вы упомянули, что у космонавтов есть желание «порулить», это характерно и для американских астронавтов. Все посадки на поверхность Луны в штатном режиме должны были проходить на автомате, но пилоты сажали сами, включая ручной режим, ссылаясь на те или иные неполадки. Минделл пишет об этом в своей книге. Безусловно, есть ощущение, что если ты передаешь слишком много функций машине, то ты теряешь какую-то свою человеческую идентичность. В то же время, взаимодействуя с машиной, ты образуешь с ней какой-то тандем: ты приспосабливаешься к ней, она приспосабливается к тебе – у вас есть какое-то общее дело. Когда человек разговаривает с машиной, это не столько терапия для машины, сколь-

ко терапия для человека. Он после этого начинает по-другому с ней взаимодействовать, может быть, менее резко, более чутко. Машина тогда начинает работать по-другому. Я склонен объяснять это чисто человеческими механизмами, не используя акторную терминологию. Философски она, безусловно, интересна, но для описания конкретных исторических событий она не очень полезна.

Д.С.: Я обратил внимание, что некоторые авторы обращаются к теме смысла космической истории и того, что можно было бы назвать ее фигурой – будь то прямая или прерывистая линия, парабола, спираль. Например, у историка Азифа Сиддики в сборнике про космический энтузиазм есть такая идея, что в постсоветском мире, когда люди вспоминают космическую историю и как-то себя с ней соотносят, то они отправляются в прошлое, чтобы попасть оттуда в будущее¹². Такая получается петля в духе «Тезисов о понятии истории» Вальтера Беньямина. Или можно вспомнить статью Ричарда Таттона, где он пишет, что у Илона Маска и всех ньюспейсеров есть идея, что история освоения космоса прервалась после 1970-х, когда программа «Аполлон» была завершена. Из этой истории исчезла прогрессивная и одновременн романтическая направленность. Теперь задача эту историю и направленность восстановить, «сшить» разрыв¹³. Или разговоры о том, что колонизация космоса позволяет начать заново, «с чистого листа», тем самым «обнулить» земную историю¹⁴.

Нужно ли историку космоса изучать эти фигуры, смотреть на их борьбу, конкуренцию? Может быть, вам больше интересна какая-то другая фигура космической истории, о которой вы узнали, например, из интервью?

С.Г.: Эти фигуры часто возникают в контексте широкого общественного восприятия космических программ. Вся эта романтика – прежде всего феномен общественного восприятия. Как события космического века представляются в масс-медиа, как люди их воспринимают, какие культурные ассоциации и мемы из этого возникают. То, что полеты утратили свою романтическую ауру, – это не изменение характера самих полетов, а изменение общественного настроения и отношения

12 SIDDIQI A. *From Cosmic Enthusiasm to Nostalgia for the Future: A Tale of Soviet Space Culture* // MAURER E. ET AL. (Eds.). *Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies*. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 283–306.

13 TUTTON R. *Sociotechnical Imaginaries and Techno-Optimism: Examining Outer Space Utopias of Silicon Valley* // *Science as Culture*. 2021. Vol. 30. № 3. P. 416–439.

14 LAUNIUS R. *Perfect Worlds, Perfect Societies: The Persistent Goal of Utopia in Human Spaceflight* // *Journal of the British Interplanetary Society*. 2003. Vol. 56. P. 338–349; TUTTON R. *Multiplanetary Imaginaries and Utopia: The Case of Mars One* // *Science, Technology & Human Values*. 2017. Vol. 43. № 3. P. 518–539.

к ним. В каком-то смысле достижение амбициозной цели – полета и высадки на Луну – вроде бы удовлетворило этот романтический интерес. Но последующие полеты проекта «Аполлон», когда люди гуляли на Луне, уже не вызывали такого интереса. В них не было новизны, опасности – того, что питает романтику. А когда начались космические станции с многомесячными полетами по орбите, когда широкой публике казалось, что вообще ничего не происходит, все стало выглядеть совсем скучно. Космонавтика начала приобретать характер рутинного занятия. Риск, опасность, адреналин стали оттуда уходить. Программа шаттлов вроде бы возродила интерес, но они выглядели почти пассажирскими полетами: много народу летит, тут же возвращается. Произошла рутинизация космических полетов. Потом были катастрофы шаттлов и гибель людей. Стали задумываться, нужно ли это, нужны ли такие риски и потери, должно ли общество тратить такие ресурсы, посылая людей на такой риск. Космическое сообщество и публика в целом начали задавать эти вопросы, спрашивать, зачем нужна пилотируемая космонавтика. В этот момент произошел сдвиг из государственной сферы в частную. Для частных компаний создание таких высоких технологий стало и технологическим вызовом, и пиар-ходом, и коммерческой задачей.

Мне кажется, что развитие космонавтики движется по тому же пути, что и вычислительная техника. Вначале она опиралась на вложения государства – для военных проектов строились огромные ламповые ЭВМ, – а позднее, когда этим смогли заниматься частные компании, то компьютерам нашлось другое применение. Они не нуждались в государственном финансировании и оправдании перед налогоплательщиками. В космонавтике это – с экономической точки зрения – естественный ход вещей.

Удастся ли пробудить интерес широкой публики, зависит от того, насколько удастся сделать какие-то невиданные вещи – типа полета на Марс. Это расширение горизонта, которое может вызвать интерес у широких масс, поскольку это проект, осуществляющий что-то новое в масштабах человечества в целом, это способ осознать единство человечества, а не одной страны или личности. Сейчас экономика глобальная, и нельзя сказать, что одна страна что-то разработала; это всегда конгломерация и кооперация разных игроков. В этом смысле успешный полет на Марс будет технологическим достижением всего человечества и способом человечества осознать свое единство. Если говорить о популярном образе космонавтики, то надежда на пробуждение широкого интереса за пределами узкого сообщества энтузиастов как раз лежит в международных проектах, которые выступают за единство человечества.

ДЕНИС СИВКОВ –
СЛАВА ГЕРОВИЧ

ПАМЯТЬ О КОСМИЧЕСКОЙ
ЭРЕ

Д.С.: Когда я начал заниматься интересом к космосу, его популярностью, мне стало важно узнать, а что вообще написано про космос в социальных науках. Я с удивлением обнаружил вот что. Космос в России достаточно популярен на уровне новостной повестки – буквально каждый день несколько резонансных новостей. Интерес большой, а социальных исследователей космоса практически нет (или очень мало). Те, кто есть, по сути, делятся на две группы. Одни пересказывают версии инженеров и ученых, а другие занимаются созданием ностальгических и патриотических «скреп» типа «Циолковский – это наше все!». Сложно найти критический подход, анализ и тому подобные вещи. Да, государство, с одной стороны, и ученые-инженеры, с другой, хотят контролировать нарративы о космосе. Кроме этого, на ваш взгляд, почему в России так мало исследователей освоения космоса? Или это мировая тенденция? Нас меньше, чем исследователей интернета или биомедицины? Почему так?

С.Г. Мне кажется, есть несколько причин. Первая – большая закрытость космического сектора, поскольку он более тесно связан с военной сферой. Архивы более закрыты, доступ к музейным экспонатам затруднен, поскольку музеи часто корпоративные и находятся на территории закрытых предприятий, где делали эти аппараты. Сама эта среда ограничивает возможности для исследователей. Скажем, когда я интервьюировал советских кибернетиков для своей первой книги, они часами со мной разговаривали и готовы были рассказывать про свою жизнь и работу, а когда я разговаривал с инженерами и космонавтами, было гораздо труднее, потому что они часто останавливались, задумывались – можно это сказать или нельзя сказать: «Это записывайте, а это нет. Это публикуйте, а это нет». Все время наталкивались на какие-то границы, которые они сами не очень хорошо осознавали и боялись за них зайти. В то же время мне кажется, что, поскольку космонавтика теряет свой ореол, публика гораздо более озабочена проблемами в области медицины, биологии, искусственного интеллекта – это больше на слуху. Исследователи идут туда, в те сферы, которые воспринимаются как актуальные. При этом в Штатах достаточно широкий интерес к космической тематике среди исследований культуры, гендера и медиа, например. В той мере, в какой космические темы резонируют с «горячими» темами, это вызывает интерес у социальных ученых. Но действительно космонавтика воспринимается как совокупность технологий 1960–1970-х, которые во многом там и остались. Она в этом смысле привлекает людей с интересом к ретро. Пока не возникнет амбициозная космическая программа, пока

она не окажется в центре общественного внимания, к космонавтике в большей степени будет проявляться чисто исторический интерес.

ДЕНИС СИВКОВ –
СЛАВА ГЕРОВИЧ

ПАМЯТЬ О КОСМИЧЕСКОЙ
ЭРЕ

Д.С.: Последний вопрос, с которого, может быть, стоило начать наш разговор. В своей книге вы задаетесь вопросом: «Что мы действительно помним, когда вспоминаем космическую эру?»¹⁵. В этом смысле, какое событие помните вы? Может быть, из детства. Что на вас повлияло и что вы запомнили?

С.Г.: Я в детстве собирал марки на космическую тему – вот и вся моя связь с космонавтикой. Но, пожалуй, я помню мое первое событие – это был полет «Союз»–«Аполлон» 1975 года. Мне было 11 лет. Появились сигареты «Союз Аполлон», какие-то выставки американские в Москве. Я помню ощущение, что космос нас сближает. Я тогда космосом как таковым не интересовался, но мне показалось, что тот полет как-то поменял отношение к американской культуре: среди советской публики возник интерес. К Америке стали относиться не как к угрозе, а как к обществу, с которым можно взаимодействовать, обмениваться, что-то совместное делать на орбите. Мне кажется, это был важный шаг в разрушении образа врага. Эта роль космонавтики важнее, чем какие-то технологические достижения. Ну, полетели, поднялись, ну, хорошо. Потомки нас в этом смысле все равно превзойдут и сделают что-то более интересное и полезное. Что именно можем сделать мы? Использовать технологические проекты для наведения мостов между народами и использовать технику во благо мира, а не войны.

15 GEROVITCH S. *Soviet Space Mythologies...* P. XI.

Кульшат
МЕДЕУОВА,
Улболсын
САНДЫБАЕВА

Нарративы о Байконуре: город и космодром¹

*Кульшат Медеуова
(р. 1966) – философ,
культуролог, сотрудник
Евразийского националь-
ного университета
имени Л.Н. Гумилева
(Астана, Казахстан).*

*Улболсын Сандыбаева
(р. 1966) – культуролог,
сотрудник Евразийского
национального универси-
тета имени Л.Н. Гумиле-
ва (Астана, Казахстан).*

Космодром Байконур занимает огромное пространство – его площадь более шести тысяч квадратных километров. В плане инфраструктуры это место, которое своим режимом секретности создает определенные эпистемологические помехи для реконструкций культурного ландшафта не только долины реки Сырдарьи, но и большей части центрального Казахстана – Сарыарки. В статье речь пойдет прежде всего о космосе – реальном и воображаемом, – о его героике и повседневности. И в соответствии с инклюзивным подходом эта речь будет многоголосой: мы изучали и истории, рассказанные местными жителями, и истории военных, служивших на Байконуре. Кроме этого, материалом послужили экспозиции музеев (и рассказы музейных работников) бывших воинских частей, где сегодня представлена история развития космодрома. Наконец, немаловажным источником для нас стало творчество современных художников, переосмысляющих феномен космического.

Вся внешняя периферия закрытой зоны так или иначе вовлечена в повседневную жизнь Байконура – как города, так и одноименного космодрома. Сначала мы рассмотрим Байконур в целом, в качестве закрытой территории, затем – музеи

1 Статья подготовлена в рамках грантового проекта AP14870269 «Инфраструктура памяти: ревитализация культурных ландшафтов Казахстана».

КОСМОС: ВЕРСИИ ОСВОЕНИЯ

в городе и на площадке № 2 космодрома, станцию Торетам, поселок Жосалы, с которых начиналась история строительства космодрома; обратимся к альтернативным версиям о начале космической истории в Казахстане, услышанным в поселке Байконур, который находится в 350 километрах от космодрома, в регионе Улытау.

Исследование проводилось с 2019-го по 2022 год. Полевые маршруты проходили через крупные областные центры Кызылорда, Жезказган, Караганда – и далее через периферию космодрома на сам космодром. Согласно этическому соглашению, мы спрашивали у всех респондентов разрешение на указание имени и других личных данных. В соответствии с их выбором часть респондентов в тексте названы по именам (в случае необходимости дается и религиозная принадлежность), часть – просто обозначены как «бывший военный» или «местный житель», без указаний национальности и гражданства.

В тексте встречаются два варианта наименования: казахский «Байконур» и русский «Байконур». И эта не просто разница в написании/произношении – тут целая, очень характерная для эпохи «холодной войны», «конспиративная» история. Возведение космодрома (ранее полигона) сопровождалось и строительством поселка вблизи конечной станции Торетам. Этот поселок, впоследствии ставший городом (1969), имел с 1958 года название Ленинск. Байконуром он стал именоваться только в 1995-м. При этом полигон был назван Байконуром сразу после запуска космического корабля «Восток» с Юрием Гагариным: соблюдая режим секретности, для дезориентации вражеских разведок, в момент полета Гагарина были объявлены координаты поселка в Карагандинской – ныне Улытауской – области. В казахском варианте его и называют Байконур. Этот поселок, имеющий собственную индустриальную историю, связанную с освоением британцами месторождений бурого угля в начале XX века, и по сегодняшний день окутан разного рода шпионско-конспирологическими легендами, о которых мы подробно поговорим ниже.

В статье представлены разные сюжеты, но все они, как мы полагаем, важны для понимания того, как, в каких культурных формах происходит «локализация» космоса, какое место он занимает в современном социальном воображении и какое влияние оказывает на те территории (и их социокультурные ландшафты), откуда открывается непосредственный доступ к нему.

КОСМИЧЕСКИЕ РАМКИ

Мы брали интервью у разных групп, и каждая из них рассказывает о Байконуре по-своему. Так у военных, даже бывших, доми-

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

нируют интонации героико-патетического, почти официально-медийного пересказа фрагментов «консенсусного нарратива»². Художники обращаются к разным дискурсам – в диапазоне от романтических до критических. Рассказы местных жителей (не только самого Байконура, но других населенных пунктов, расположенных вокруг космодрома) пронизаны ностальгией – и в то же время разочарованием, сожалением о «нереализованном будущем»³. Важным мотивом рассказываемых историй является тема экологического беспокойства. Речь прежде всего идет об опасных химических веществах, используемых при запуске ракет, – в частности, в качестве компонента топлива в ракетах-носителях класса «Протон»⁴. Например, крупная авария «Протон-М» в 2007 году, работающего на гептиле, спровоцировала появление в Казахстане общественного движения «Антигептил».

Другой тип беспокойства о разрушении культурного ландшафта хорошо описан в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», в котором главный герой не может похоронить друга по исламским ритуалам на родовом кладбище, расположенном на территории космодрома. Прерывается живая традиция, но и доступ к ее историко-археологической составляющей также оказывается затруднен: музейный работник поселка Жусалы говорил нам, что он и его коллеги мечтают попасть на территорию космодрома для изучения и описания находящихся там археологических объектов.

Космодром – это не только площадка для взлета и приземления ракет, но и своего рода фронтир с соответствующей специфической повседневностью. Понятие «фронтир» используется здесь как обозначение зоны контактов разных хозяйственных и социальных систем, культурных периферий – в духе того, как это представлял американский историк Фредерик Джексон Тёрнер⁵. И, как всякое пограничье, – это особый мир с разными акторами и разными носителями исторической и культурной памяти⁶.

В современных социальных исследованиях космос называют последним/бескрайним фронтиром, его связывают и с гонкой вооружений, и с ностальгией по отношению к «нереали-

2 SIDDIQI A. *From Cosmic Enthusiasm to Nostalgia for the Future* // MAURER E., RICHERS J., RÜTHERS M., SCHEIDE C. (Eds.). *Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies*. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 283–306.

3 Ibid. P. 283.

4 МАИКАНОВ В., АУТЕЛЕЙЕВА Л., ЗГУБАТОВ ЗН., ТЕРЛИКБАЙЕВ А., КАМСАЕВ К. *The Effect of an Accidental Carrier Rocket Crash on Soil and Vegetation Cover* // *Journal of Ecological Engineering*. 2022. Vol. 23. № 2. P. 176–184.

5 ТЁРНЕР Ф. Дж. *Фронтир в американской истории*. М.: Весь мир, 2009. С. 304.

6 МЕДЕУОВА К., САНДЫБАЕВА У. *Наследие и фронтир: репрезентация космоса в музеях Казахстана* // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 5. С. 41–56.

зованному будущему». Последняя особенно характерна для постсоветских государств, где, согласно Азифу Сиддики, горизонт будущего закрывают нереализованные прошлые проекты этого самого будущего⁷. Размышляя о взаимосвязи между национальной идентичностью и освоением космоса, о нарративах, порожденных национальными претензиями и ставших основой космической истории как в Соединенных Штатах, так и в России периода «холодной войны», Сиддики говорит о новых нарративах тех акторов, которые не были ранее представлены в большой космической истории⁸. Кроме того, сегодня растет интерес к культурным измерениям этой истории, к артефактам⁹. Поэтому для нас представляют особый интерес способы интерпретации космоса казахстанскими художниками.

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

Космодром – это не только площадка для взлета и приземления ракет, но и своего рода фронтир с соответствующей специфической повседневностью. И, как всякое пограничье, – это особый мир с разными акторами и разными носителями исторической и культурной памяти.

Неоднозначность в отношении любого «космического наследия» порождает в целом различные дискурсы и нарративы, в том числе колониальные, постколониальные, экологические. Спецификой казахстанского исследовательского поля является то, что история космонавтики в Казахстане особым образом вписывается в национальный нарратив о независимости и выступает как часть истории национальной модернизации. Этот нарратив артикулировал Нурсултан Назарбаев, говоря о символичности исторического стечения обстоятельств: космодром был объявлен собственностью Казахстана в августе 1991 года, в октябре полетел в космос первый казах, а в декабре была провозглашена государственная независимость Республики Казахстан. Как выразился Назарбаев, «о своем намерении стать национальным государством мы, получаемся, заявили раньше в космосе, чем на земле»¹⁰. Этот политический посыл первого президента страны нашел отражение в казахстанских музеях, где тема истории космонавтики представлена в залах, посвященных независи-

7 SIDDIQI A. *Op. cit.*

8 ИДЕМ. *Competing Technologies, Nation(ist) Narratives, and Universal Claims: Toward a Global History of Space Exploration* // *Technology and Culture*. 2010. Vol. 51. № 2. P. 425–443.

9 GEPPERT A. *Rethinking the Space Age: Astroculture and Technoscience* // *History and Technology*. 2012. Vol. 28. № 3. P. 219–223.

10 НАЗАРБАЕВ Н. *Казахстанский путь*. Караганда, 2006. С. 307.

мости страны (основные экспонаты – это фотографии отечественных космонавтов с Назарбаевым). В результате мы сталкиваемся с парадоксом: с одной стороны, космос использовался как символический капитал Казахстана, с другой – этот капитал в музеях представлен только косвенно и опосредованно.

Зачастую культурный ландшафт территории «до космодрома» – как в байконурских, так и в казахстанских музеях в целом – репрезентируется скорее как «не-культурный»: малозаселенная местность, фактически пустыня, как будто лишенная всякой истории. Такое стереотипное представление в местных нарративах разного уровня компенсируется легендой о Байконуре как о «жер киндиги» – то есть как о центре, пуповине всей Земли. Это можно рассматривать и как локализацию – как привязку космоса к местной истории¹¹. Глобальный космос понимается местными жителями через легенду о Коркыте, победившем время и смерть. Почти во всех вариантах сказания Коркыт (Коркут, Коркыт-ата, Хорхут, Горкут-ата) – это легендарный мудрец, считавшийся выходцем из степей, расположенных вдоль реки Сырдарья. Убегая от смерти, путешествуя по всем четырем сторонам мира, герой возвращается к реке Сырдарье, которая описывается как центр мира, и именно здесь он обретает бессмертие¹². По мнению казахстанского художника, уроженца этих мест Рашида Нурекеева, «единственное, чем мы гордимся, что здесь пуп Земли, и на Байконуре связываем эту идею с Коркытом, не зря его могила там, на берегу Сырдарьи, и Байконур построили именно в том месте»¹³.

Когда в 1980-е, всего в 70 километрах от космодрома, у мазара – места захоронения Коркыта – построили музейно-мемориальный комплекс, он планировался (и отчасти стал таковым) в качестве конкурирующего с Байконуром знакового пространства, особенно для направляющихся в Байконур на ракетные старты¹⁴.

ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД

Город, космодром и станция Торетам имеют между собой сложные инфраструктурные связи. Город обнесен бетонным забором – с колючей проволокой по второму ярусу и двумя контрольно-пропускными пунктами. Такие же пункты имеются на

- 11** См.: MESSERI L. *Placing Outer Space: An Earthly Ethnography of Other Worlds*. Durham: Duke University Press, 2016. P. 248.
- 12** КАСКАБАСОВ С. *Колыбель искусства*. Алматы: Онер, 1992. С. 368.
- 13** Материалы полевых исследований, сентябрь 2019 года. Интервью с Рашидом Нурекеевым.
- 14** МЕДЕУОВА К. *Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане* // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161). С. 256–274.

въездах на территорию самого космодрома. Согласно навигации, маршрут следования по космодрому начинается от нумерованных площадок, которые имеют разное предназначение – от стартовых и технологических до мемориальных. Рядом со знаменитым Гагаринским стартом (1-я площадка) находится 2-я площадка с музеем и мемориальными домиками Гагарина и Королева. Последний был подарен Сергею Королеву правительством после успешного запуска первого искусственного спутника Земли. В нем конструктор прожил шесть лет, и в 1975 году – спустя почти десять лет после смерти Королева – дом приобрел статус мемориального музея.

Эта площадка была местом, где первые космонавты проходили предполетную подготовку и послеполетную адаптацию. Здесь же военными был создан музей на базе инфраструктуры воинской части № 25741, поэтому экспозиция начинается с комнаты боевой славы. Создание же городского Музея истории космодрома Байконур связано с военными строителями. В 1968 году была открыта комната боевой и трудовой славы военных строителей в Доме культуры строителей воинской части № 12253 (переименованная позже в Городской дворец культуры), а затем, в 1994-м, на ее основе был создан городской музей.

Музей на космодроме больше городского музея: здесь располагается экспозиция техники под открытым небом, где особое внимание привлекает космический корабль «Буран», доступный для посещения. В обоих музеях однотипная информация о боевом пути, наградах и биографиях генералов, строителей и тех, кто имеет непосредственное отношение к космосу – либо самих космонавтов, либо конструкторов. В музее на площадке больше детализированной информации об ученых, работавших над проектами. Фрагменты космической техники, аппараты управления, космическая еда, планшеты, диорамы и фотографии – все это по сравнению с экспозициями крупных космических музеев в Москве, Калуге, Вашингтоне, Нью-Йорке выглядит несколько скудно, но если сравнивать с космическими экспозициями в казахстанских музеях¹⁵, то – впечатляюще и информативно.

В обоих музеях мы интересовались не только экспозициями, но и жизнью в закрытом городе: насколько его жители информированы о том, что происходит в других районах долины Сырдарьи – главной артерии региона. Точно так же мы спрашивали у музейных работников мемориального комплекса Коркыт-ата в поселке Жосалы, что они знают о городе и космодроме. Сотрудники¹⁶ комплекса уверены в значимости своего мемориального музея и самого места как особого и

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

15 МЕДЕУОВА К., САНДЫБАЕВА У. *Указ. соч.* С. 41–56.

16 Материалы полевых исследований, октябрь 2021 года. Экскурсовод 1.

даже сакрального – места, где чувствуется архетипическое космическое единство, «центр мира». Сотрудники¹⁷ же музея на 2-й площадке космодрома не смогли объяснить, зачем нужен стенд с Коркытом в музее, посвященном космосу. Для них он является лишь реально существовавшим средневековым поэтом, имеющим какое-то значение для казахов, но его связь с космической темой они не усматривают. В свою очередь музейные работники из Жосалы не могут попасть на территорию космодрома для исследовательской работы¹⁸.

В самом городе, со стороны заброшенного КПП, видны руины. На наш вопрос, будет ли там какое-либо строительство или просто идет разрушение старых казарм, сотрудник городского музея ответил, что не уполномочен отвечать за действия властей и «вообще у казахстанской стороны много фантастических проектов – может быть, они там что-то строят, ведь они даже хотели сделать на Байконуре туристический центр, но в самом городе больших строек давно нет»¹⁹. В музее, расположенном на территории космодрома, экскурсовод, рассказывая с пиететом о беседке Гагарина, где космонавты пили чай, а госкомиссии принимали важные решения, в то же время заметила, что жители Байконура в этот привилегированный район, огражденный ныне шестиметровым забором, попасть не могут, но в детстве «лазали через рабицу, а солдаты нас вылавливали»²⁰.

Жизнь города за забором с колючей проволокой, несомненно, ограничивает восприятие культурного ландшафта в целом. Несмотря на преимущества централизованного снабжения и карьерные возможности для строителей и военных, мало кто хочет обосноваться здесь навсегда. Байконур сегодня – это обветшалый и сильно руинированный город, где новых построек мало и дальнейшие перспективы неясны²¹.

Космодром Байконур перешел в собственность Казахстана после обретения последним независимости в 1991 году. По договору 1994 года он был передан в аренду России, а по соглашениям 2004-го аренда пролонгирована до 2050-го. Поэтому город и космодром так и остались закрытыми для свободного посещения. Существует разрешительно-пропускная система, сложные процедуры получения доступа к посещению города или музеев, расположенных на стартовых площадках. В 1990-е в городе увеличилась доля казахов, что повлекло за собой изменение этнического состава населения в целом, появились церкви и мечеть, хотя последняя находится на территории за

17 Материалы полевых исследований, октябрь 2022 года. Экскурсовод 2.

18 Материалы полевых исследований, октябрь 2022 года. Экскурсовод 3.

19 Материалы полевых исследований, октябрь 2022 года. Экскурсовод 4.

20 Материалы полевых исследований, октябрь 2022 года. Экскурсовод 2.

21 Материалы полевых исследований, декабрь 2019 года. Интервью с бывшим военным.

КПП, между Байконуром и Торетамом. Один из наших гидов по городу, казах по национальности, рассказывал, что его родители приехали именно в этот период – они были просто коммерсантами, не работали на космическую индустрию, не были военными. Его детство прошло в этом городе, к виду городских руин он привык, но, желая нам показать свой город с лучшей стороны, он старательно обходил здания, где более-менее прилично сохранившийся фасад резко контрастировал с тыльной стороной – с ее заколоченными окнами и дверями.

В Байконуре сохранился городской указатель со старым названием «Ленинск», а рядом с эпической мозаикой, изображающей космонавта и являющейся визуальной визиткой города, в 2022 году при очередной реставрации поставили дополнительную скульптуру в виде сердца. Как нам объяснили, это сделано, чтобы молодожены, согласно свадебному ритуалу, разбивали бутылки шампанского не о космонавта (ради снимков которого сотни туристов приезжают на космодром), а об эту конструкцию.

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

Илл. 1. Мозаика и вид на город со стороны аэропорта и поселка Акай. Фото Кульшат Медеуовой, 2022 год.

«СОЛДАТЫ КОСМОСА»

Бывший военный, а ныне журналист, инженер-эколог и фотограф²², считает, что сообщества бывших жителей Байконура, Приозерска и Сары-Шагана²³ являются самыми патриотичными по отношению к тем местам, где они служили и жили. Он служил на Байконуре в 1980-е и считает, что это был период наивысшего расцвета города в культурном и демографическом

22 МЕДЕУОВА К. *Nowhereness: Baikonur* // Cosmic Bulletin. 2022 (<https://cosmos.art/cosmic-bulletin/2022/nowhereness-baikonur>).

23 Приозерск и Сары-Шаган – инфраструктурно связанные с Байконуром военные городки с полигонами, часть территории находится в аренде у России.

плане. Социальный уровень и возраст всех тех, кто приезжал из разных частей Советского Союза, как он отмечает, был почти одинаковым:

«Было немало военных городов, в которых жизнь была лучше – тот же Плесецк, в котором не было кризиса 1990-х, но Байконур вспоминается как счастье, и радость, и боль в сердцах тех, кто там жил, это особые города. [...]

Я сам был молод, и город был уникальный, невероятно молодой, как-то пытались посчитать средний возраст, получалось около 26 лет... Особых развлечений не было, кроме книг, кино, и к нам часто приезжали знаменитые артисты. В культурном плане все же жизнь была насыщенной, но для молодых офицеров, у которых времени было немного, в целом было сложно посещать все мероприятия»²⁴.

Говоря о трудностях, связанных прежде всего с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией и суровым климатом, он отмечал, что они компенсировались ощущением значимости миссии защитников отечества, которую они выполняли. Что касается нынешнего режима безопасности на Байконуре, то респондент полагает, что в эпоху спутниковой разведки говорить о секретности некорректно – тем более, были реализованы множество международных проектов по линии Интеркосмоса, делегации НАСА посещали космодром. В его словах о космодроме ощущалась ностальгия по советскому прошлому. Он говорил, что Советский Союз считался великой военной державой именно благодаря космическому проекту, и сегодня в конкуренции государств военно-промышленный комплекс играет важную роль.

По мнению респондента, хорошо распиаренная космическая активность США, лицом которой является Илон Маск, несравнима с тем, как космонавтика развивалась в советский период, когда приоритеты идеологического сопровождения космической истории расставлялись правильно. Однако он признает, что грамотный маркетинг способствует популяризации космоса, примером чего являются американское, китайское, европейские космические агентства:

«Чем занимается Байконур? Спросите у казахстанца, получите ответ – что-то запускает, почти как 20–30 лет тому назад, все те же ракеты. Конечно, сейчас космодром ужас, для разного типа ракет использовались разные площадки, часть площадок была заброшена, часть законсервирована... Сейчас космодром сильно усох»²⁵.

Интересно, что, будучи бывшим военным, который остался жить в Казахстане, в Караганде – в городе, который является

24 Материалы полевых исследований, декабрь 2019 года. Интервью с бывшим военным.

25 Там же.

не только шахтерским, но и позиционирует себя как «космическая гавань» и имеет свои места памяти, связанные с космонавтами, – он мало знает об окрестностях Байконура и не был в мемориальном комплексе Коркыт-ата. Мемориал, как и космодром, административно находятся в Кызылординской области. При этом респондент говорит о Байконуре как о культурном центре региона, «который в какой-то момент даже конкурировал с Кызылордой».

Об этой конкуренции можно было говорить в советский период, когда город имел так называемое спецобеспечение, но уже после распада СССР Байконур оказался в катастрофическом положении. Сегодня, в ситуации аренды и двойной юрисдикции, положение города остается сложным. Россия не стремится вкладываться в инфраструктурное развитие города, а вот Казахстан, напротив, начинает энергичнее развивать город, по крайней мере в сфере строительства жилья. При этом Кызылорда, будучи административным центром области, не упускает инициативу из рук, активно используя космическую символику, отсылающую к Байконуру вместе с образом Коркыта. Космос – это культурный, символический капитал, придающий известность городу.

Города Казахстана, которые имеют какое-либо отношение к космосу – Кызылорда, Караганда, Жезказган, – часто называют «космическими». Наш респондент рассказывал много историй о Караганде, о встречах с космонавтами. В общей сложности за свою военную и журналистскую/экологическую деятельность он встречался с тридцатью космонавтами. По его словам, они все очень разные – например, Алексей Леонов любил анекдоты и мастерски их рассказывал. Многие космонавты при первой возможности идут в школы, чтобы пообщаться с учениками – поскольку космос все еще является их страстью, которой они хотят поделиться.

«Не надо приписывать космонавтам каких-то уникальных возвышенных качеств, это очень целеустремленные, грамотные, работоспособные солдаты космоса. Это те люди, которые никогда не поступят так, как показывают в фильмах, они не будут истерить, не будут спорить с “землей”, не будут пренебрегать приказами. Ничего этого на самом деле не бывает. Разбуди этого деда и скажи – завтра надо лететь, и он все бросит – дачу, особняки, если случайно на них заработал, плюнет на свое здоровье, – полетит»²⁶.

Образ космонавтов как «солдат космоса» вполне вписывается в дискурс военных, для которых служение родине, патриотизм, мужество являются заведомо приоритетными ценностями.

26 Там же.

Несомненно, молодость, пришедшаяся на эпоху «холодной войны», риторика космической конкуренции, гордость за достижения Советского Союза – все это определяет такие нарративы. Продолжая сегодня работать с космическим наследием уже в качестве эколога и фотографа, респондент отмечает, что казахстанская сторона делает недостаточно для того, чтобы поддержать разговор о космосе на прежнем – высоком – уровне. Этот кейс хорошо иллюстрирует тезис Азифа Сиддики о том, что ностальгия по прошлому непосредственно связана и с ностальгией по будущему из-за нереализованных возможностей²⁷.

КОНКУРИРУЮЩИЕ НАРРАТИВЫ: БАЙКОНУР VS БАЙКОНЫР

История Байконура как космодрома – это, конечно, часть истории космической гонки периода «холодной войны», поэтому режим секретности делал космодром практически «невидимым» не только для населения республики, но и для всего мира. Название места обозначалось по-разному: Ленинск, Тайга, Ташкент и даже Звездоград – к приезду Шарля де Голля. Американский физик, космический инженер, профессор аэронавтики Майк Грунтман, детство которого прошло в Торетаме, подробно пишет о том, как власти упорно пытались скрыть не только реальные факты происходящего на космодроме, но и его реальные географические координаты, вместо которых советские средства массовой информации использовали координаты ложного космодрома у поселка Байконыр. Грунтман же, опираясь на архивные материалы и фотографии, сделанные американским самолетом *U-2* в 1957 году, показал, что, несмотря на повышенную секретность, для американской стороны было очевидным истинное расположение космодрома у станции Торетам²⁸. Торетам был той конечной железнодорожной станцией, куда и прибыли военные для строительства космодрома.

С 1961 года топоним Байконур используется для обозначения космодрома и с 1995-го – для военного городка при нем. Это и есть всемирно известное место «Байконур» – символический центр всей «космической зоны». «Байконыр» – это поселок в Улытауской области с заброшенными шахтами и с ложным космодромом. Сильно деградировавший сегодня, он отмечает зону падения космического мусора.

Если космическая эра начинается – в соответствии с официальной историей – с запуска спутника и первого полета чело-

27 SIDDIQI A. *Op. cit.* P. 283–306.

28 GRUNTMAN M. *From Tyuratam Missile Range to Baikonur Cosmodrome* // *Acta Astronautica*. 2019. № 155. P. 350–366.

века в космос именно с космодрома Байконур возле станции Торетам, то альтернативная история представляет нам другой, секретный, «настоящий» космодром в Байконуре Улытауской области. Чтобы разобраться во всей этой запутанной истории с космодромами и ознакомиться с локальными историями о космосе, мы отправились в город Жезказган и далее в сам Байконур, чтобы поговорить с местными жителями – живыми свидетелями начала космической эпопеи в Казахстане. Как выяснилось, жители поселка искренне считают, что их космодром был первым, «настоящим», откуда и полетел в космос Гагарин.

Однако единственное, что напоминает в самом Байконуре о космосе, – это небольшой устаревший баннер с портретом Гагарина, расположенный напротив строящейся мечети, и дорожный указатель со стилизованной ракетой.

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

Илл. 2. Дорожный указатель Байконур. Фото Кульшат Медеуовой, 2021 год.

В настоящее время в этом ауле живут семьи, занимающиеся животноводством, хотя на карте ранних районов индустриализации Казахстана этот населенный пункт был одним из ключевых. Добыча угля стала основной причиной строительства рабочего поселка городского типа вначале британцами, позже советской властью. Скорее даже следует говорить не просто об одном населенном пункте, но о местности, связанной с рекой Байконур, или Буланты.

Сам поселок Байконур разделен на две части – старую и новую. Старая часть поселка представляет собой заброшенные шахты, руины зданий (в том числе домов британских специалистов, которые арендовали эту землю для добычи угля в начале XX века) казарм и других административных строений, свидетельствующих о существовании рудника и отделения Степлага, что важно для понимания общей картины региона и памяти о нем. Новая часть поселка находится на

возвышенности, имеет вид стандартного советского совхоза: пару прямых пересекающихся улиц, административный центр со школой, конторой и памятником Ленину. Также есть руинированные постройки, чаще всего это бывшие административные здания – такие, как гостиница, столовая, конторы, которые по-разному используются местными жителями: например, для сеновала, поскольку основная экономическая деятельность связана с животноводством.

На встрече с самым авторитетным восьмидесятилетним аксакалом он рассказал о своей родовой истории: как его семью из той местности, где построили первый космодром, переселили в Байконыр, который в тот момент они называли Шокпар. Кроме того, он поведал историю о секретных событиях, которые он и другие жители интерпретировали как тайную историю космонавтики:

«Ракета была отправлена в 70 километрах отсюда. Это место под названием Акшам. Там был настоящий подземный космодром. Территория эта была ограждена, по степному пути, если случайно подъедешь, то придется возвращаться. Если вы вдруг попадете внутрь, вам закроют глаза и заберут вас. От тех, кто там был, расписку брали, что они всем последующим своим потомкам ничего не скажут... Вот сейчас мы сидим на месте, откуда полетел Гагарин, но на карте нас нет, мы пустыня»²⁹.

Мы сидели на полу, на расстеленных по кругу казахских ковриках-корпе в доме одного из жителей поселка. В дискуссию о том, что же было в окрестностях Байконыра – первый или ложный космодром, – вовлекались и другие жители поселка. Утром, когда мы обходили поселок, сопровождающему нас жителю говорили: «А, это те, кто приехал из столиц и не верит, что у нас здесь был настоящий первый космодром».

Аксакал говорил, что начиная с 1959 года в Байконыре стало появляться больше воинских частей, что они видели солдат и технику – колонны по десять–двадцать машин проходили каждый день, причем их груз был накрыт брезентом, и не разрешалось даже смотреть в их сторону, случайно встретив в степи. Также он рассказывал и об Охотпромхозе, где заготавливали мясо сайгака, за которым прилетали самолеты, и он слышал разные истории. В его пересказе первый космодром выглядел как сооружение под землей, сделанное из бетонных блоков то ли в виде креста, то ли треугольника. Он объяснял такое расположение гонкой вооружения между СССР и США. Однако потом все это взорвали. В рассказе настойчиво проводилась мысль, что космодром, который все считают ложным, был настоящим.

29 Материалы полевых исследований, октябрь 2021 года. Беседа с местным жителем, 80 лет.

Уже потом все остальные космонавты после Гагарина летали со стороны Торетама.

Еще более увлекательный рассказ прозвучал о пойманном в их поселке шпионе, который работал на американскую разведку и тайно передавал по радиации информацию, имеющую отношение к космодрому. Для жителей история со шпионом является сильным аргументом, подтверждающим наличие у них настоящего космодрома. Появился этот шпион в качестве кино-механика – нужного в поселке человека. По словам аксакала, это был «молодой человек, возможно, по национальности он был либо русским или латышом, а может быть, и немцем, звали его Миша; оказывается, он не просто крутил киноленту, но и передавал какую-то секретную информацию по радиации»³⁰.

Историю об американском шпионе Мише рассказывал и бывший аким³¹ села, более молодой мужчина, уже не заставший военных в таком большом количестве, как аксакал, но слышавший истории от родственников. Историю про шпиона ему рассказал старший брат, который непосредственно общался с Мишей, пил с ним спирт, потому что это было полезно, как они думали. Это тоже является, с его точки, зрения аргументом в пользу подлинности ложного космодрома, ведь спирт просто так пить не рекомендуют, да и не так легко его найти в этой местности. В его версии Миша работал киномехаником почти два года. Однажды в поселок прибыли танки, и мать акима рассказывала, как поила чаем с куртмом (сушеный соленый творог) солдат в танке, а дети получили от них какие-то значки, но никто не знал, зачем они тут. После того, как шпиона поймали, войска уехали, и, как полагает респондент, все, связанное с космосом, было перевезено из Акшама в Торетам из-за потери секретности³².

Для верификации истории о шпионе другой респондент, учитель истории, сопровождавший нас в прогулках по старому и новому Байконыру, повел нас на мусульманское кладбище, чтобы показать мазар (могилу, с возведенным над ней сооружением), где прятался Миша и где его поймали. Однако указанный на мазаре год смерти захороненного человека (1974) означал, что захоронение появилось существенно позже описываемых событий. На это респондент предположил, что, вероятно, речь идет о другом мазаре – возможно, на старом кладбище.

Для жителей все эти истории – своеобразный символический капитал. Считая себя хранителями секретного знания, они готовы пойти на разные ухищрения, искать материальные

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА

НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

30 Там же.

31 Аким – глава местного исполнительного органа власти.

32 Материалы полевых исследований, октябрь 2021 года. Беседа с местным жителем, бывшим акимом поселка, 55 лет.

следы космической истории, лишь бы сохранить миф о полете Гагарина с их Байконура. Один из респондентов сказал нам:

«Когда вы приедете в Астану, не говорите, что вы нам не поверили и мы все выдумываем, мы еще найдем вам факты, подтверждающие нашу правду. Ведь объявили же на весь мир, что Гагарин полетел не с Ленинска, а с Байконура, а это же название нашего места»³³.

Казахстанский журналист и писатель Мурат Уали пишет, что «со временем настоящее место старта стало “секретом Полишинеля”, [...] в настоящем Байконуре был ложный полигон, а настоящий – стал ложным Байконуром»³⁴. Ленинск действительно стал Байконуром только после обретения Казахстаном независимости. В Байконуре же – с его заржавевшим портретом Гагарина, которого уже никто не замечает, с въездным знаком с ракетой, с наслоением разных пластов индустриальной истории, от угольной до ракетной, с очевидными социальными и экономическими неурядицами, с историями жителей, взволнованных нашим интересом к космической истории региона, но постоянно жалующихся, что космос ничего им не дал (и даже экологические выплаты им не предусмотрены), – нерешаемая проблема социальной справедливости явно более актуальна, нежели ностальгия по прошлому.

СВЕРКАЮЩИЙ ГОРОД

Одна из респонденток вспоминала, как в 1991 году они с семьей переехали из Монголии в Казахстан. Их поселили в районе Жезказгана, и какое-то время они жили на зимовках поселка Байконур. Поскольку они были из Монголии, то чиновники решили, что они должны разбираться в животноводстве, и выдали им много овец. Но семья была городской, как обходиться с овцами не знала, а дети скучали по городу. «И вот однажды на летнем пастбище Токболат мы увидели далеко в степи сверкающий город. [...] Он весь переливался и [был], казалось, совсем рядом»³⁵. Возбужденные, они побежали в ту сторону, но оказалось, что это груды фрагментов ракет, разноцветные провода и обломки аппаратуры. Все это переливалось на солнце разными красками. Радостные, они залезли на обломки, чтобы поиграть. Родители, узнав об этом, запретили им туда ходить. Когда дул сильный ветер, вспоминает она, обломки катились по степи и оказывались рядом с домами.

33 Материалы полевых исследований, октябрь 2021 года. Беседа с местным жителем, бывшим полицейским, ныне местным предпринимателем, 50 лет.

34 Уали М. *Превращение Тюратама в Байконур* (www.kp.kz/daily/27456/4710563/).

35 Материалы полевых исследований, октябрь 2021 года. Беседа с женщиной, 45 лет.

С этими сверкающими грудями металла – и запусками ракет вообще – связано много историй об их вредном воздействии на человека, животных и в целом на ландшафт. Респондентка рассказала об услышанной ею трагической истории, как умерла женщина, приехавшая с семьей в Казахстан из Китая еще в 1960-е годы. Когда она пасла скот, ей захотелось пить, она выпила воду из лежавшего в степи металлического обломка от ракеты и вскоре умерла. Таких историй о болезнях от зараженной воды и почвы в регионе много. Например, другой респондент из Байконыра рассказывал (также используя образ города для описания огромных пространств с грудями космического мусора):

«Сейчас всего этого нет, поэтому не имеет смысла искать что-либо в степи, даже с металлоискателями... Когда я служил в армии, случилась авария в Чернобыле. Нас целым эшелоном отправили, но не говорили куда, при этом была проверка. Нас проверяли чем-то вроде рентгена и потом спросили: “А откуда вы получили радиацию?”. Значит, тогда уже область была заражена»³⁶.

Подобные истории можно услышать как в Кызылординской, так и в Карагандинской областях. Экологический дискурс особенно усилился после падения ракеты-носителя «Протон-М» и разлива токсичного гептилового топлива. Это еще одна сторона космической истории, и ее используют в политическом поле противники космодрома в Казахстане³⁷.

РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ ГОРОДА И КОСМОДРОМА

После распада СССР в жизни города и космодрома появилась еще одна сторона – религиозная. Ислам становится частью национальной и локальной истории, а православные ритуалы стали сопровождать космические полеты. Тема космоса и религии рассматривается сегодня в разных оптиках. Как показывают наши полевые исследования на Байконуре и в Торетаме, религия становится неотъемлемой частью «космической истории». Согласно Александру Нестеруку, космология и теология не столько противостоят, сколько дополняют друг друга: последняя дарует цели и вечный смысл первой³⁸. Как полагает Кэтлин Льюис, в религиозном плане на протяжении большей части истории космических полетов доминировало христи-

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

36 Материалы полевых исследований, октябрь 2021 года. Беседа с местным жителем, бывшим акимом поселка, 55 лет.

37 Глушкова С. Активисты «Антигептила» призвали «не осквернять казахскую землю» (<https://rus.azattyq.org/a/astana-meeting-heptyl-baikonur/25141791.html>).

38 NESTERUK A.V. *The Interplay of Cosmology and Theology in the Constitution of the Human Condition* // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. № 15(10). P. 1404–1444.

анство³⁹. Однако по мере того, как на Международную космическую станцию начали прилетать космонавты из исламских стран, появились новые вызовы. Например, мусульманские молитвенные практики требуют постоянного внимания к географии и астрономии. Но как молиться в условиях низкой гравитации, как найти Мекку с космической станции, как определить время молитвы, поскольку мусульмане молятся лицом к Мекке пять раз в день? А если полет проходит во время месяца Рамадан – то как соблюдать пост, ведь для лунного календаря важна наблюдаемость фаз Луны, и появление новой Луны в конце месяца Рамадан знаменует окончание поста и начало праздника Ид аль-Фитр. Появилось даже «Руководство по совершению исламских обрядов (ибада) на Международной космической станции»⁴⁰.

Как молиться в условиях низкой гравитации, как найти Мекку с космической станции, как определить время молитвы, поскольку мусульмане молятся лицом к Мекке пять раз в день?

Как замечает Льюис, США первоначально набирали космонавтов только среди белых мужчин-христиан, Россия – в основном среди этнических славян, а по мере диверсификации космических программ – среди представителей «русифицированных меньшинств»⁴¹. К этим «меньшинствам» относятся и космонавты-казахи: Токтар Аубакиров, Талгат Мусабаев, Айдын Аимбетов. В отличие от космонавтов и туристов из исламских стран, казахские космонавты, воспитанные в советские времена, не практиковали религиозных обрядов, однако Мусабаев взял с собой в космос Коран⁴².

То, как представлены различные религиозные практики на Байконуре, говорит о ситуации фронта, пограничья, в том числе и культурного. На территории города Байконур в 1992 году был основан храм святого Великомученика Георгия Победоносца, в 1997-м началось строительство его нового здания, открытие которого состоялось в 2005-м. Иконостас был заказан на средства Центра эксплуатации объектов наземной космической инфраструктуры. В храме хранится икона Казанской Божьей Матери, подаренная патриархом Московским и всея Руси Алек-

39 LEWIS C.S. *Muslims in Space: Observing Religious Rites in a New Environment* // *Astropolitics*. 2013. Vol. 11. № 1–2. P. 108–115.

40 Ibid. P. 114.

41 Ibid. P. 110.

42 См.: НАЗАРБАЕВ Н. *Указ. соч.*

сием II, которая побывала в космосе в 2004 году, с соответствующим подтверждающим сертификатом.

Мечеть была построена в 2011 году возле контрольно-пропускного пункта между Байконуром и Торетамом, пожертвования внесли структуры Роскосмоса, предприятия города и частные лица⁴³. Для местных жителей важно, что мечеть названа в честь Жаримбет-ата, жившего в XVIII веке. Этому аулие (святому) приснился однажды сон, что через много лет на этом месте будет большой город с домами, построенными друг на друге, и «будет жить в нем много людей, языков которых я не понимаю, и я вижу ослепительный яркий свет»⁴⁴. Имам мечети рассуждает:

«Казахов не так много летало, больше русских, а поскольку земля космодрома находится в долгосрочной российской аренде, соответственно, соблюдаются русские обычаи и традиции с освящением космических кораблей и благословением космонавтов... Относительно космодрома, думаю, что не стоит продлевать аренду... еще с той, советской, эпохи осталось отношение к нам, казахам, как к кочевникам, пастухам, которых они, русские, научили всему. Космос, космические технологии, конечно, надо развивать, наверное»⁴⁵.

Вопрос об аренде космодрома, который впервые был поставлен еще в 1994 году в межгосударственном соглашении «Об основных принципах и условиях использования космодрома “Байконур”», вызвал, по воспоминаниям Назарбаева, у многих казахстанцев разочарование и непонимание самого слова «аренда». Нужно было принимать срочные меры по сохранению космодрома, учитывая тяжелую экономическую ситуацию и миграцию специалистов в Россию, и следующим шагом стало подписание договора аренды, в преамбуле которого подчеркивалась обоюдная заинтересованность государств в развитии космических исследований. Назарбаев аргументирует решение об аренде необходимостью сохранения интеллектуального и научно-технического потенциала космического комплекса, видя в этом задачу мирового уровня, решение которой выше отдельных государственных интересов⁴⁶.

Дискуссии о космодроме продолжаются и сегодня, но уже с акцентом на экологическую повестку. Эти дискуссии поддерживает и имам. В то же время наличие космодрома смягчает актуальную здесь проблему безработицы, да и заработная плата там намного больше, чем на предприятиях, не связанных

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

43 КИКИМБАЕВ М. *Мечети в постсоветском Казахстане: дискурсы интерпретации и практики регуляции* // Central Asia and the Caucasus. 2021. Vol. 24. № 4. P. 140–154.

44 АҢСАТОВ С. *Жәрімбет әулие* (<https://qarmaqshy-tany.kz/zanalyk/ruhaniyt/4487-zhrmbet-ulie.html>).

45 Материалы полевых исследований, октябрь 2022 года. Беседа с имамом.

46 См.: НАЗАРБАЕВ Н. *Указ. соч.*

с космосом. Как показали наши полевые исследования, Торетам живет за счет торговли, поскольку жителям Байконура, получающим на космодроме зарплату в рублях, выгоднее покупать здесь продукты и другие товары за тенге, учитывая высокий курс рубля к казахстанской валюте. В поселке начинает развиваться и гостиничный бизнес, подпитываемый интересом казахстанских туристов к космодрому.

В такой экономической ситуации, считает имам, важна роль религии. Но мечеть для казахов Байконура и Торетам невелика – вместимостью всего 400 человек. Говоря о возрастающей роли религии, имам имел в виду и возрастающую в Казахстане открытость религиозного пространства: мечети здесь выполняют не только культовые функции, но и становятся новым публичным пространством, местом сотрудничества государства, религиозных и культурных институций⁴⁷. Это место для широкой социальной коммуникации, обсуждения проблем местного сообщества.

Ситуация с православной церковью иная. Отец Сергей (Бычков), настоятель храма, одновременно занимает и должность духовника Роскосмоса. Уроженец Кызылорды, он служил на Байконуре в 1990-е, поэтому, помимо должности духовника, имеет еще звание заслуженного испытателя космодрома и испытателя космической техники. Наша встреча с отцом Сергием состоялась в храме святого Великомученика Георгия Победоносца накануне юбилейного запуска ракеты, посвященного 60-летию полета Юрия Гагарина в космос. Священник пришел после молебна по поводу завершения подготовки ракеты к полету в куртке с нашивками «Отец Сергей» и «Духовник Роскосмоса»⁴⁸. Молебен, по его мнению, важен – это ответ на просьбу о божественном благословлении всех тех, кто работал над ракетой: от сотрудников конструкторских бюро до рабочих.

Разъясняя для нас нюансы этой религиозной процедуры, отец Сергей сказал, что в СМИ часто показывают непосредственно предполетный молебен – более визуально эффектный: здесь священник выходит на стартовую площадку, благословляет экипаж и окропляет святой водой ракету, называя ее «воздушным кораблем». Кроме того, в дни стартов проходит много встреч, в которых участвует отец Сергей. Он общается с разными группами людей независимо от их профессиональной принадлежности, которые специально приезжают на старты, причем эти встречи в формате чаепития могут проходить при храме:

47 Медеуова К., Кикимбаев М. *Музеефикация мечети: казахстанский дискурс публичных пространств* // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение». 2022. Т. 140. № 37.

48 НАСА выложило в сеть фото духовника «Роскосмоса» // РИА «Новости». 2019. 12 марта (<https://ria.ru/20190312/1551737071.html>).

«Первый экипаж, который брал благословение, был экипаж Василия Циблеева, это был 1998 год, там были только христиане, началось так... Решением руководства Роскосмоса я стал официальным духовником Роскосмоса. [...] Когда космонавты приезжают, обязательно собираемся, такая хорошая традиция. И даже когда мусульмане-космонавты летают, они тоже приходят в церковь, и мы накрываем стол, небольшое чаепитие, у нас же народ гостеприимный, мы же казахи... Я не знаю, откуда приезжает имам, например, с Арабских Эмиратов полетели, и они привозили своего имама. Христиан благословляю я, по такой сложившейся традиции все делается, [...] если все это не нужно было делать, Господь бы меня не допустил»⁴⁹.

**КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА**
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

Илл. 3. Отец Сергей с сопровождающим авторов гидом на фоне иконостаса, купленного на средства Центра эксплуатации объектов наземной космической инфраструктуры, администрации города Байконур. Фото Кульшат Медеуовой, 2021 год.

49 Материалы полевых исследований, октябрь 2022 года. Беседа с отцом Сергием.

Если космодром не вызывает энтузиазма ни у имама, ни у тех местных жителей Торетама, для которых он лишен ореола романтизма, то отец Сергей, наоборот, один из тех, кто по-прежнему вдохновлен космодромом и полетами в космос.

ОТ ПОТОМКОВ ИНОПЛАНЕТЯН ДО ОДНОГО КОСМОНАВТА

1960-е были периодом, когда социальный утопизм и космический энтузиазм достигли своего апогея. Космос становился мощной метафорой технологической модернизации и светлого будущего. В США Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА – National Aeronautics and Space Administration) предлагает художникам принять участие в национальном космическом проекте. Их задача – визуализировать для общества передовые исследования и достижения. Космическое искусство должно не только выполнять пропагандистские функции, но прежде всего вдохновлять – оно должно соединить миры искусства и науки, о чем прямо говорится в манифесте Международной ассоциации художников-астрономов⁵⁰.

Советский Союз также поручает художникам создавать работы, отражающие национальные и мировые космические усилия. Для этого некоторым известным художникам, среди которых был Алексей Степанов, разрешалось посещать космодром. У Степанова имеется самая большая среди казахстанских художников коллекция работ о космосе. Его эпическое полотно «Человек с планеты Земля» (1969) стало центром выставки произведений советских и американских художников (1975), посвященной совместному полету кораблей «Союз» и «Аполлон». В том же духе прогрессистского восхищения космосом и страной писали и казахстанские художники, которых можно отнести к поколению «шестидесятников», как, например, Камиль Муллашев (триптих «Земля и время. Казахстан», 1978) и Амандос Аканаев («Поэма о бессмертии», 1985). В первом случае страна – это современный советский модернистский Казахстан, а во втором – страна с более сложной историей, с наслоением трагических событий XX века, на фоне коллажа которых изображен декламирующий стихи Олжас Сулейменов, посвятивший Юрию Гагарину поэму «Земля, поклонись человеку!» (1961).

В канун 50-летия образования СССР проходили выставки с обобщающими названиями «По родной стране», «Земля ка-

50 Wozcowska K. *The Impact of American and Russian Cosmism on the Representation of Space Exploration in 20th Century American and Soviet Space Art*. Poznań: Adam Mickiewicz University Press, 2016. P. 438.

захстанская», причем, чтобы лучше изучить материал, художники должны были посетить крупнейшие индустриальные стройки. Несмотря на то, что в целом речь идет об официальном искусстве, художники показали очень разные интерпретации современной индустрии и различные – порой с элементами фантастики – видения ее будущего. Конечно, была затронута и тема космодрома Байконур, как, например, в серии «На земле казахстанской» Евгения Сидоркина. Его работа важна для полноты понимания того, как художники вообразили космос и как у них представлен казахский контекст.

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

1960-е были периодом, когда социальный утопизм и космический энтузиазм достигли своего апогея. Космос становился мощной метафорой технологической модернизации и светлого будущего.

Сидоркин известен как художник-график, работы которого отсылают к «звериному стилю», к пластическим достижениям номадов. Как отмечает Гульнара Шалабаева, Сидоркин не стилизовал Восток – он вживался в казахскую историю⁵¹. В этом духе написана работа «На земле Казахстанской. Байконур». На картине изображены три фигуры в скафандрах космонавтов, находящиеся в круговом движении в невесомости и связанные, будто пуповиной, друг с другом. Космонавты изображены на фоне каменных изваяний – балбалов, – которые встречаются в степях Казахстана. В центре круга считывается голова древней богини Умай, в соответствии с иконографией – в трехрогой тиаре. Она олицетворяет женское, земное начало, плодородие и является солярным божеством. Но выглядит это так, как если бы и Умай была в скафандре. Общая композиция соединяет в космическом пространстве древнюю историю номадов и современность, артикулируя идею «пуповины», космического центра на казахстанской земле.

После обретения страной независимости изменился регистр художественных высказываний на космическую тему: на смену идеологическому прогрессизму пришла ирония, а критическая позиция стала доминирующей для нового поколения художников. В своей автобиографии художник 1990-х Сергей Маслов писал, что хотел стать космонавтом и его «любимым, но неувиденным фильмом была “Космическая одиссея 2001 года”»⁵². Маслов создает свой космический цикл – роман «Звездные ковчегники» и художественный проект «Байконур-2». Искусст-

51 ШАЛАБАЕВА Г. *Евгений Сидоркин. Онтология художественного метода*. Алматы: Галерея «Ою», 2005.

52 Маслов. *Сборник статей 1996 года* / Сост. Е. ВОРОБЬЕВА, В. ВОРОБЬЕВ. Алматы: Aspan Gallery, 2021. С. 80.

ведов Валерия Ибраева во вводной к роману статье «Как тебе такое, Илон Маск?» пишет:

«Космические мотивы и ранее присутствовали в его работах (“Рыбы рождены для космоса”, 1979; “Инопланетянка”, 1990; “Девушка на Луне”, 1997; “Инопланетянка, мне до тебя”, 2000), но на этот раз это были не отдельные полотна или ссылки на пришельцев, а четко сформулированные и цельные проекты»⁵³.

«Байконур-2» представляет собой текст, инсталляцию, компьютерный коллаж и саунд-проекцию. В сопровождающем тексте Маслов пишет, что казахи являются самыми чистыми и прямыми потомками инопланетян. Своим главным богатством они считали космические корабли-юрты, ведь жилище-юрту можно в любой момент трансформировать в ракету и улететь. Советский Союз и США украли их секреты и создали свои корабли. В фотоколлажах Маслова можно увидеть казахов, как мужчин, так и женщин, в традиционных одеждах, сидящих возле юрты-ракеты, или полуобнажённых женщин в традиционных головных уборах – кимешек – на пустынной поверхности планеты, возле космического аппарата, или же казахских женщин в одежде советского времени. Есть даже фотоколлаж, отсылающий к фотографиям казахских ханов или султанов с царским чиновником или самим императором, но в данном случае роль последних играет человек в скафандре.

Другой образ космоса предлагает Нурбек Жардемов, написав на большом полотне длиной пять метров картину «Казахская свадьба на Марсе». О себе он говорит, что никогда не мечтал о космосе, космонавтом быть не хотел, но всегда мечтал быть художником. В международной арт-резиденции для художников из тюркского мира на Кипре у него возникла идея сделать такую работу о Казахстане, которая демонстрировала бы уникальность народа, особенность его культурного пространства:

«Все художники, а нас там много было – из Таджикистана, Кыргызстана, Азербайджана, Молдавии, из северных краев России, – хотели писать о своей культуре, о своих традициях, и поэтому мне нужно было найти какую-то особую отличительную идею. Например, таджики рисуют гранаты, везде у них гранаты... У нас же есть то, чего нет у других, – это Байконур, то есть космос, для нас это такая близкая тема... Тут я захотел нарисовать казахскую свадьбу на красной планете, и чтобы там были баурсаки, лошади и верблюды, много людей, чтобы был простор, как в степи, кимешек, как скафандр, и все в круговом движении, как в космосе... Такой вот симбиоз получился, традицию с космосом связал»⁵⁴.

53 Маслов С. *Звездные кочевники*. Алматы: Aspan Gallery, 2021. С. 94.

54 Материалы полевых исследований, октябрь 2022 года. Беседа с художником Нурбеком Жардемовым.

Художник решил, что именно через «той» (праздник, свадебный сюжет) лучше всего можно показать казахские обычаи, традиции, саму суть казахской культуры. Кроме того, он хотел поработать с красным цветом, поэтому появилась тема планеты Марс. Здесь важно и то, что темы идентичности, традиции вполне вписываются в космический футуристический контекст с кораблями, путешествиями и даже колонизацией. Космодром воспринимается художником как часть истории страны, придающей ей уникальность.

Космос в творчестве Рашида Нурекеева представлен в наиболее жесткой манере, без романтической игры с национально-культурным символическим контекстом. В коллаже смешанной техники яркими акриловыми красками нарисован космонавт в скафандре и с надлежащим снаряжением, но с ампутированной ногой. Космонавт опирается на сломанную фанерную лопату для уборки снега, как на костыль; рядом нарисованы переднее колесо и руль обычного велосипеда, и в верхней части космического голубого фона в небольшом белом блике четким шрифтом выведено «01». Картина с одноногим космонавтом занимала центральное место на персональной выставке художника, который родился и вырос буквально в ста километрах от Байконура – в районном центре Жосалы⁵⁵ – и для которого космос был не только телевизионной картинкой, каковой он является для большинства казахстанцев. Нурекеев вспоминает, как бабушка, у которой было разрешение посещать закрытую территорию, поскольку у нее там жила сестра, брала его с собой в поездки:

«Я тогда видел в небе зонды, полнеба становилось оранжевым... но уже после развала [СССР] все было открыто, мы же заходили просто так в шахты, в боксы, они огромные, там такие ворота, как спичечный коробок рядом с ним машина стоит... Видел каких-то космонавтов, это было часто, потому что Жосалы был как районный центр для байконуровских. Знал то, что части "Протона" упали недалеко от дома родственников... Знаю ребят, которые соединения из золота собирали»⁵⁶.

В проектах Рашида совершенно нет пиетета перед космическим и его «официальными» – телевизионными – визуальными репрезентациями. В его жизни космос и космодром – это бесконечные заборы, ограждения и непонятная активность за ними. На вопрос, было ли космическое искусство в Казахстане, Рашид отвечает:

«Если что-то и было, то скорее всего чисто тематическое, жанровое, но назвать его космическим очень сложно. Скорее всего обычный

55 Ранее Джусалы, Кармакши и форт № 2 сырдарьинской наступательной и оборонительной линии.

56 Материалы полевых исследований, декабрь 2020 года. Беседа с художником Рашидом Нурекеевым.

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА

НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

соцреализм в изображении космоса, достижения какие-то в сфере космоса, не более того. А космическое – то, что вы упомянули про Коркыт-ата, вот это космическое, это я понимаю, это взгляд другой, когда он ищет грань земли – это уже что-то связанное с космосом, с Богом, допустим, с пространством... Вспомнил один свой проект, когда фотографировал местность возле Байконура – там голая степь, как вы знаете. Фотографии получались такими, как будто сделаны с марсохода или с лунохода, и в этот фон везде вставлял памятник Назарбаеву, у меня около десяти таких работ. Эта серия нигде не выставлялась... меня больше волнует свое, казахстанское, а космос – он есть или нет, он в нашей жизни ничего не играет... Единственное, чем мы гордимся, что здесь пуп Земли»⁵⁷.

Илл. 4. Работа Рашида Нурекеева из серии «01». Фото Кульшат Медеуовой, 2019 год.

Отсылка к теме сакральности земли Байконура как «пуповины Земли», к легенде о Коркыте есть и в рассуждениях художника Саида Атабекова. Размышляя о своем проекте «Байтерек», он говорит:

«Этот проект про Байтерек, который превращается в ракету, мне захотелось использовать как рекламу для Астаны. Самый главный космодром у нас находится, и это не просто обычное место – эта местность, кажется, называется Жер киндиги [*пуповина земли*]. Я чувствую такие места, где как будто несколько слоев энергетических сил, я чувствую: хочется там ходить, ходить»⁵⁸.

Воображая космос, Атабеков, как и Нурекеев, и Маслов, обращается к национальным образам и особенно часто к юрте. «Я захожу в юрту и вижу космос»⁵⁹.

Каждое новое поколение художников демонстрирует свое видение и интерпретацию космоса. Для многих современных

57 Там же.

58 Материалы полевых исследований, октябрь 2021 года. Беседа с художником Саидом Атабековым.

59 Там же.

представителей арт-сцены Казахстана – таких, как Сергей Маслов, Абдрашит Садыханов, Саид Атабек, Арыстанбек Шалбаев, Асхат Ахмедьяров, Гайша Маданова, Алмагуль Менлибаева, Анвар Мусрепов, Эрмина Таукен, Катя Кан, – космос выступает и в качестве некоей критической оптики, а порой и в качестве метафоры, причем амбивалентной. Это может быть рефлексия по поводу колониального характера присутствия космодрома в Казахстане, а может быть повод для гордости и вовлеченности в общие глобальные процессы или же символом старого советского порядка, ностальгией и травматическим воспоминанием одновременно. В этом плане интересны работы Анвара Мусрепова, во многих сюжетах которого тема космического переплетается с политическими программами страны, мотивами номадизма и эскапизма:

КУЛЬШАТ МЕДЕУОВА,
УЛБОЛСЫН САНДЫБАЕВА
НАРРАТИВЫ О БАЙКОНУРЕ:
ГОРОД И КОСМОДРОМ

«Мне кажется, космос всегда был частью советского периода, хотя я в нем не жил, всегда был частью какого-то обещания политического, поэтому я использую метафору эскапизма: допустим в работе “Джигитовка” я тоже бегу в космическом пространстве, в пространстве идеального. Я реализую это политическое обещание, что мы в каком-то будущем будем жить хорошо на Марсе, в космосе [...] то, чему следует наше государство, – все эти программы, что завтра, завтра, завтра, [в] 2030[-м] и так далее; у меня есть работа [в] 2050[-м], все эти нарративы... я выполняю это обещание, я убегаю в этот космос, нахожусь в нем»⁶⁰.

Анвар Мусрепов был куратором выставки молодых художников «Первый контакт» в 2019 году, где тема космоса была сквозной.

«На этой выставке тема космической отрасли, тема полигона, разных техногенных экспериментов была рассмотрена в романтическом ключе, в том плане, что, осознавая, что есть молодое поколение, кто есть мы, я прихожу к тому, что мы есть некие гибриды, мутанты, что вопрос идентичности всегда стоит на поверхности. Мы не можем уже спекулятивно размышлять, что мы есть настоящие казахи, не настоящие, шала или не шала, советские или постсоветские, а мы есть некие мутанты, как продукт некой лаборатории, в которой происходили и социальные эксперименты – такие, как переустройство, перекраивание общества номадов нашей культуры, до таких больших экспериментов, как запуск ракет, взрывы на полигонах, мы есть уже сформировавшийся, конечный результат [работы] большой лаборатории. Мне кажется, космос всегда фигурировал, но не в иллюстрациях космоса, а в каком-то трансцендентальном... опыте»⁶¹.

Казахстанские художники по-разному воображают космос – в диапазоне от романтических, технократических представле-

60 Материалы полевых исследований, декабрь 2022 года. Беседа с художником Анваром Мусреповым.

61 Там же.

ний до деколониальной чувствительности. Можно предположить, что именно одноногий космонавт Нурекеева может считаться символом ситуации напряжения между текущей неопределенностью и нарративом национальной модернизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная коллекция разных нарративов о космосе вообще и роли космических программ в истории Казахстана в частности вносит существенный вклад в современные социальные исследования космоса. При том, что самый первый и большой космодром находится на территории Казахстана, существует на удивление мало исследований о том, как местное население относилось в прошлом и как относится сейчас к космическому проекту. В своем исследовании мы попытались сохранить академическую нейтральность и представить разные голоса.

У бывших военных доминирует ностальгический дискурс о великом прошлом и нереализованном будущем. Голоса местных жителей как самого Байконура, так и населенных пунктов вокруг космодрома выдают разочарование: социальная неустроенность, отсутствие перспектив, экологические проблемы – космодром явно не оправдывает ожиданий, хотя на первый взгляд обладает мощным потенциалом для развития страны в целом. Однако истории, так или иначе связанные с космодромом, – будь то конспирологические рассказы байконырцев о шпионах или мифопоэтическое повествование о легендарном Коркыте, о Байконуре как о «пуповине Земли» в кызылординском регионе – являются для рассказчиков своеобразным символическим капиталом. Наконец, казахстанские художники советского и постсоветского периодов демонстрируют разные способы работы с космической темой – от романтического любования до иронического дистанцирования, где затейливые стилизации переплетаются с воображаемой номадической космологией. В разных регистрах казахстанской культуры прослеживается один и тот же мотив – мотив неслучайности выбора места для космодрома: «пуповина Земли», где когда-то Коркыт обрел бессмертие, стала в итоге местом преодоления земного притяжения и выхода на неизведанные просторы космоса.

Домашний космос любителей¹

ДЕНИС
СИВКОВ

ВВЕДЕНИЕ: МИРОВОЙ ГАРАЖ

Занимаясь этнографией любительских проектов изучения и освоения космоса, я, естественно, знакомился с тем, что уже было написано по теме. Мне попались несколько текстов самих любителей, где они в основном рассказывали истории своих инициатив. Один очерк за авторством Кейта Бейкера и Дика Янссона назывался «Космические спутники из мирового гаража: краткая история AMSAT»². В нем была представлена история первых любительских спутников «OSCAR» и история AMSAT – международного объединения радиолюбителей. Первый спутник был запущен в СССР в 1957 году, а первый любительский спутник «OSCAR-1» уже в 1961-м в США. Его изготовила группа энтузиастов из Редондо-Бич, Калифорния. Они собрали спутник из подручных материалов и запустили его с американской военной базы Ванденберг. «OSCAR-1» весил 10 килограммов и был слегка изогнут – его необычная форма, вес и размер определялись требованиями нагрузки. Дело в том, что военные согласились взять любительский спутник в качестве балласта. Для того, чтобы уравновесить на ракете полезную нагрузку – разведывательный спутник «Discoverer 36», – использовался балласт, частью которого стал полукруглый «OSCAR-1». Любители следили за спутником с помощью радиоаппаратуры (трекинг), и любой из них мог принять сигнал спутника или отправить через него короткое сообщение другому радиолюбителю.

Меня заинтриговало выражение «мировой гараж» (*world garage*) в названии. В тексте эта метафора никак не раскрывалась и не обыгрывалась. Авторы только сообщали типичную для любительских проектов информацию, что «OSCAR-1» «был построен в буквальном смысле в подвалах и гаражах команды проекта»³. То есть гараж и подвал наряду с кухней и задним двором – это части дома, определяющие пространство того, что я предлагаю называть «домашним космосом» любителей. Космосом одновременно и в древнегреческом, и в современном

Денис Юрьевич Сивков (р. 1977) – антрополог, доцент Института общественных наук РАНХиГС, автор телеграм-канала по антропологии космоса «Земляки и земляне».

- 1 Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы Центра социологических исследований ФСФ ИОН РАНХиГС № 10.8-2023-1 «Роль любительских сообществ в развитии технологий: от практик использования к построению техноутопий».
- 2 BAKER K., JANSSON D. *Space Satellites from the World's Garage – the Story of AMSAT // Proceedings of National Aerospace and Electronics Conference (NAECON'94)*. Vol. 2. Dayton, 1994. P. 1174–1181.
- 3 Ibid. P. 1175.

смысле этого слова. Места, составляющие часть домашнего *порядка* в жилищах любителей или их друзей, оказываются аналогами космодромов, лабораторий и цехов, отправляющих любительские аппараты в *безвоздушное пространство*.

В то же время выражение «мировой гараж» намекает и на планетарный масштаб. Более того, Бейкер и Янссон сообщали о важности международной кооперации любителей в сообществе AMSAT:

«Команды добровольцев из одной или нескольких стран помогали создавать, запускать и/или контролировать спутники друг друга. Обычно одна или несколько национальных групп определяют базовый космический аппарат и требования к его интерфейсу. Затем формируются команды, и различные международные пулы несут ответственность за различные системы и подсистемы космического корабля. Это дает инженерам-проектировщикам AMSAT значительную гибкость для создания и производства инновационных конструкций подсистем»⁴.

Мне стало интересно, какое видение мира и какое представление о *планетарности* заложены в любительских техноутопиях. Говоря о техноутопии, я имею в виду такое переплетение технического воображения и материальных практик, которое рассчитано на то, чтобы изменить общество. Любители считают, что их простые и дешевые технологии открывают более демократичный путь в космос – путь, альтернативный государственному и коммерческому проектам⁵.

Места, составляющие часть домашнего *порядка* в жилищах любителей, оказываются аналогами космодромов, лабораторий и цехов, отправляющих любительские аппараты в *безвоздушное пространство*.

Освоение космоса, позволяющее посмотреть на Землю извне, стимулировало осознание планетарного единства человечества⁶. Но как представить себе гараж – «важнейшую архитектурную форму XX столетия» – *мировым*?⁷ Должна ли речь идти

4 Ibid. P. 1177.

5 Сивков Д. Ю. *Доступ в космос: российские любительские технологии в изучении и освоении космоса* // Социология науки и техники. 2020. № 3. С. 179–197.

6 COSGROVE D. *Contested Global Visions: One-World, Whole-Earth, and the Apollo Space Photographs* // Annals of the Association of American Geographers. 1994. Vol. 84. № 2. P. 270–294; POOLE R. *Earthrise: How Man First Saw the Earth*. New Haven; London: Yale University Press, 2008; LAZIER B. *Earthrise, or Globalization of World Picture* // The American Historical Review. 2011. № 3. P. 602–630.

7 ЭРЛАНГЕР О., ГОВЕЛА Л. О. *Гараж*. М.: Strelka Press, 2020. С. 12.

о том, что планета – это один большой гараж или ангар, наподобие глобального парника в утопическом проекте терраформирования Земли, предложенном Константином Циолковским?⁸ В этой статье я хотел бы попробовать расшифровать образ мирового гаража или дома и проанализировать парадоксальную планетарную «домашность» любительских техноутопий. Но для начала необходимо выяснить, какую роль играет образ дома в изучении и освоении космоса в целом.

ДЕНИС СИВКОВ
ДОМАШНИЙ КОСМОС
ЛЮБИТЕЛЕЙ

Дом в космосе

Какими бы банальными ни казались слова о «траве у дома» из одноименной песни советской группы «Земляне», тема дома и домашнего действительно чрезвычайно важна и в изучении, и в освоении космоса. Прежде всего дом – это то, что осталось на Земле и куда хочется вернуться, но возвращение это может быть трудным и опасным. Земной дом питает, дает силы, приходит во снах и воспоминаниях. Дом – это также то, что нужно построить и обустроить где-то в космосе: в экстремальной среде, угрожающей самому существованию человека.

Антропологи Фархан Саманани и Йоханес Ланхард в обзоре, посвященном дому (*house*) и ощущению дома (*home*), придают дому темпоральное и утопическое измерение⁹. Дом располагается на пересечении материального и воображаемого. Он всегда не завершен, он находится в становлении-ремонте. Наше восприятие дома также трансформируется. Выбор готового дома или его строительство связаны с прошлым и ностальгией по этому прошлому: «Воспоминания и тоска по прошлому дому часто связаны с воображением»¹⁰. Но дом – это и проект, он открыт, будучи «непосредственно связан с тоской и желанием лучшего будущего»¹¹.

Саманани и Ланхард заключают, что «вполне возможно, что никто не живет без дома и что дом играет неизбежную роль в определении того, кто мы есть»¹². Если люди собираются жить в космосе, им нужно будет построить новые дома и выстроить новые отношения с прежним домом, научиться, как говорят, жить на два дома – на родной планете и в космосе.

В трех киношедеврах научной фантастики – «Космической одиссее 2001» (1968) Стэнли Кубрика, «Солярисе» (1972) Андрея Тарковского и «Интерстелларе» (2014) Кристофера Нолана –

8 Циолковский К. *Будущее Земли и человечества*. Калуга, 1928.

9 SAMANANI F., LENHARD J. *House and Home* // STEIN F. (Ed.). *The Open Encyclopedia of Anthropology*. 2019 (www.anthroencyclopedia.com/entry/house-and-home).

10 Ibid.

11 Ibid.

12 Ibid.

повествование выстраивается вокруг образа дома. В финале «Космической одиссеи» герой – астронавт Дэйв Боумен, выживший в схватке с бортовым компьютером HAL 9000, – оказывается в странном месте, за двадцать тысяч световых лет от Земли. Боумен попадает в дом, воспроизведенный инопланетной цивилизацией. Это скорее представление о доме «с той стороны» – о том, как могло бы выглядеть земное жилище, увиденное внеземными глазами. В «Интерстелларе» повествование закольцовывается: оставивший свой дом и семью ради того, чтобы найти в космосе новое место для погибающего человечества, астронавт Джозеф Купер прямо из черной дыры пытается связаться с повзрослевшей дочерью и передать ей данные, необходимые для эвакуации людей с Земли. Поэтический месседж «Интерстеллара» состоит, по всей видимости, в том, что утраченный дом невозможно обрести вновь, но любовь преодолевает эту невозможность. В «Солярисе» повествование начинается с дома, в котором вырос герой и который сильно контрастирует как со станцией на орбите планеты-океана Солярис, так и с дорогой в космос от родного дома через эстакады мегаполиса. В финале герой «возвращается» в родной дом, однако земное жилище, как и в «Космической одиссее», оказывается фейком на острове, построенным мыслящим океаном.

АНТРОПОЛОГИЯ КОСМИЧЕСКОГО ДОМА

Возможно, все эти три кинематографические истории сигнализируют нам, что мы слишком мало думаем о проблеме космического дома. Архитекторы, дизайнеры и социальные ученые обсуждают в основном устройство космических жилищ и разрабатывают целые архитектурные утопии, воображая жизнь на орбите или других планетах¹³. Как правило, речь идет об интерьерах, устройстве поселений и жилых пространств, но в них редко говорится о доме как *home*.

Я предлагаю обратить внимание на работы, в которых космический дом/*home* все же фигурирует. Две из них посвящены дебатам дизайнеров и инженеров о том, каким должно быть космическое жилище. Антрополог Валери Олсон исследовала понятия «система» и «окружающая среда» (*environment*) применительно к американским программам изучения и освоения космоса¹⁴. В одной из глав она рассказывает, как архитекторы,

13 ANKER P. *The Ecological Colonization of Space* // *Environmental History*. 2005. Vol. 10. № 2. P. 239–268; KALLIPOLITI L. *Closed Worlds: The Rise and Fall of Dirty Physiology* // *Architectural Theory Review*. 2015. Vol. 20. № 1. P. 67–90; SCHARMEN F. *Space Settlements*. New York: Columbia University Press, 2019.

14 OLSON V. *Into the Extreme: U.S. Environmental Systems and Politics beyond Earth*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2018.

дизайнеры, ученые и инженеры пытаются «превратить космическое пространство [outer space] в улучшенное повседневное пространство [everyday space] и, в конечном счете, в дом»¹⁵. Олсон использует понятие «трансхабитация» (*transhabitation*), означающее практику переноса земных форм существования в экстремальную среду космоса и затрудненного тем, что человека, живущего в космическом доме, необходимо защищать от смертельного воздействия окружающей среды. Перед специалистами стояла практическая задача: как превратить цилиндрические контейнеры в нечто похожее на дом. Так, например, в первую американскую космическую станцию «Skylab» по настоянию дизайнеров добавили окна, туалет и попытались обеспечить астронавтам минимум личного пространства¹⁶. В спорах, каким должен быть космический дом, друг другу противостоят «дизайн, ориентированный на человека», и «аэронавтическая антидомашность НАСА» (*NASA's aeronautical anti-homeyness*)¹⁷, обусловленная прежде всего функциональными требованиями выживания астронавтов. Один дизайнер сказал Олсон: «Каждый астронавт на МКС имеет дело с плохим дизайном в течение всего дня»¹⁸. Олсон признает, что просто перенести земные дома в космос чрезвычайно сложно. Скорее речь должна идти о «скалярности» – соединении земных и космических мест:

«Специалисты ежедневно делают вещи и процессы сопредельными по масштабу, соединяя домашние пространства с планетарными, человеческое сознание с космическими системами, присутствие людей на планетах с эволюцией человека»¹⁹.

Антропологи Дэвид Дживендрампиллаи и Аарон Паркхерст оказались в похожей с Олсон полевой ситуации. Они проводили исследование в составе команды дизайнеров, ученых и инженеров, занимающихся проектированием марсианского дома²⁰. Собственно, антропологов тоже позвали как экспертов по космическим поселениям, и они обнаружили, что в команде налицо конфликт дизайнеров и ученых (инженеров). Первые хотят делать красивые ретрофутуристические проекты, где через огромные окна марсианского дома видна панорама красной планеты. Характеризуя доступные фотографии реальных интерьеров МКС, дизайнеры называют станцию «жалким пространством, которое должно создавать жалких людей»²¹. Вторые, с функцио-

15 Ibid. P. 155.

16 Ibid. P. 152–153.

17 Ibid. P. 106.

18 Ibid. P. 162.

19 Ibid. P. 31.

20 JEEVENDRAMPILLAI D., PARKHURST A. *Making a Martian Home: Finding Humans on Mars through Utopian Architecture* // Home Cultures. 2021. Vol. 18. № 1. P. 25–46.

21 Ibid. P. 38.

нальной точки зрения, предлагают разместить марсианский дом глубоко в грунте и покрыть риголитом для защиты от радиации, пылевых бурь и других экстремальных факторов. После одной из презентаций архитекторов, где демонстрировались великолепные изображения, несгибаемые эксперты многозначительно помолчали, а одна из них – Бет, специалист по космической плазме – «нарушила уважительную тишину: “Все эти [изображения] выглядят великолепно, но вы все умрете”»²².

Возможно, мы слишком мало думаем о проблеме космического дома. Архитекторы, дизайнеры и социальные ученые обсуждают в основном устройство космических жилищ и разрабатывают целые архитектурные утопии, но в них редко говорится о доме как *home*.

Антропологи видели свой экспертный вклад в том, чтобы при строительстве марсианского дома была учтена феноменология тела, чтобы он был соразмерен требованиям (не только биологическим, но и культурным) человеческого тела. Дживендрампиллаи и Паркхерст критикуют утопическое требование, согласно которому освоение космоса осуществляется ради «всего человечества», а не ради конкретных людей, которым будет приятно (и безопасно) жить в космических домах.

С необычного ракурса на проблему дома предлагает взглянуть антрополог Сюзан Лепселтер, которая занималась исследованием жителей США, считавших себя похищенными инопланетянами. Некоторые из них объединялись в группы поддержки, создавали сообщества, совместно переживая этот странный опыт²³. Один из текстов Лепселтер посвящен тому, какие чувства испытывали похищаемые по отношению к оставленному на Земле (или, что еще хуже, захваченному пришельцами) дому. Она говорит, что «в течение многих лет слушала разговоры о тоске и потере родного дома, вплетенные в истории о Земле и внеземном»²⁴.

В любом случае – дом для переживших контакт с внеземными существами становился источником амбивалентных чувств. Он был и предметом ностальгии, и местом проявления странного

22 Ibid. P. 38–39.

23 LEPSELTHER S. *The Resonance of Unseen Things: Poetics, Power, Captivity, and UFOs in the American Uncanny*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2016.

24 ИДЕМ. *From the Earth Native's Point of View: The Earth, the Extraterrestrial, and the Natural Ground of Home // Public Culture*. 1997. № 9. P. 199.

(*uncanny*)²⁵. Планета Земля «вызывает одновременно тоску и презрение»²⁶. Лепселтер подчеркивала, что ностальгия у похищенных распространяется и на родной дом, и на всю планету, захваченную пришельцами. Для нашего повествования важно, что контакт с инопланетной цивилизацией заставляет переживших его постоянно переопределять само понятие дома: это и конкретное здание, где они родились/выросли/жили, и родной город, и целая планета. При этом, находясь на Земле, они испытывают двойственное отношение к дому – близость и дистанцию, тоску и презрение.

ДЕНИС СИВКОВ
ДОМАШНИЙ КОСМОС
ЛЮБИТЕЛЕЙ

ДИСТАНЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВА, СТАНОВЛЕНИЕ И МАСШТАБИРОВАНИЕ

Опыт проживания в космическом доме хорошо представлен в изложении самих космонавтов. Некоторые из них во время долгого пребывания на орбите вели личные дневники. Такие документы антрополог Деборра Баттаглия предлагает читать как своего рода этнографический документ, содержащий в себе насыщенное описание и рефлексию орбитальной повседневности²⁷. В тексте дневника советского космонавта Валентина Лебедева довольно много места уделено описанию ощущений дома и домашности в космосе. Например, станция «Салют-7», на которой Лебедев во второй свой полет прожил вместе с коллегой Анатолием Березовым 211 суток, воображается и обустроивается как родной дом. При этом станция – это дом незавершенный, космонавты постоянно адаптируются к этому месту, станция-дом обживается и находится в становлении, *under construction*:

«Питание стали готовить так: кто свободен, тот и делает. В общем, жизнь, как на любом новом месте, идет через привыкание, обживание дома, самую разную подгонку и перестройку. Скафандры уложили за панель станции, стало просторнее»²⁸.

При этом такое привыкание сопряжено с рядом сложностей, прежде всего с необходимостью адаптироваться к наличию множества пространственных перспектив. Поскольку притяжение на станции отсутствует, нарушается привычная символическая разметка на «верх» и «низ». По словам Лебедева, для того, чтобы привыкнуть к мультиперспективизму, «надо провести коррекцию своего восприятия, сказав себе: “стена – это

25 Или даже жутко-странного.

26 Ibid. P. 203.

27 BATTAGLIA D. *Coming in at an Unusual Angle: Exo-Surprise and the Fieldworking Cosmonaut* // *Anthropological Quarterly*. 2012. Vol. 85. № 4. P. 1089–1106.

28 ЛЕБЕДЕВ В. *Мое измерение: дневник космонавта*. М.: Наука, 1994. С. 48.

пол, а все, что над ней – потолок”, нужно лишь посмотреть вперед, в перспективу, и признать эту картину интерьера за новую. Теперь все в порядке: ты переориентирован и не чувствуешь никаких неудобств от того, что ходишь по стене или потолку»²⁹. В самом конце полета у космонавта возникло ощущение станции как родного дома:

«Посмотрел сейчас вдоль станции и по-новому ее увидел. Это уже дом родной. Все знакомо. Все свое. Близкое. Уже нет отторжения при взгляде на вещи, на интерьер станции, что это временное или чужое, кем-то сделанное, построенное. Ко всему уже приложил руки. Знаешь все укромные места, где какой прибор стоит, не по документации, а по памяти. И много мелких вещей, казалось бы, неброских – фотографии на панелях, рисунки детей, цветы, зелень на огороде, – превратили это техническое сооружение в наш теплый, уютный, необычный, но родной дом»³⁰.

В то же время дом космонавта находится на Земле. Космонавты тоскуют по родине, но в космосе это чувство переживается специфически: домом они считают не только и не столько место, где выросли (хотя и его тоже), но всю планету. Так называемый «эффект обзора» (*overview effect*) у космонавтов – возвышенное и аффективное, почти религиозное ощущение при взгляде на Землю и осознание целостности планеты и единства человечества³¹. В этом режиме восприятия вся планета воспринимается как дом. Как писал Лебедев, «в полете часто ловил себя на мысли, что для меня нет разницы, где летим, над своей территорией или чужой... Из космоса нет чужой Земли, она одна, и воспринимаешь всю ее как дом»³². Вообще говоря, космонавты и астронавты многое сделали для понимания родной планеты как дома³³.

Находясь на станции, космонавт Лебедев рефлексирует этот перспективизм обживания, зависящий от дистанции и масштабирования. Перед возвращением домой Лебедев записал в дневнике: «Скоро домой – как нас там встретят? На работе домой – это квартира, поехал за границу – страна, а в космосе наш дом – Земля»³⁴. При этом, находясь на орбите, испытывая ностальгию, космонавты пытаются разглядеть родные места. Юрий Усачев в своем дневнике записал следующее:

29 Там же. С. 73.

30 Там же. С. 241.

31 WHITE F. *The Overview Effect: Space Exploration and Human Evolution*. Reston: American Institute of Aeronautics and Astronautics, 2014; BJØRNVIK T. *Outer Space Religion and the Overview Effect: A Critical Inquiry into a Classic of the Pro-Space Movement* // *Astropolitics: The International Journal of Space Politics & Policy*. 2013. Vol. 11. № 1–2. P. 4–24.

32 ЛЕБЕДЕВ В. *Указ. соч.* С. 263.

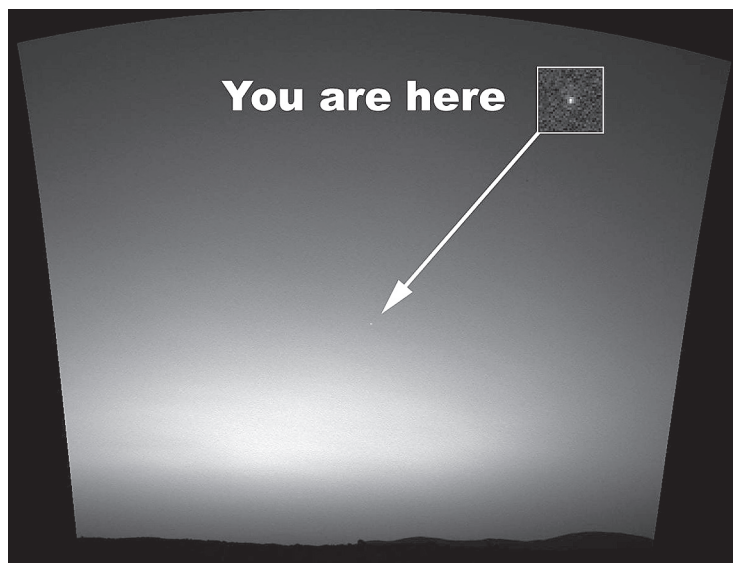
33 См., например: *Наш дом – земля* / Ред. К. Келли. М.: Мир, 1988.

34 ЛЕБЕДЕВ В. *Указ. соч.* С. 367.

«Вчера видел пирамиды в Египте, близ Каира, очень красиво. Теперь надо постараться увидеть сфинкса. Уже легко нахожу Донецк (по реке Северный Донец от Каменска). Очень хорошо видны корпуса экскаваторного завода, паром на Донце, Теплица на Центральной даже приветливо послала солнечный зайчик. Видно поле, что по пути на шахту Северо-Изварзинская, новый микрорайон, где живет Геннадий. Самое удивительное, что одновременно можно видеть Ростов, Воронеж и Москву. Все детали видны, конечно, только в бинокль, но все равно это поразительно»³⁵.

ДЕНИС СИВКОВ
ДОМАШНИЙ КОСМОС
ЛЮБИТЕЛЕЙ

От дистанции, перспективы и от самих объектов зависит их масштабирование. Космонавты воспринимают в качестве дома не только всю планету, но также станцию и родной земной дом – квартиру, коттедж, поселок или город. В зависимости от того, какую позицию занимает наблюдатель по отношению к дому-объекту, по-разному будет аффективно окрашено его восприятие дома. Антрополог Дэвид Валентайн в статье «Дом» из не опубликованного пока «Космического глоссария» говорит, что взгляд из космоса на планету Земля меняется драматически в зависимости от позиции. Знаменитые фотографии Земли из космоса «Earthrise» и «Blue Marble», сделанные во время полета на Луну, «вызывают у живущих на Земле зрителей благоговение перед органической целостностью Земли и знакомым домашним уютом»³⁶. В то же время изображение «You Are Here», сделанное марсоходом «Spirit», и фото «Pale Blue Dot», сделанное аппаратом «Voyager», «вызывают тревогу по поводу космической незначительности Земли, всего лишь

Илл. 1. «Вы здесь». Земля, увиденная с Марса. Снимок сделан марсоходом «Spirit». NASA/JPL-Caltech/Cornell/Texas A&M.

35 УСАЧЕВ Ю. *Дневник космонавта: три жизни в космосе*. М.: Гелиос, 2004. С. 191–192.

36 VALENTINE D. *Home* (unpublished).

еще одной звезды в чужом небе, не сохранившей следов домашнего очага»³⁷. Процесс масштабирования меняет границы дома при взгляде из космоса, то сужая его до станции, то расширяя его до планеты. При этом сама планета, меняясь в размерах, изменяет и ощущение домашности.

ДОМ ИЗ КОСМОСА

Пора вернуться к идее мирового гаража и понять, чем является для любителей дом в контексте освоения и изучения космоса. Любители – это люди, которые, как правило, не имея профессиональных навыков, в свободное время без вознаграждения проектируют и конструируют спутники, скафандры, ракеты, наблюдают звездное небо – в общем, делают что-то, связанное с изучением и освоением космоса.

«Домашний космос» любителей можно понимать и в том смысле, что именно домашняя сфера становится местом, откуда начинается путь в космос. Любители покупают компоненты для сборки в соседнем магазине хозяйственных товаров, свои кухни и гаражи используют как лаборатории и сборочные цеха, а задний двор или огород – как стартовые площадки³⁸. Какое еще место дом занимает в техноутопии любителей в контексте планетарности Земли?

В Рузаевке, маленьком городе в сорока минутах езды от Саранска – столицы Республики Мордовия, – мы с фотографом Сергеем Карповым лезем на крышу местного колледжа вместе с радиолюбителем Дмитрием Пашковым. Дмитрий работает в этом колледже системным администратором. Вчера было морозно, но уже по-весеннему солнечно. Сегодня пасмурно, и на обледенелой крыше дует холодный ветер. Дмитрий обещал показать, как можно поймать изображение европейской части России с американского метеоспутника. Этот аппарат – часть группы спутников, запущенных еще в 1970–1980-е. Теперь они летают вокруг Земли, фотографируют ее и посылают сигналы. Можно поймать такой сигнал и получить на память снимок с орбиты. Для этого нужны самодельная антенна, сделанная из лыжной палки, приемник, купленный на *AliExpress*, и ноутбук. У нас это есть, и сегодня мы рассчитываем поймать космический снимок.

В лед на крыше колледжа вмерзла парта. Ставим ноутбук на нее. Дмитрий пытается выдрать другую антенну из льда на крыше: «О, а я думал, мы ее забрали летом!», – удивляется

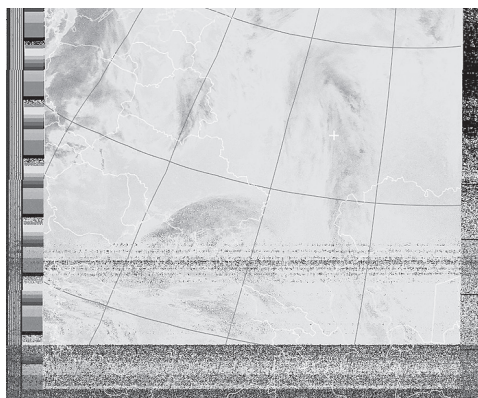
³⁷ Ibid.

³⁸ Сивков Д.Ю. Освоение космоса в домашних условиях: любительская космонавтика в современной России // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 67–79.

он. Любитель рассчитал время пролета спутника, и у нас есть 10–15 минут, чтобы принять изображение. Темнеет, мы тянем на крышу удлинитель, устанавливаем оборудование.

Спутник пролетает, мы ловим сигнал, но ничего не получается. Слишком много помех от сотовой связи, сетевых фильтров и других источников излучения. Изображение пересекают черные полосы. «Хорошо вообще в чистом поле принимать», – говорит Дмитрий. Но в небольшом населенном пункте типа Рузаевки у любителей больше шансов, чем в большом городе: помех здесь значительно меньше.

ДЕНИС СИВКОВ
ДОМАШНИЙ КОСМОС
ЛЮБИТЕЛЕЙ

Илл. 2, 3. Дмитрий Пашков и любительский снимок из космоса.

Спутник улетает, сигнал не пойман, и мы решаем попробовать уже с другой антенной связаться еще с одним похожим спутником. Как раз с помощью той антенны, которая с лета валялась на крыше. Она выше и мощнее. Ветер усиливается. Надо соединить несколько проводов. Я бегу вниз в лабораторию за паяльником. Холодно так, что паяльник не нагревается. Мы с Сергеем предлагаем бросить все и спустится вниз, в тепло: «Ну, не получилось – так не получилось». Дмитрий, который всю работу на морозе делает голыми руками без перчаток, говорит: «Начали делать – надо доделать! На скрутку пойдём! Нельзя, но пойдём».

Дмитрий руками соединяет антенну с приемником, летит спутник – и в итоге мы получаем приемлемое изображение на ноутбук. На снимке – европейская часть России и где-то

там мы. Замерзшие, спускаемся по лестнице вниз. Любитель рассказывает, что прошлым летом со студентами колледжа хотели лазером-указкой вверх осветить, чтобы на снимке со спутника было видно точку в Рузаевке, но пока не получилось. Не видно следа от указки на снимке из космоса. Я удивленно подумал: «Вот так обычный человек в маленьком городе, делая космическое селфи, может чувствовать себя гражданином всего мира или даже гражданином вселенной».

Любительская практика масштабирования отличается от зумирования на космической станции. Достаточно заметным является *контраст* между местами разных масштабов – локальным масштабом маленького города и крышей колледжа, с одной стороны, и глобальным масштабом взгляда из космоса, с другой³⁹. Чуть позже у нас с Дмитрием состоялся такой разговор:

Карпов: А скажи мне – глупый у меня такой вопрос, – вот ты сидишь, все это [сигналы от спутников] слушаешь... Ты находишься в таком глобальном пространстве. Ты же ощущаешь себя в таком – глобальном?

Пашков: Ну, есть такое ощущение, да.

Карпов: Как ты потом возвращаешься вот в это: починить винду, пойти перезагрузить компьютер? Тебя не угнетает вот это все?

Сивков: Дочку отвести в сад...

Пашков: Наоборот, я не могу сидеть на одном месте, постоянно слушать там или дома [что-то делать]... Я сидеть на одном месте просто не могу!

Карпов: То есть ты из этой глобальности легко в быт свой врываешься?

Пашков: Да. Вот сейчас приехал, допустим... Вот я сейчас послушал, пошел там – чёт сделал, вернулся. То есть монотонное не могу. Не знаю, почему так. Некоторым нравится. Пришел с работы – лег на диван и читать газету. Я просто так лечь [не могу]...

Для Дмитрия важно несоответствие между огромным космосом и своими маленькими повседневными домашними заботами. Эта нестыковка делает дом-место более заметным и ценным на фоне планеты и безграничного космического пространства. Космическое селфи – хороший способ привлечь внимание к точке на карте. Пашков и другие любители, как кажется, и не расширяют дом до размеров планеты, и не переносят его на орбиту, и не «растворяют» его в бесконечных космических просторах. Переключаясь с одного масштаба на другой, они живут космической жизнью, не покидая своего маленького земного жилища – со всем его беспорядком и любимыми вещами.

39 Он же. *Места и масштабы: онтологии освоения космоса* // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 75–96.

Историк науки Кристен Харинг в книге про радиолюбителей показывает, что для энтузиастов большую роль играла их рубка (*shack*) – своего рода дом в доме, или «пространство для хобби», как она называет это место⁴⁰. Здесь они размещали оборудование для приема и передачи, верстак для ремонта, паяльники, комплектующие, на стены вешали лицензии и дипломы, открытки с позывными, присланные другими радиолюбителями. Одновременно рубка была для радиолюбителей и убежищем:

«Радиолюбители решали проблему размещения радиооборудования в своих интересах и воспользовались возможностью проводить свободное время в уединении в отдельной комнате... подвале или гараже. В этих личных убежищах увлеченные могли избежать работы и семейных обязанностей и говорили с мужчинами по всему миру»⁴¹.

Харинг полагает, что, будучи буфером, временно изолирующим радиолюбителя от семьи и связанных с ней забот, рубка была и своего рода технологическим порталом: попадая сюда, технологии «одомашнивались». Этот локальный мир прирученных, одомашненных технологий противостоял отчуждающей силе глобальной технологизации. Рубка позволяла заниматься любимым техническим делом «по-домашнему».

Закуток в доме и сам дом не только разделяют, но и соединяют увлеченных с любым другим закутком в оборудованном доме в любых других местах планеты. Харинг, описывая рубку, делает важное замечание: «Затем щелчок выключателя и вращение диска приводят к тому, что в хижину врываются многочисленные голоса радиолюбителей»⁴². Это и буквальное, и метафорическое переключение, о котором я говорил выше: из рубки или закутка радиолюбитель переносится в любую точку мира, где есть его коллеги. Дом соединяется с другими домами на планете.

Дмитрий Пашков несколько раз рассказывал о таких же любителях из других стран, с которыми он регулярно общается на форумах и в социальных сетях. Я спрашивал его, кем для него являются коллеги, и один раз получил такой ответ: «Кто они для меня – интересный вопрос, как ответить, даже не знаю... братья по интересу, можно так ответить. Мы общаемся только на сугубо технические темы, делимся информацией, помогаем в подтверждении данных».

Радиолюбительское сообщество, связывающееся друг с другом через спутники и в интернете, воплощает техноутопию

40 HARING K. *Ham's Radio Technical Culture*. Cambridge; London: MIT Press, 2007. P. X.

41 Ibid. P. 137.

42 Ibid. P. X.

мирового гаража. Но это не один большой гараж или дом, а планета, в которой дома, гаражи, подвалы, кухни и задние дворы не исчезают, не растворяются в планетарности, а сохраняются и связываются друг с другом. Проще говоря, мировой гараж – это мир, состоящий из гаражей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед тем, как поймать изображения со спутника на обледенелой крыше, Дмитрий Пашков показывал нам, как он связывается с другими радиолюбителями через спутник-ретранслятор. Желающих поговорить было много, а времени на сеанс – всего 10–15 минут. Энтузиасты только успевали назвать свое имя, локацию и позывные. Меня удивил этот короткий гул любительских голосов. Ведь можно было бы связаться друг с другом по интернету (написать письмо, подписаться, оставить комментарий или поставить лайк), сидя в теплой рубке. Нет, вместо этого, любители используют странные космические цепи коммуникации, состоящие из старых спутников. Почему? Видимо, потому что, в отличие от интернета, эти цепи принадлежат только им – и никому больше. В космосе любители свободны от земного интернета и других привычных способов связи, поддерживающих глобальный мир. Связываясь через спутники и форумы, любители поддерживают свою утопическую планетарность.

Дэвид Валентайн в статье про дом в «Космическом глоссарии» пишет:

«Чтобы занять деколонизирующую позицию в отношении будущих человеческих домов в космосе, изобилующем удивительно разнообразными, чуждыми местами, необходимо начать не с критики доминирующих историй о покинутой Земле, а с отказа от историй о Земле как доме»⁴³.

Любители же не хотят отказываться от своих домов и гаражей. Также они, кажется, понимают, что пока не могут покинуть Землю. Многие техноутопии космического века подпитывались возможностью навсегда покинуть планету и начать новый мир «с чистого листа»⁴⁴. В этом смысле любители не отказываются от земного дома, а наоборот, пытаются сохранить его, заземляются и привлекают внимание к ценности локального места на фоне колоссального космического.

43 VALENTINE D. *Op. cit.*

44 KILGORE D.W.D. *Astrofuturism: Science, Race and Visions of Utopia in Space*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003; LAUNIUS R. *Perfect Worlds, Perfect Societies: The Persistent Goal of Utopia in Human Spaceflight* // *Journal of the British Interplanetary Society*. 2003. № 56. P. 338–349; TUTTON R. *Sociotechnical Imaginaries and Techno-optimism: Examining Outer Space Utopias of Silicon Valley* // *Science as Culture*. 2021. Vol. 30. № 3. P. 416–439.

Крестный ход по орбите: воцерковляя науку и планету¹

ЕВГЕНИЯ
ГОРБАНЕНКО

Одним жарким летним утром, после воскресной службы в русском православном храме², где хранится копия иконы Николая II, побывавшая в космосе на космическом крестном ходе, – я и несколько прихожан задержались в трапезной. Речь зашла об этой «космической» иконе и науке. Один молодой многодетный папа заметил: «Наука – это важно, это о нашей мирской жизни. Но даже ученые понимают, что в этом мире есть нечто большее».

Когда «космическая» икона Николая II была передана приходу, настоятель храма, отец Павел, повез ее по городским школам. Как он сам объяснял, священник не может просто так прийти в школу с предложением провести урок про веру или Евангелие, так что «космическая» икона послужила отличным поводом, чтобы он мог пообщаться со школьниками, – его с радостью пригласили провести урок по космонавтике. Перед занятием отец Павел попросил учителей заранее не говорить ученикам, о чем пойдет речь, а просто предупредить, что придет батюшка. Ему выделили класс, отец Павел поставил на стол икону, рядом с ней портреты космонавтов с автографами и начал разговор несколько издали: «А вы знаете, какое необыкновенное событие произошло в нашем районе? Знаете наш храм? Знаете, что там есть? Икона, побывавшая в космосе! Вот она перед вами». Целью отца Павла было не просто показать школьникам необычную икону, но и рассказать про самих космонавтов, с которыми он лично общался: одному из них было дано послушание от его духовника читать Священное писание на орбите, некоторые космонавты приезжали в храм инкогнито, а одного отец Павел даже венчал. Работа космонавтов, по словам священника, тяжкий труд, подвиг и служение на благо человечества:

«Дети наши очень часто думают, что есть две реальности: это говорит церковь – а наука говорит другое. Начинает казаться, что это невозможно совместить. А я показываю, что это не так. Самое главное, чтобы церковь в себя вобрала науку и все вокруг, а не наоборот. Можно запретить мобильным телефоном пользоваться,

- 1 Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы в проекте ERC Advanced Grant № 833135 «ETHNO-ISS: An Ethnography of an Extra-Terrestrial Society: The International Space Station».
- 2 Для анонимизации отдельных собеседников образ этого храма собран из нескольких схожих приходов, в каждом из которых хранятся иконы, побывавшие в космосе.

Евгения Вячеславовна Горбаненко (р. 1996) – социальный антрополог, аспирант Университетского колледжа Лондона (Великобритания).

а можно научить, как правильно. Этого нельзя бояться, потому что запретный плод сладок. Наука же вообще не противоречит Библии. Наука отвечает на вопрос “Как?”, а Библия отвечает на вопрос “Зачем?”. Библия – первична: сначала есть идея, а потом воплощение. Наука – это о воплощении, она отвечает на совсем другие вопросы».

Священник не может заставить школьников молиться, ходить в храм и верить в бога, но, благодаря иконе, побывавшей в космосе, отцу Павлу представилась возможность рассказать, что среди космонавтов, получивших признание в светском обществе, есть те, кто идет по жизни с верой.

Иконы на МКС

За последние годы появилось множество фотографий русских православных икон и других святынь с Международной космической станции (МКС). В ряде случаев эти фотографии становились предметами шуток, однако также они привлекли внимание академического сообщества: иконы на МКС исследовала группа археологов космоса под руководством Элис Горман и Джастина Уолша³. Русская православная церковь широко и централизованно освещает через свои медиаканалы случаи отправки икон и святынь на МКС: эта практика все чаще именуется «космическим крестным ходом»⁴ и поддерживается церковными иерархами. Как я узнала во время полевого исследования, космические крестные ходы приобрели популярность и в широких кругах православной общественности, где освещаются уже децентрализованно – через социальные медиа и другие информационные ресурсы.

С развитием исследований космоса как особого направления в социальных науках⁵ и параллельно возросшему интересу к русскому космизму⁶ в работах по религии и космосу все чаще поднимается вопрос участия РПЦ в различных космических инициативах. С 2021 года я провожу этнографическое исследование среди русских православных с целью изучения изменений, переживаемых РПЦ в космическую эпоху – церковь, часть паствы которой к тому же уже живет на орбите.

3 GORMAN A., SALMOND W., WALSH J. *Eternity in Low Earth Orbit: Icons on the International Space Station* // Religions. 2020. Vol. 11. № 11. P. 611; IDEM. *Visual Displays in Space Station Culture: An Archaeological Analysis* // Current Anthropology. 2021. Vol. 62. № 6. P. 804–818.

4 См., например: ХАРЛАМОВА Н., БОРОДИНА Я., СЕДОВА Т. *Космический крестный ход с Валаамской иконой Пресвятой Богородицы* (<https://valaam.ru/publishing/7805>).

5 См.: ТИМКО Р., КОРПЕРШОЕК К., ОЖАНИ С., SZOLUCHA A. *Exploring the Extraplanetary: Social Studies of Outer Space* // Anthropology Today. 2022. Vol. 38. № 3. P. 9–12.

6 См.: <https://cosmos.art>.

ЕВГЕНИЯ ГОРБАНЕНКО
КРЕСТНЫЙ ХОД ПО ОРБИТЕ:
ВОЦЕРКОВЛЯ НАУКУ
И ПЛАНЕТУ

Илл. 1. Икона царя-мученика Николая II в модуле МКС «Звезда». Из архива Александра Глушко.

В этой статье я анализирую практику космических крестных ходов – православного богослужения, соединяющего церковь и МКС⁷, – развивая тезис Венди Салмонд и коллег, которые изучают, как РПЦ использует МКС для расширения традиции проведения крестных ходов с иконами.

Светская власть на протяжении многих лет противопоставляла религию науке и использовала полет человека в космос как доказательство, что бога не существует. Однако в современной России, на стенах модуля МКС «Звезда», советские секулярные иконы космонавтики – Юрий Гагарин, Сергей Королев и Константин Циолковский – сосуществуют с иконами православных святых⁸. Подобное соседство религиозного и секулярного требует тщательного исследования контекста постсоветской десекуляризации. Изученные мною три полевых эпизода – исторических и этнографических – иллюстрируют, как церковь стремится вобрать в себя науку, приглашая ученых и инженеров в храм, и в то же время желает выйти за границы храма, в том числе с помощью космических крестных ходов.

7 GORMAN A., SALMOND W., WALSH J. *Eternity in Low Earth Orbit...*

8 Ibid.

При этом РПЦ отстаивает легитимность существования православия в современном секулярном обществе и одновременно пытается противостоять секулярному взгляду на устройство общества, обозначая первенство религиозной космологии над научной.

Церковь стремится вобрать в себя науку, приглашая ученых и инженеров в храм, и в то же время желает выйти за границы храма, в том числе с помощью космических крестных ходов. РПЦ пытается противостоять секулярному взгляду на устройство общества, обозначая первенство религиозной космологии над научной.

АНТРОПОЛОГИЯ СЕКУЛЯРИЗМА

Антропологи заимствовали теорию секуляризации из социологии, где она использовалась для сравнительного анализа стран, переживающих последовательное «расколдовывание мира», сопровождающее модернизацию⁹. Влияние именно социологической теории секуляризма часто прослеживается в современных исследованиях космоса. Так, например, заимствовав концепцию гражданской религии у социолога и теоретика секуляризма Роберта Белла¹⁰, историк Роджер Лониус предлагает рассмотреть историю исследований космоса именно через призму секуляризации¹¹. Белла предполагает, что в процессе секуляризации на смену традиционным религиям в американском обществе приходит так называемая «гражданская религия», постепенно замещающая веру в трансцендентного бога на веру в трансцендентные этические принципы нации. Лониус обращает внимание на то, что стремление к покорению космоса так же заменяет веру в бога – в данном случае на веру в преодоление земных рубежей. Подобно Белла, он находит целый ряд формальных сходств между космическим культом и религиозным: например, сходство астронавтов со святыми. Однако поддержка космонавтики со стороны религиозных сообществ – христиан, мусульман, буддистов и других – несколько усложняет предложенную им картину.

- 9 БЕРГЕР П.Л. *Священная завеса. Элементы социологической теории религии*. М.: Новое литературное обозрение, 2019; ВЕБЕР М. *Избранное: протестантская этика и дух капитализма*. М.: РОССПЭН, 2006; LUCKMANN T. *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. New York: MacMillan, 1970.
- 10 BELLAH R.N. *Civil Religion in America* // *Daedalus: Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. 1967. № 96. P. 1–21.
- 11 LAUNIUS R.D. *Escaping Earth: Human Spaceflight as Religion* // *Astropolitics*. 2013. Vol. 11. № 1–2. P. 45–64.

В социальной антропологии теория секуляризации подверглась характерной для этой дисциплины релятивизации – как в историческом, так и культурном плане. Хосе Казанова отмечает, что классическая социологическая теория секуляризации имеет тенденцию смешивать три отдельных понятия в одно: (1) исторический процесс объективизации религии как отдельной институции на Западе; (2) приватизацию религии в эпоху модерна и (3) предположение, что с прогрессивной модернизацией общества влияние религии должно постепенно уменьшаться¹². Эти процессы, пишет Казанова, необязательно сопутствуют друг другу и идут в одном направлении вместе с модернизацией общества.

В свою очередь антрополог Талал Асад считает, что классификация стран, переживающих изменения в религиозной сфере, через призму однотипной теории секуляризации приводит к сокрытию конкретных исторических и политических процессов, формирующих категории светского и религиозного – и, в конечном счете, к искажению различий между разными проявлениями секуляризма¹³. Связывая происхождение секуляризма с развитием капитализма в либеральных демократиях, он выступает за анализ процессов, сопутствовавших экспорту секуляризма в другие страны¹⁴. Задача антропологии секуляризма, поясняет Асад, – изучать различные его формации и их траектории развития, всегда культурно и исторически укорененные.

Как следует из обзора Фенеллы Каннелл, работы Асада существенно повлияли на формирование центральной парадигмы в социальной антропологии секуляризма¹⁵. Антропологический подход подразумевает компаративистское эмпирическое исследование отдельных религиозных движений и форм секуляризма – и, что важно, взаимодействия между сообществами, практикующими ту или иную форму религии или секуляризма. Антропология секуляризма проблематизирует телеологическое представление о поступательной глобальной модернизации в сопровождении секуляризации, подразумевающей постепенную, но неотвратимую диссипацию религии. Она расцепляет понятия секуляризации и модернизации, ставит под вопрос «гладкий» эволюционный переход от религиозного к секулярному и, в конечном счете, атеистическому укладу общества. Более того, многие современные этнографические исследования

12 CASANOVA J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 7; обзор см. в: CANNELL F. *The Anthropology of Secularism* // *Annual Review of Anthropology*. 2010. № 39. P. 89.

13 АСАД Т. *Возникновение секулярного. Христианство, ислам, модернизм*. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

14 ASAD T. *Genealogies of Religion: Discipline and Reasons of Power in Christianity and Islam*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1993.

15 CANNELL F. *Op. cit.*

религии, проведенные как на Западе, так и за его пределами, показывают, что модернизации часто сопутствует не ослабление религии, а напротив, своего рода религиозное возрождение¹⁶.

Опираясь на антропологию секуляризма, я различаю два ключевых значения последнего: секуляризм как последовательное вытеснение религии из общества и секуляризм как проведение четких границ между светским и религиозным. Во втором случае секуляризм не вытесняет религию, но превращает ее в частность, в отдельную автономную институцию. И именно в таком значении этот термин будет употребляться мною дальше. В этой статье я предлагаю рассмотреть, как русские православные существуют в системе ограничений, накладываемых секулярной рамкой, и как они одновременно пытаются выйти за эту рамку. Следуя Асаду, я обращаю внимание на те процессы, которые не описываются классической социологической теорией секуляризации–модернизации, а именно на переживаемые русскими православными процессы перехода от одного секулярного устройства к другому – от атеистического секуляризма к постсоветскому.

ОТ СОВЕТСКОГО АТЕИЗМА К ПОСТСОВЕТСКОМУ СЕКУЛЯРИЗМУ

Подобно тому, как освоение космоса приравнивается к гражданскому культу (Лониус), советская антирелигиозная идеология часто сравнивается с религией в работах историков советского атеизма. Это не удивительно, учитывая, что советские антирелигиозные активисты использовали религиозные технологии для конструирования секулярных ритуалов, призванных сменить ритуалы церковные¹⁷. Соня Лурман замечает:

«Критики поспешили указать на то, что коммунистический гуманизм подчиняет людей обществу, которое их превосходит, и что отсроченное удовлетворение обещанного коммунистического будущего во многом напоминает религиозные обещания справедливости в загробной жизни»¹⁸.

Однако, продолжает Лурман, такое сравнение основано на структурно-функциональном понимании сакрального: лишенное позитивного содержания, оно определяется исключительно

16 Ibid.

17 LANE C. *The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society: The Soviet Case*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; СМОЛКИН В. *Свято место пусто не бывает. История советского атеизма*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

18 LUENRMANN S. *Was Soviet Society Secular? Undoing Equations between Communism and Religion* // NGO T.T.T., QUIJADA J.B. (Eds.). *Atheist Secularism and its Discontents: A Comparative Study of Religion and Communism in Eurasia*. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 135.

но противопоставлением профанному¹⁹. Лурман настаивает на том, что советский атеизм – вид секуляризма, потому что он продвигает «эксклюзивный гуманизм»²⁰, а именно отрицание роли нечеловеческих сакральных агентов в социальной жизни общества²¹. Перестройка и последующий распад Советского Союза сопровождались сначала ослаблением, а затем и полным прекращением антирелигиозной политики на постсоветском пространстве.

В связи с этим, как наблюдают многие антропологи²², последние несколько десятилетий в России сопряжены с религиозным возрождением и с десекуляризацией, то есть с расширением сфер влияния религии. Как мне кажется, здесь стоит выделить еще один сопровождающий возрождение религии процесс: постатеистическую легитимизацию самой категории религии в общественной жизни и переход к новому секулярному укладу общества, а именно – к постсоветскому секуляризму. Параллелью может служить ситуация в некоторых странах Африки, где, как считает Мэтью Энгелке, современная секуляризация подразумевает не отказ от сакрализации определенных сфер жизни, а само формирование категории религии, благодаря в том числе и влиянию христианских миссионеров²³. Нельзя сказать, что в советское время религия окончательно прекратила существование, но она была насильственно вытеснена из общественной жизни, в которую активно возвращается после перестройки. Это происходит не только в России, но и в других постсоветских государствах. Так Матхис Пелкманс описывает аналогичный процесс в Кыргызстане, где в постсоветское время наблюдается переход от атеизма к другой форме секуляризма, более схожей с секуляризмом в либеральных демократиях²⁴. В России же вернувшаяся в общественную жизнь религия, во-первых, воспроизводится теперь в качестве особой

ВЕНГЕНИЯ ГОРБАНЕНКО

КРЕСТНЫЙ ХОД ПО ОРБИТЕ:
ВОЦЕРКОВЛЯЯ НАУКУ
И ПЛАНЕТУ

19 ДЮРКГЕЙМ Э. *Элементарные формы религиозной жизни*. М.: Элементарные формы, 2018.

20 Тэйлор Ч. *Секулярный век*. М.: ББИ, 2017.

21 LUEHRMANN S. *Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in Volga Republic*. Bloomington: Indiana University Press, 2011. P. 7; см. также: WANNER C. (Ed.). *State Secularism and Lived Religion in Soviet Russia and Ukraine*. Washington D.C.; New York: Woodrow Wilson Center Press; Oxford University Press, 2013; NGO T.T.T., QUIJADA J.B. (Eds.). *Op. cit.*

22 LUEHRMANN S. *Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El* // Religion, State and Society. 2005. Vol. 33. № 1. P. 35–56; Кормина Ж., Штырков С. *Православные версии советского прошлого: политики памяти в ритуалах коммеморации* // Антропология социальных перемен / Отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011; *Изобретение религии. Десекуляризация в постсоветском пространстве* / Ред. Ж. Кормина, А. Панченко, С. Штырков. СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.

23 ENGELKE M. *Secular Shadows: African, Immanent, Post-Colonial* // Critical Research on Religion. 2015. Vol. 3. № 1. P. 95.

24 PELKMANS M. *Awkward Secularity between Atheism and New Religiosity in Post-Soviet Kyrgyzstan* // NGO T.T.T., QUIJADA J.B. (Eds.). *Op. cit.*; см. также: MCBRIEN J., PELKMANS M. *Turning Marx on His Head: Missionaries, «Extremists» and Archaic Secularists in Post-Soviet Kyrgyzstan* // Critique of Anthropology. 2008. Vol. 28. P. 87–103.

категории, занимая определенное место в структуре секулярного общества, и, во-вторых, стремится к экспансии, оспаривая ограничивающие ее секулярные рамки. Последнее особенно характерно для РПЦ, чья «особая роль в истории России» закреплена в федеральном законодательстве²⁵.

На трех нижеследующих примерах я постараюсь показать, как РПЦ, с одной стороны, оспаривает научное наследие советского атеизма, отстаивая свое место в истории космонавтики и в секулярном обществе, где космонавты и ученые могут верить в бога и где космонавтика и религия не взаимоисключающие понятия. И как, с другой стороны, РПЦ противопоставляет секуляризму как укладу жизни в обществе.

ХРАМ – ОБРАЗ ВСЕЛЕННОЙ

28 ноября 2010 года патриарх Кирилл совершил чин великого освящения храма Преображения Господня в Звездном Городке – первого православного храма на территории закрытого поселка, в котором проживают и готовятся к полетам летчики-космонавты. В проповеди патриарх сформулировал, как кажется, центральную идею православной миссии в этом месте:

«Мы знаем, что у ученых есть своя картина мира, свой образ мира. Рисуя эту картину, они используют такие понятия, как время, пространство, масса, энергия... Храм тоже есть образ мира, но здесь понятия иные – смысл и предназначение. И если научную картину мира соединить с той, которая дается человеку через общение с Богом, тогда и устроится гармония жизни, тот взгляд на мир, на человека, на космос, который является истинным. А для того, чтобы не было никаких перекосов в сознании современных людей, работающих на переднем крае научных достижений, так важно, чтобы у них была возможность прийти в храм и подумать о смысле и предназначении – и собственной жизни, и своей работы, и вселенной»²⁶.

Патриарх Кирилл не случайно использует в своей проповеди фразу «образ мира» – он обращается к православной иконописи. Само слово «икона» с греческого переводится как «образ». «Образ» часто используется как синоним «иконы», и, говоря, что «храм тоже есть образ мира», патриарх Кирилл указывает на то, что храм – *икона* мира, приобщившись к которой, человек только и способен постичь «смысл и предназначение» Вселенной²⁷.

25 Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (с изменениями и дополнениями) (www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/).

26 ГЛАГОЛЕВА О. *Звездный: Храм* (<https://pravoslavie.ru/43151.html>).

27 CARROLL T. *Orthodox Christian Material Culture: Of People and Things in the Making of Heaven*. Oxford: Routledge, 2018.

За этой фразой следуют слова патриарха о том, что гармония жизни и истинный взгляд на мир и на космос возможны только через соединение научной и православной картин мира, причем на *равных* основаниях. Среди современных православных действительно есть те, кто придерживается подобной эгалитарной секулярной основы для выстраивания отношений между научным сообществом и православием, между научной космологией и православным богословием²⁸. Обращаясь и к тем православным, кто придерживается этой позиции, и к светской публике, которой было довольно много на этой службе, патриарх аккуратно выбирал слова и не отвергал возможность такого сосуществования религии и науки в секулярном Звездном Городке, где для религии выделяется отдельное место – храм.

Однако патриарх все-таки нарушает баланс между наукой и храмом в пользу последнего. Научная картина мира ограничена: наука способна описать сотворенный мир²⁹, но не способна ответить на вопрос о его *«смысле и предназначении»*. Только в храме человек обретает полноту смысла – не только своей частной жизни, но и «своей работы». Наука не может быть отделена от этой полноты целого, внутри которого она только и обретает свое подлинное значение. Таким образом, храм для «работающих на переднем крае научных достижений» – это возможность более целостного понимания вселенной вообще и собственной научной деятельности в частности.

КОНТАКТНАЯ ЗОНА

Американский историк и популяризатор науки Стивен Джей Гулд описывает секулярную модель взаимодействия науки и религии как двух непересекающихся «магистерий»³⁰. Таким образом он пытается положить конец спорам между наукой и религией посредством секулярного разделения сфер компетенции. Открытие храма в Звездном Городке не противоречит такому разделению: в секулярном обществе у религии есть собственный «домен» – она отвечает на нравственные и духовные запросы работников и жителей космического поселка. В свою очередь православный философ и математик Алексей Нестерук указывает на то, что любой процесс познания с православной точки зрения неотделим от веры:

28 KNIGHT C.C. *An Eastern Orthodox Critique of the Science-Theology Dialogue* // Zygon. 2016. Vol. 51. № 3. P. 573–591.

29 MITRALEXIS S. *Ever-Moving Report: A Contemporary Reading of Maximus the Confessor's Theory of Time*. Cambridge: James Clarke & Co, 2018.

30 GOULD S.J. *Nonoverlapping Magisteria* // Natural History. 1997. March. P. 16–22.

«Сам процесс познания получает прояснение из актов веры (например веры в саму возможность познания в Божественном образе), его богословие обладает определенной свободой по использованию достижений современной философской и научной мысли для того, чтобы, используя, в частности, их язык и критический метод, выявить скрытые верования, пронизывающие современную науку и присутствующие во всех секулярных формах диалога между Христианством и наукой»³¹.

С этой точки зрения нейтральная среда, где, не пересекаясь, мирно сосуществуют религия и наука, – это не более чем светский конструкт. С последовательно православной позиции богословие должно пониматься как критический *мета-дискурс*, возвышающийся над всеми философскими и научно-космологическими системами и модеризирующий сам диалог между религией и наукой³².

Отталкиваясь от размышлений Нестерука, я воспользуюсь разработанной в сфере музейной антропологии критикой теории контактных зон³³. Так Робин Боуст пересматривает впервые предложенную Мари Луис Пратт и далее развитую в музейной практике Джеймсом Клиффордом модель сотрудничества между сообществами-источниками, евро-американским музейным сообществом и посетителями музеев. Клиффорд предполагает, что музеи могут быть перепрофилированы в эгалитарные контактные зоны³⁴. Сообщества-источники в этом случае – это социокультурные единицы, часто – бывшие колонии, артефакты которых выставляются в евро-американских музеях. Чтобы противодействовать исторически сложившемуся неравенству – позиция музеев в их взаимоотношениях с сообществами-источниками явно более привилегированная, – Клиффорд считает, что музеи должны функционировать как социальные пространства³⁵, где «культуры встречаются, сталкиваются и борются друг с другом» с целью равноправного культурного обмена³⁶. Но все эти встречи и столкновения, замечает Боуст, работает напрямую на укрепление экспертного статуса музейных работников за счет специализированных знаний, полученных от представителей сообществ-источников. Пока сами представители сообществ-источников остаются маргинализированными,

31 НЕСТЕРУК А. *Смысл вселенной. О скрытой богословской преданности в современном космологическом нарративе*. СПб.: Алетейя, 2017. Р. 41.

32 Там же.

33 BOAST R. *Neocolonial Collaboration: Museum as Contact Zone Revisited* // *Museum Anthropology*. 2011. Vol. 34. № 1. Р. 56–70.

34 Ibid; CLIFFORD J. *Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge: Harvard University Press, 1997; PRATT M.L. *The Arts of the Contact Zone* // *Profession*. 1991. № 91. Р. 33–40; ИДЕМ. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge, 1992; см. также: PHILLIPS R. *Re-Placing Objects: Historical Practices for the Second Museum Age* // *Canadian Historical Review*. 2005. Vol. 86. № 1. Р. 83–110.

35 CLIFFORD J. *Op. cit.*

36 PRATT M.L. *Op. cit.* Р. 34.

музей не может быть нейтральной и эгалитарной контактной зоной, поскольку культурный обмен, происходящий в его рамках, воспроизводит устоявшуюся систему неравенства между интеллектуальным сообществом и сообществами-источниками³⁷. Контактная зона служит укреплению превосходящего статуса сообщества, которому она принадлежит.

Ситуация с музеями может быть спроецирована и на описанный выше случай: диалог между наукой и религией в предположительно эгалитарной секулярной контактной зоне точно так же наделяет науку всеобъемлющим авторитетом, превращая религию во второстепенную «область знаний». То есть если Гулд предполагает, что в абстрактном музее познания могут быть два отдельных раздела, – один посвященный науке, другой религии, – то Нестерук обращает внимание на то, что гулдовский музей в качестве контактной зоны – это все равно светская научная институция.

Можно представить, что диалоги между РПЦ и космическим сообществом тоже происходят в своего рода метафорических контактных зонах. С одной стороны, на уровне общества эта контактная зона переживает изменения – от секулярного атеизма к постсоветскому секуляризму. Например, в технических вузах открываются храмы и факультативные кафедры теологии. С другой стороны, религия конкурирует с секуляризмом за контактную зону, в рамках которой может происходить ее взаимодействие с наукой. Церковь выступает за десекуляризацию этой контактной зоны в пользу православной картины мира. Например, как мне рассказывал дьякон одного православного университетского храма, в идеале они выступают за то, чтобы обучение на кафедре теологии в их вузе было бы обязательным. Но сейчас продвигается более реалистичный вариант: клирики приглашают будущих ученых и инженеров приходить к ним в храм, чтобы подумать о науке с православной точки зрения, то есть переместиться из нейтральной (а на деле светской) контактной зоны в православную.

Но в своих взаимоотношениях с космическим сообществом РПЦ не ограничивается приглашением ученых и космонавтов в храм. С ее точки зрения точно так же, как в храме есть место науке, вне здания храма должно быть место молитве. Так что церковь выходит за границы храма, создавая новые места для встречи космонавтики и религии на своих условиях, то есть новые православные контактные зоны, например, посредством космических крестных ходов.

37 BOAST R. *Op. cit.*

ЕВГЕНИЯ ГОРБАНЕНКО

КРЕСТНЫЙ ХОД ПО ОРБИТЕ:
ВОЦЕРКОВЛЯ НАУКУ
И ПЛАНЕТУ

ВКЛЮЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ КОСМИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ В ЛОНО ЦЕРКВИ

Здесь показателен пример космического крестного хода с уменьшенными копиями почитаемой иконы царя-мученика Николая II. Оригинал этой иконы был написан в 1996 году в Калифорнии, где в 1981-м Русская православная церковь за границей причислила Николая II и его семью к лику мучеников. В РПЦ они были причислены к лику святых как страстотерпцы позднее, в 2000-м. До канонизации царской семьи в России циркулировало большое количество репродукций и списков образов Николая II, написанных ранее за рубежом, где к тому моменту среди русских православных члены царской семьи уже официально почитались как святые. Как следует из летописи мироточивой иконы Николая II³⁸, в 1998 году репродукция калифорнийской иконы замироточила в России. Здесь стоит отметить, что замироточила простая бумажная репродукция, одна из целой серии подобных копий, а не иконописный список калифорнийской иконы Николая II. Свидетели этих событий считают, что такое чудесное явление – мироточение образа в России – не случайно пришлось на конец XX века: годы повсеместного духовного подъема среди российских православных. Именно тогда почитание царской семьи получило особое распространение, что и предопределило, в конечном счете, ее официальное прославление в РПЦ. На тот период пришлось множество крестных ходов с этим мироточивым образом (репродукцией калифорнийской иконы), в том числе и так называемый крестный облет по границам Российской Федерации, организованный с благословления патриарха Алексия II и старца Николая Гурьянова, особенно почитаемого среди православных монархистов.

Илл. 2. Благословление копий иконы Николая II для отправления на МКС настоятелем храма Преображения Господня, отцом Иовом, в присутствии Игоря Смыкова (слева) и Антона Шкапелерова (справа). Из архива Александра Глушко.

38 Дьякова А. В. *Не прикасайтесь помазанным моим*. СПб.: Знаки, 2001.

Почти 20 лет спустя, в сентябре 2017 года, 22 уменьшенные копии этого мироточивого образа прибыли на МКС. Отправка икон Николая II была организована Александром Глушко – историком пилотируемой космонавтики и сыном Валентина Глушко, генерального конструктора и основоположника ракетного двигателестроения в советской космонавтике. Он сделал это по просьбе бывшего начальника Войсковой православной миссии Игоря Смыкова при содействии и участии летчиков-космонавтов Валерия Корзуна и Антона Шкаплерова. Как следует из штампов российского сегмента МКС, поставленных на этих уменьшенных копиях, они прибыли на станцию 13 сентября 2017 года и отправились назад 28 февраля 2018-го, проведя более пяти месяцев в космосе.

ВЕНГЕНИЯ ГОРБАНЕНКО
 КРЕСТНЫЙ ХОД ПО ОРБИТЕ:
 ВОЦЕРКОВЛЯ НАУКУ
 И ПЛАНЕТУ

Это далеко не первый случай пребывания православных икон на МКС и других орбитальных станциях, но именно образ царя-мученика, как следует из освещавших пребывание иконы на МКС православных изданий, дает возможность утвердить роль церкви в развитии космонавтики. Православные свидетели этого космического крестного хода объяснили мне, что образ иконы Николая II на МКС «оживил нити», связывающие дореволюционные научные открытия ученых, так или иначе связанных с последним царем, с развитием космонавтики в СССР. Таким образом, они оспаривают роль атеизма в развитии советской науки. Икона царя Николая II на МКС позволяет им напомнить, что за свои работы Константин Циолковский – основоположник теории космонавтики – при жизни получил от самодержца Императорский и Царский орден Святого Станислава III степени и что Юрий Кондратюк, рассчитавший оп-

Илл. 3, 4. Лицевая и тыльная сторона одной из копий мироточащего образа царя-мученика Николая II, побывавшей на МКС в 2017–2018 годах. Фото автора.

тимальную траекторию полета на Луну, использованную впоследствии при высадке на ней экипажем «Аполлона-11», был царским офицером, позже мобилизованным в Белую армию³⁹.

Жанна Кормина и Сергей Штырков приводят два главных принципа, которым следует РПЦ, обращаясь к советскому наследию: либо отрицание неудобных элементов прошлого, либо его включение в историю церкви⁴⁰. На примере космического крестного хода мы можем наблюдать, как работают оба подхода. Так, свидетели отправки иконы в космос указывают на историческую роль царя, предопределившую развитие космонавтики в СССР. Через образ крестного хода по орбите они обозначают космические достижения как наследие правления Николая II, которого РПЦ почитает как святого. А в противовес советскому нарративу научного просвещения и атеизма как залогов достижений страны в космосе⁴¹ они отрицают важность вклада большевиков как в конкретные начинания (поддержка работ Циолковского), так и в историю космического века в целом⁴².

Космический крестный ход с иконой Николая II выступает в роли православной контактной зоны между наукой и РПЦ, позволяя последней десекуляризировать историю космонавтики за счет переосмысления исторического наследия советского периода и науки через православную призму. В предлагаемой интерпретации прошлого космические достижения были предопределены благодаря божественному вмешательству, свидетельством которого является царь-мученик Николай II. В православных материалах и свидетельствах Николай II, будучи и монархом, и святым, преподносится как царь-покровитель космонавтики при жизни и как святой-покровитель после смерти.

КРЕСТНЫЙ ХОД КАК ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Мироточивый образ Николая II, копии которого побывали в космосе, обычно хранится в храме Девяти мучеников Кизических в центре Москвы, где по субботам перед ним служится молебен. После одного из таких молебнов я присоединилась к группе прихожан, опытных крестоходцев, отправлявшихся на вечернюю службу в другой храм. Мы сели в машину, и одна из женщин запела акафист. В машине было несколько крестоходных икон, и у нас получился небольшой спонтанный крестный проезд, то есть крестный ход на автомобиле. Храм

39 Там же.

40 Кормина Ж., Штырков С. *Указ. соч.*

41 Смолкин В. *Указ. соч.*

42 ΣΙΔΔΙΑΙ Α. *The Red Rocket's Glare: Spaceflight and the Soviet Imagination 1857–1957*. New York: Cambridge University Press, 2010.

Девяти мучеников Кизических расположен недалеко от Дома правительства, и женщина-водитель предложила специально сделать крюк, чтобы объехать вокруг него. Она пояснила, что очень важно обходить или объезжать с молитвой места, где принимаются значимые решения. Такие объезды, по ее словам, *локализуют* внимание Богородицы, чтобы та помогла в принятии правильных решений.

В своей работе про астронавта-евангелиста антрополог Диана Вейбель отождествляет полет в космос с паломничеством⁴³. Она опирается на антропологов Виктора и Эдиту Тернер, в работах которых паломничество определяется личным духовым преображением паломника⁴⁴. Однако, в отличие от паломничества, крестный ход подразумевает не только личную молитву, но и молитву за земли, на которых он проходит и которые он описывает. Сделав акцент на *локализацию*, наш водитель обращает внимание на то, что у крестного хода есть не только внутренняя духовная составляющая, но и внешняя физическая. Крестный ход очерчивает или, говоря словами моей знакомой, *локализует* территорию, за которую православные молятся. Они молятся также за людей на этой земле, прося Богородицу и всех святых заступиться за них и направить их на правильный путь.

ЕВГЕНИЙ ГОРБАНЕНКО

КРЕСТНЫЙ ХОД ПО ОРБИТЕ:
ВОЦЕРКОВЛЯЯ НАУКУ
И ПЛАНЕТУ

Охватывая Землю крестным ходом, церковь расширяет границу православной контактной зоны до земной орбиты и обозначает первенство веры над секулярным взглядом на устройство мира и над ограниченной изучением тварного научной космологией.

Крестный ход вокруг Земли, как и крестный ход вокруг храма или вокруг Дома правительства, позволяет православным выйти за границы храма и за границы, отведенные религии в секулярном обществе в целом. Охватывая Землю крестным ходом, церковь расширяет границу православной контактной зоны до земной орбиты и обозначает первенство веры над секулярным взглядом на устройство мира и над ограниченной изучением тварного научной космологией. Святые на МКС действительно помогают православным космонавтам молиться о личном спасении и спасении их близких. Но эти святые

⁴³ WEIBEL D. «Up in God's Great Cathedral»: *Evangelism, Astronauts, and the Seductiveness of Outer Space* // DI GIOVINE M., PICARD D. (Eds.). *The Seductions of Pilgrimage: Afar and Astray in the Western Religious Tradition*. London: Ashgate Publishing, 2015.

⁴⁴ TURNER V., TURNER E.L.B. *Image and Pilgrimage in Christian Culture: Anthropological Perspectives*. New York: Columbia University Press, 1978.

также *локализуют* внимание святых, очерчивая всю Землю как контактную зону, в пределах которой молится церковь, – молится за то, чтобы все вопросы на Земле были рассмотрены в рамках православной картины мира, чтобы все решения были приняты в соответствии с христианскими заповедями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что Боуст обращает внимание на ограничения принципа контактных зон в музейной практике, он все равно поддерживает существующие инициативы, продвигающие открытый межкультурный диалог между музейным сообществом и сообществами-источниками в музеях как контактных зонах. Однако он указывает на то, что по-настоящему равноправный диалог возможен, только если музей будет готов «учиться [...] предоставлять свои ресурсы сообществам и инициативам, находящимся далеко за пределами его специализации и контроля»⁴⁵. То есть в случае равноправного взаимодействия музею придется сдать некоторые свои позиции в пользу сообществ-источников и их собственных институций. Воспользовавшись аргументами из работы Боуста, я постаралась показать, что православное и научное представления об исследовании космоса – две конкурирующие парадигмы в секулярном обществе. При этом секуляризм оказывает сдерживающее влияние на православие, косвенно поддерживая научную космологию.

В этой статье я рассмотрела примеры реакции российских православных на секуляризацию. Я выделяю два параллельных подхода. С одной стороны, церковь существует в рамках определенного пространства, отведенного для религии в секулярном обществе. Освящая храм и поддерживая приход, РПЦ предоставляет возможность православным, живущим или работающим в Звездном Городке, удовлетворить свои частные религиозные нужды. С другой стороны, церковь пытается расширить сферу своего влияния с помощью, например, космических крестных ходов, переосмысливая космические достижения советской эпохи с православной точки зрения. Это говорит о том, что РПЦ не до конца устраивает современный секуляризм с его псевдонейтральными контактными зонами и она выступает за десекуляризацию и повсеместное принятие православной картины мира. Как утверждает отец Павел в разговорах со школьниками про космическую икону, «церковь должна вобрать в себя все вокруг». С помощью космических крестных ходов православные стараются воцерковлять науку и планету.

45 BOAST R. *Op. cit.* P. 67.

Сто лет отечественного планеризма: самоорганизация как реставрация¹

ЕГОР
МУЛЕЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что первый планерный полет в России состоялся еще в 1908 году², столетие отечественного планеризма отмечается в ноябре 2023-го. Именно в 1923 году на горе Клементьева, в нескольких километрах от Коктебеля, в Крыму, были организованы первые планерные состязания среди десяти привезенных из Москвы самодельных летательных аппаратов без мотора.

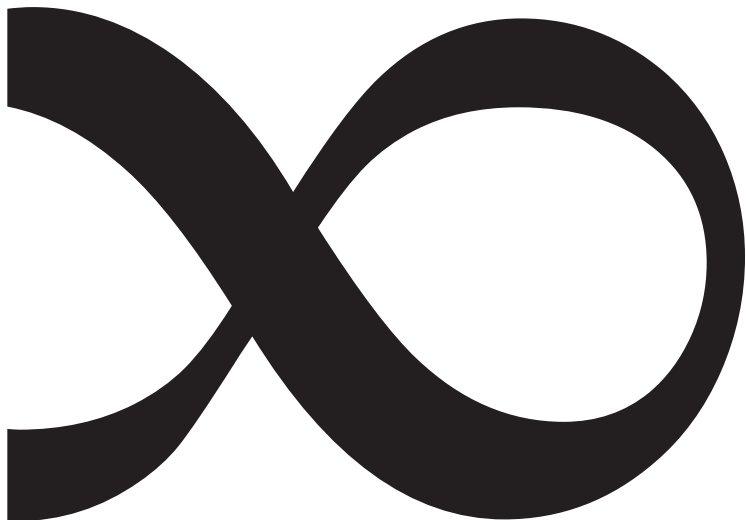
Планер отличается от самолета отсутствием двигателя и бóльшим размахом крыльев. Для полета используются особенности некоторых атмосферных явлений, грамотный учет которых позволяет держаться в воздухе десятки часов, пролетая сотни километров.

Не секрет, что в СССР частной авиации как таковой не было. На небольших одномоторных поршневых самолетах готовили пилотов «Аэрофлота». На них же летали в аэроклубах Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту

Егор Юрьевич Мулеев (р. 1987) – социолог, научный сотрудник и аспирант Института региональной географии (Лейпциг), пилот-парашютист-планерист.

- 1** Исследование выполнено при поддержке Фонда социальных исследований «Хамовники» № 2020001.
- 2** На территории Московского государственного университета сервиса и туризма есть памятник, посвященный этому событию.

CASE
STUDY

ЕГОР МУЛЕЕВ

СТО ЛЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ПЛАНЕРИЗМА: САМООРГАНИ-
ЗАЦИЯ КАК РЕСТАВРАЦИЯ

(ДОСААФ). В послевоенные годы и вплоть до распада СССР именно военное ведомство довольно щедро поддерживало полеты на планерах. Еще в 1930-е возникает удивительное сочетание авиационного энтузиазма с армейским подходом к людям, технике и организации полетов в целом. Заметно это и сегодня, спустя десятилетия после того, как Министерство обороны перестало поддерживать любительский планеризм. Более того, советский подход был во многом восстановлен и в постсоветских условиях, когда, казалось бы, планеристы пустились в «свободный полет» – во всех смыслах этого выражения.

Илл. 1. Подготовка планера L-22 «Супербланик» к выкатке на старт. Аэродром Пугачевка, Орловская область, 2020 год. Фото автора.

Рестаурация советского подхода к планеризму, таким образом, становится парадоксальным результатом самоорганизации. Не последнюю роль в этом сыграла инфраструктура: богатое наследие СССР оказалось одновременно и условием для существования современного планеризма, и тормозом для институциональных изменений в данной сфере. Это положение эмпирически подтверждается материалами полевого исследования, проведенного в 2020–2021 годах, архивными документами, публикациями на профильных форумах и в социальных сетях, а также многочисленными беседами с пилотами-планеристами.

ВОЙНА И МИР

Днем рождения отечественного планеризма принято считать 7 ноября 1923 года. В этот день в Крыму состоялись первые Все-союзные планерные испытания, которые впоследствии будут называться «слетами» или «состязаниями». Организаторами

мероприятия выступили два объединения: кружок «Парящий полет» при научной редакции Главвоздухфлота (организация-предшественник управления Военно-воздушных сил СССР) и Центр безмоторной авиации, созданный при появившемся в том же году Обществе друзей воздушного флота, которое занималось активным продвижением идеи строительства авиационной индустрии, в том числе и военной, за счет массового энтузиазма в условиях довольно скудных бюджетных возможностей.

Всего в Крыму были проведены одиннадцать планерных слетов, последний прошел в 1935 году. Состязания привлекали большое внимание. Принять участие мог любой желающий, но к полетам планеры допускал технический комитет, который проводил осмотр всех аппаратов. К сожалению, несмотря на технический контроль, на слетах случались и трагические происшествия. Так, например, слушатель Академии воздушного флота Петр Клементьев организовал энтузиастов вокруг мастерской при трамвайном депо имени Петра Щепетильникова в Москве. Члены кружка разработали планер собственной конструкции. На втором слете планер разрушился в полете, а пилот погиб. После этой катастрофы Узун-Сырт и будет переименован в гору Клементьева. Однако в стенах трамвайного депо строительство летательных аппаратов будет продолжено, и, например, деревянные детали новаторского планера «Коктебель» авторства Сергея Королева и Сергея Люшина (будущих конструкторов ракет) были созданы именно в здесь³. Строили в депо и планеры собственной конструкции.

«Особое любопытство вызывали новые машины, на бортах которых красовались самые различные надписи – “Металлист”, “Павлово”, “Автобаза Совнаркома”, “Нарофоминец-2”, “Красные Сокольники”, “Замоскворецкий текстильщик”, “Морлет Клементьев”, “Трамвайщик Щепетильниковского парка”, “Каширский железнодорожник”, “Харьковец”, “Владимирский пионер”»⁴.

Специально к слетам готовились особые летательные аппараты, проводились разного рода эксперименты. В 1934 году, например, Сергей Анохин – бывший водитель автобуса и будущий летчик-испытатель – намеренно довел летательный аппарат «Рот-Фронт-1» конструкции Олега Антонова (будущего авиаконструктора) до разрушения: инженеры поспорили о скорости, на которой должна произойти поломка из-за перегрузок. В те же годы впервые была опробована так называемая аэробуксировка: использование самолета для подъема планера на высоту. Некоторые модели планеров были выполнены в единственном экземпляре для экспериментальных задач.

3 Королева Н.С. С.П. Королев. Отец. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2007.

4 Гончаренко В.В. Были крылатой горы (www.nebo.kiev.ua/gora2).

«За рекордными планерами с крыльями, длинными, как ножи, шли бесхвостки в виде треугольников, парабол, стрел; планеры-утки, тандем, гидропланеры, “чайки”, учебные, многоместные, серповидные – словом, самые разнообразные. И это не случайно. Планеризм был самостоятельной творческой лабораторией подготовки не только энтузиастов-летчиков, но и конструкторов-инженеров»⁵.

Если в 1923 году в первых состязаниях участвовали десять планеров, то в 1934-м – 56⁶. На слетах отрабатывались технические решения для массовых моделей; а в 1932 году в Тушино открывается «маленький полукустарный» планерный завод, который до своего закрытия в 1938-м выпустил более 8000 летательных аппаратов⁷. В 1925 году начинает работать Московская планерная школа летчиков-планеристов, в которой все восемь лет ее существования персонал работал без вознаграждения⁸. В школе действовали два направления подготовки, инструкторов и конструкторов, и принимали туда с 17 лет. Открывается школа инструкторов и в Крыму: обучение там было построено по-армейски⁹, длилось несколько месяцев, а после экзаменов инструкторы отправлялись в планерные кружки. Конкретные данные от источника к источнику разнятся, но в каждом из них подчеркивается, что первоначальную подготовку до начала войны прошли десятки тысяч человек¹⁰.

«В 1923 году... была поставлена задача о массовой подготовке кадров для советской авиации в наикратчайшее время при небольших затратах средств. Вот тогда и была одобрена идея об отборе лиц, годных к военной службе, через обучение на планерах»¹¹.

Планеризм становится средством «овладения авиатехникой и внедрения авиационной культуры, помогает разрешению задачи подготовки смелых, отважных и находчивых воздушных бойцов»¹². Военизированная риторика прослеживается как в методических указаниях 1933 года по обучению пилотов-планеристов, так и в «Марше авиаторов», в том же году ставшем гимном Военно-воздушных сил. Художественная литера-

5 Шелест И.И. *С крыла на крыло*. М.: Молодая гвардия, 1969. С. 51.

6 Красильщиков А.П. *Планеры СССР*. М.: Машиностроение, 1991. С. 105.

7 Антонов О.К. *На крыльях из дерева и полотна. Рассказы о планеризме и планеристах*. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 63.

8 Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 348. Оп. 3-1. Д. 1. Л. 1–4.

9 Шелест И.И. *Указ. соч.*; Гончаренко В.В. *Указ. соч.*

10 Хромченко Д.Н. *Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы*. Минск: БНТУ, 2017; Винокуров А.Д. *Большие крылья*. М.: Издательство ДОСААФ, 1976; *Авиация и воздухоплавание: альбом*. М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1934.

11 РГАНТД. Ф. 348. Оп. 3-1. Д. 1. Л. 1–4.

12 Васянин В.С., Бородин В.Г. *Обучение полетам на планерах. Методические указания*. М.: Государственное военное издательство, 1933. С. 3.

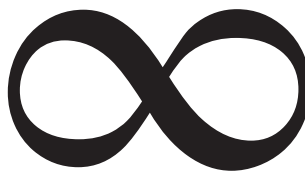
тура, описывающая период становления и массового распространения планеризма, восторженно подчеркивает эту связь с армией¹³. В 1924 году Константину Арцеулову за полет длительностью в 1 час 17 минут присваивается первое звание «пилот-паритель», а Сергей Анохин в 1934-м становится первым мастером планерного спорта СССР. Так спортивное и экспериментальное направления в планеризме оказываются неразрывно связанными с военизированными задачами подготовки кадров и техники.

Такое соседство присуще и послевоенному периоду. Практически вся планерная активность сосредоточивается в клубах ДОСААФ, которое финансируется Министерством обороны. Однако, несмотря на наличие заказов на первоначальную подготовку для военных училищ, планеризм прежде всего развивается как спорт – с многочисленными соревнованиями и другими атрибутами спортивной жизни. Активно летающие на планерах люди редко стремились продолжить карьеру в качестве военных пилотов. Да и уже состоявшихся профессиональных военных среди планеристов было немного – чаще они выступали в качестве руководителей аэроклубов, а не действующих пилотов. Вот далеко не полный перечень основных профессий планеристов-спортсменов: конструктор Чепельского металлургического завода, инженер-тракторостроитель, инженер-конструктор Вильнюсского завода шлифовальных станков, конструктор-чертежник таллиннского НИИ, инженер-конструктор Кишиневского тракторостроительного завода, строгальщица днепропетровского трубопрокатного Нижне-Днепровского завода имени Карла Либкнехта¹⁴, заведующий лабораторией физико-химических исследований планет в Институте космических исследований РАН, солист Киевской консерватории. Многие работали инструкторами в аэроклубах ДОСААФ.

В СССР существовали, однако, не только клубы ДОСААФ (хотя и для сторонних инициатив ДОСААФ оставался поставщиком оборудования, техники и кадров). Помимо досаафовских авиационно-спортивных клубов, существовали и так называемые авиационно-технические спортивные клубы (АТСК), состоявшие на балансе каких-либо организаций. Так, например, при Московском авиационном институте до сих пор числится клуб Алферьево в Московской области. Там же базировался аэроклуб ЭМЗ имени Мясничева с планерным звеном. В районе деревни Рыдомо Тульской области в 1984 году расположился аэроклуб авиационного завода имени Сухого. АТСК существовал и при Министерстве авиационной промышленности СССР, Министерстве легкой промышленности в Литве, при авиационном заво-

13 Гончаренко В.В. *Указ. соч.*

14 Винокуров А.Д. *Указ. соч.*

де «Авиастар» в Ульяновске, несмотря на присутствие ДОСААФ с планерным звеном на другом берегу Волги. Был АТСК и при московском Центральном аэрогидродинамическом институте, который – как «нечто среднее между базой отдыха и имитацией научной деятельности»¹⁵ – обосновался на горе Клементьева. Организован он был в 1971 году в формате летнего выездного лагеря, где сотрудники жили в палатках. С 1978-го началось капитальное строительство: появились мастерская, гараж, гостиница и ангары. «Кочевой» подход к полетам практиковался в АТСК авиационного завода имени Бериева, сотрудники которого часто выезжали с техникой на лето в поля по предварительной договоренности с колхозами. В некоторых случаях использовали бывшие площадки «Аэрофлота», подготовленные для полетов с целью обработки полей химикатами. Причем в таких условиях проводились и соревнования, организованные «на коленке»¹⁶.

Так планеризм, развившийся как способ удешевления подготовки боевых летчиков, постепенно возвращается к своему спортивному статусу, при этом десятилетиями существуя благодаря бюджетам Министерства обороны. И это не исчерпывается исключительно организацией полетов. В Литве, например, из бывшего молочного комбината делают планерный завод (Пренайский экспериментальный завод спортивной авиации), на котором в течение десяти лет разрабатывается модель планера открытого класса, получившего в итоге название LAK-12. Завод этот оказывается в прямом подчинении ЦК ДОСААФ, расположенного в Москве.

На уровне же аэроклубов специфическая полувойсковая дисциплина скорее сохраняется: в летный день все обязаны заниматься обслуживанием техники, «потому что указание спустили сверху»¹⁷, за опоздание на утреннее построение отстраняют от полетов на весь день¹⁸ и так далее.

С 1991 года положение меняется кардинальным образом, но неустойчивый баланс между военным и гражданским по-прежнему присутствует. Так, например, в некоторых аэроклубах реанимируются ритуалы вроде предполетных брифингов, когда сотрудники аэродрома под диктофон должны скороговоркой выпалить, что все готово к полетам. Схожая история с ведением летной книжки: требуется ее аккуратное заполнение в соответствии с рядом требований, там же «рисуются» не-

15 Интервью с пилотом-планеристом, выпускником юношеской планерной школы, Московская область, 2021 год.

16 Интервью с мастером спорта международного класса по планеризму, воспитанником ДОСААФ СССР, Москва, 2021 год.

17 Интервью с мастером спорта международного класса по планеризму, воспитанником ДОСААФ СССР, Москва, 2020 год.

18 Интервью с инструктором-планеристкой, воспитанницей ДОСААФ СССР, Московская область, 2020 год.

совершенные парашютные прыжки и экзаменационные оценки по теоретическим дисциплинам. Аналогично с программой обучения в 2013 году в ДОСААФ был принят новый «Курс учебно-летней подготовки», который во многом повторяет предыдущий, опубликованный в 1986-м. В нем сохраняется, например, строевая подготовка, которой по факту никто не занимается. В аэроклубах по-прежнему можно найти бывших военных на руководящих должностях. Сегодня, конечно, нельзя сказать об исключительно военной дисциплине на планерных аэродромах, но некоторые ее рудименты удивительным образом сохраняются и поддерживаются.

ХИЩЕНИЯ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Организационные проблемы околовоеенных бюрократий при Сталине оказываются потрясающе схожи с таковыми и при Горбачеве. Например, в начале 1930-х в одной из докладных записок о состоянии Осоавиахима, предшественника ДОСААФ, указано следующее:

«Совершенно неудовлетворительное состояние работы Осоавиахима, и в особенности низовых его ячеек, являющихся основой всей массовой работы общества, громоздкость и засоренность в отдельных звеньях его аппарата, крайне слабое привлечение рабочего и колхозного актива к работе, огромная текучесть кадров и отсутствие отбора и систематического выдвижения работников, преступно-небрежное отношение к материальным средствам и оружию (хищения, растраты), а также отсутствие надлежащей постановки денежной и материальной отчетности»¹⁹.

Спустя полвека, в 1980-е, согласно проверке состояния, эксплуатации и ремонта авиационной техники в Литовской ССР, Чечено-Ингушской АССР, Ставропольском крае, Кемеровской и Новосибирской областях, на Московском авиаремонтном заводе и на Пренайском экспериментальном заводе спортивной авиации было выявлено следующее:

«Не принято должных мер по обеспечению надежной эксплуатации авиационной техники, отмечаются серьезные недостатки и нарушения в обслуживании самолетов и вертолетов, неупорядоченность снабжения техническим имуществом, [...] не уделяется должного внимания анализу причин отказов, [...] планы мероприятий по безопасности полетов составляются формально и зачастую не выполняются, [...] не принимается должных мер по укреплению кадров инженерно-технического состава. Постоянный

19 Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 23.02.1932 (<http://istmat.info/node/54510>).

недокомплект, низкий уровень профессиональной подготовки многих из них. [...] Проверка организации ремонта авиационной техники на заводах ДОСААФ показала, что предприятия слабо работают над повышением технического уровня и экономической эффективности производства. [...] Председатели комитетов и начальники учебных авиационных организаций отстранились от контроля за инвентаризацией авиатехнического имущества, фактического положения дел с потребностью необходимого имущества не знают, в результате чего накапливается значительная часть ненужного и излишнего имущества»²⁰.

Проблема «приписок» или фактического искажения производственных показателей²¹, присущая плановой экономике СССР в целом, была характерна и для ДОСААФ. Сломанные – на бумаге – планера в действительности могли оказаться рабочими, а проверки если и были, то заканчивались попойкой, и «все всё понимали»²².

«В трех районных комитетах города Одессы одним и тем же распространителем лотерейных билетов было присвоено 274 тыс. руб. [...] В первичной организации ДОСААФ треста “Стройгаз” Алтайского края присвоено общественных средств 31,7 тыс. руб. путем оформления фиктивных документов на выплату заработной платы за обучение курсантов несуществующих групп. Главным бухгалтером Завитинского райкома ДОСААФ Амурской области в сговоре с кассиром путем различных махинаций похищено 76 тыс. руб.»²³.

Начиная с 1991 года продажа авиационной техники становится одним из способов выживания для руководителей аэроклубов. Например, во Втором московском городском аэроклубе в конце 1980-х было 56 одних только учебных «Блаников»²⁴. Сегодня – четыре. В орловском Центральном планерном аэроклубе в конце 1980-х насчитывалось 67 планеров, из них 16 учебных, а также 16 самолетов-буксировщиков²⁵. Сегодня – 19 планеров и 8 буксировщиков. В АТСК завода имени Мясищева насчитывалось 30 планеров и 15 самолетов, в 1992-м появилась даже новая импортная матчасть²⁶. Во второй половине 1990-х аэроклуб стал особенно знаменит Кузьмичевским авиаремонт-

20 Архив ДОСААФ. Ф. 11. Оп. 53. Л. 2.

21 Помимо многочисленных художественных произведений – фильмов в жанре производственной драмы, например, – где обсуждаются все эти проблемы, доступны и опубликованные данные социологических опросов работников разных отраслей. См., например: Белановский С.А. *Производственные интервью*. М.: ИНП РАН, 1989 (<https://ecfor.ru/publication/proizvodstvennye-intervyu-ov-sovetskoj-epohi-sergey-belanovskii/>).

22 Интервью с мастером спорта международного класса, 2021 год.

23 Архив ДОСААФ. Ф. 11. Оп. 57. Л. 12.

24 Интервью с мастером спорта международного класса, 2021 год.

25 Списочная численность авиационной техники авиационно-спортивного клуба была обнаружена в здании заброшенной гостиницы на аэродроме Пугачевка в пригороде Орла.

26 Интервью с пилотом-планеристом, инструктором, руководителем полетов на одном из аэродромов малой авиации, Калужская область, 2021 год.

ным заводом, где была налажена работа по подготовке авиационной техники к продаже за границу²⁷. Сегодня клуб полеты не проводит. Распоряжение некогда социалистической собственностью стало для некоторых работников ДОСААФ и АТСК источником личного дохода. Впрочем, «пристраивать» технику начали раньше. Вот пример стародубского аэроклуба:

«Планера были списаны, но вместо этого по дальновидному договору начальства аэроклуба не стали переезжать трактором и положили на хранение. Эти “Кобры” и “Пираты”²⁸ лежали на складе и хранились. Они ушли из рук в руки – куда и кому, не знаю, но одна “Кобра” была в Стародубе, – аэроклубчик весьма необычный для СССР. Там летали энтузиасты-самодельщики, которые сначала сами строили²⁹, потом [им] надоело, и был учрежден стародубский аэроклуб. И они начали втихаря скупать матчасть в ДОСААФе. “Мы люди бедные, может, есть Бланик? Мы заберем”. [В ответ:] “С вас ящик коньяка и гарантия того, что этот планер никто и никогда не увидит”. А в 1990-е оказалось, что матчасти немерено. Там был и А-15, и Як-12, и даже Ми-8»³⁰.

Одновременно с продажей планеров за границу происходило их перераспределение внутри страны. Так, к примеру, Новосибирский авиационно-спортивный клуб скупал ЛАК-12. Первый частный аэроклуб появляется в 2004 году(!), матчасть аналогичным образом оказывается выкупленной из клубов ДОСААФ. Впоследствии возникает специфический формат «гибридных» аэроклубов, которые обладают статусом ДОСААФа, несмотря на частное владение. Это позволяет не только покупать технику самостоятельно, но и получать ее из клубов ДОСААФ за счет договоренностей с центральным комитетом³¹.

Реформы 1990-х легализовали те практики, которые ранее считались уголовно наказуемыми. Перераспределение техники позволило сохраниться одним клубам, организовать другим; на сегодняшний день в РФ нет ни одного планерного аэродрома, где не было бы планеров и самолетов, произведенных в период СССР.

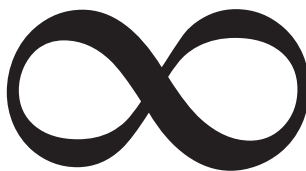
27 Весной 2021 года автору довелось случайно обнаружить ЛАК-12 в одном из ангаров на аэродроме в северной части немецкой Саксонии. Выяснилось, что руководитель с начала 1990-х регулярно посещал Россию, активно летал в АТСК Мясищевского авиазавода, где этот планер и был приобретен наряду с другими моделями, в том числе и самолетов.

28 Название польских планеров SZD-36 «Cobra» и SZD-30 «Pirat».

29 «6 ноября 1974 года был построен первый самолет “Тореадор-13”, но он не полетел. Это, конечно же, огорчило, но не остановило кружковцев. В 1980 году первый изготовленный ими планер полетел в Закарпатье, а в сентябре 1980-го был поднят в небо еще один планер в Стародубе. В 1981 году, через полгода, полетел мотопланер, в 1985-м – двухместный планер, который легко переделывался в мотопланер и назывался “40 лет Победы”» (В Стародубском районе отметили 50-летие авиамоделизма (<https://riastrela.ru/p/45089/>)).

30 Интервью с мастером спорта международного класса, 2021 год.

31 Например, в 2014 году аэродром Щекино получил несколько летательных аппаратов за счет распоряжения центрального комитета ДОСААФ о передаче планеров из бывшего АТСК авиазавода им. Мясищева. Планера были не в идеальном состоянии, но коллектив восстановил их, и некоторые до сих пор летают.

ЕГОР МУЛЕЕВ

СТО ЛЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ПЛАНЕРИЗМА: САМООРГАНИ-
ЗАЦИЯ КАК РЕСТАВРАЦИЯ

*Илл. 2. Планер L-13
«Бланик» на старте.
Аэродром Щекино,
Московская область,
2020 год. Фото автора.*

ЛЕГАЛЬНОСТЬ И НЕЛЕГАЛЬНОСТЬ

В постсоветское время возникает такой формат частного аэроклуба, в котором земля, техника, здания и сооружения принадлежат не коллективу пилотов³², а руководству – зачастую в лице одного человека. Не владеющие правами долевой собственности пилоты вынуждены арендовать матчасть у собственника-руководителя. Хотя все риски несет на себе последний, в случае поломки виновный обязан возместить расходы, хотя такого рода ответственность нигде юридически не фиксируется. Документооборот в отношениях между директором аэроклуба и пилотом-планеристом практически отсутствует. Техническое обслуживание является зоной ответственности хозяина аэродрома, хотя при этом сохраняется досаафовская практика «закрепления» планера за спортсменом, даже несмотря на отсутствие у последнего профильного образования. Как и в СССР, за результатами такого «прикрепления» следит штатный механик.

Хозяева аэроклубов, будучи в прошлом пилотами, прошедшими ДОСААФ, часто внедряют у себя еще советский формат так называемой «общественной работы», когда, например, инструктор или пилот-буксировщик работают в клубе бесплатно. Практикуется и трудоустройство энтузиастов (как правило, студентов), которые выполняют простые работы по аэродрому и обслуживанию техники для дальнейшего обмена отработанных

32 Как произошло, например, в Восточной Германии, где аэродромы немецкого аналога ДОСААФ под названием «Gesellschaft für Sport und Technik» были переданы спортивным клубам, состоявшим из пилотов, летающих на этом аэродроме, но не были приватизированы индивидуальными собственниками.

часов на полеты. Здесь наблюдается прямая переключка с энтузиазмом 1930-х. Особенно экзотической оказывается инициатива по бесплатному обучению полетам школьников. Программа финансируется в одном случае за счет регионального бюджета, в другом – по инициативе хозяина аэродрома. Впрочем, сегодня полетать на планере можно всего в четырнадцать аэроклубах на всю страну.

Фигура хозяина клуба оказывается ключевой и в случае внимания со стороны контрольно-надзорных органов, не говоря уже о разного рода судебных разбирательствах. Хорошие личные отношения с представителями государственных органов позволяют избегать и неожиданных проверок, и лишнего внимания вообще. Современное состояние законодательства таково, что найти несоответствия между требованиями закона и реальным положением дел не составляет большого труда. Дисбаланс между буквой закона и практикой начинается еще в 1920-х: например, Московская планерная школа была вынуждена начать свою работу нелегально, поскольку организационные документы оказались утерянными в ходе «перестройки аппарата» Осоавиахима. Разрешение на полеты было оформлено в 1927 году, в то время как первый выпуск инструкторов произошел в 1926-м³³. В 2021 году ситуация отличается не сильно:

«Никакого планерного спорта в нашей стране по организационным причинам быть не может. Все существует только потому, что авиационные начальники тех точек, где есть полеты, и инвесторы этих точек берут на себя ответственность»³⁴.

Под «организационными причинами» понимаются следующие. Во-первых, по состоянию на 2022 год в стране существует всего одна сертифицированная планерная школа, которая к тому же не ведет набор и обучение. Есть единственный пилот-инструктор, уполномоченный подтверждать квалификацию и выдавать пилотские свидетельства. Программа подготовки представляет собой во многом копию аналогичного текста 1986 года. Во-вторых, нет образовательных программ ни для подготовки, ни для переподготовки инструкторов, пилотов-буксировщиков и техников для планеров. Все эти функции сосредоточены на уровне аэроклубов и осуществляются фактически вне какого-либо участия со стороны государства. В-третьих, нет установленных критериев оценки летной годности для планеров, в соответствии с которыми принимается решение об их использовании. Фактически задачи определения таких критериев тоже осуществляются на уровне аэроклубов и могут отличаться от аэродрома к аэродрому и от техника к тех-

33 РГАНТД. Ф. 348. Оп. 3-1. Д. 1. Л. 1–4.

34 Интервью с мастером спорта международного класса по планеризму, 2021 год.

нику. В-четвертых, это справедливо и в отношении требований к техническому обслуживанию. В теории производитель определяет не только очередность, специфику и объем работ, но и задает ограничение на эксплуатацию, исчисляемую в часах налета или в годах. Практически все отечественные планера, доставшиеся от ДОСААФ СССР, перешли в режим обслуживания «по состоянию»³⁵. То есть работы производятся тогда, когда присутствует видимый риск дальнейшего использования техники. Это не является повсеместным явлением, но во множестве случаев вопрос технической исправности и надежности оказывается исключительно вопросом доверия пилота к персоналу, который и определяет риск в формате выбора: летать или чинить?

В общем, контроль за техническим состоянием подразумевает визуальный осмотр и, по-видимому, обычное «авось». Правда, активные спортсмены-планеристы указывают, что если что-то и случается, то в подавляющем большинстве случаев это происходит в связи с человеческим фактором, а не по причине отказа техники. Это подтверждает и тот факт, что на сайте Межгосударственного авиационного комитета опубликовано единственное расследование авиационного инцидента (до 2004 года данных нет), случившегося с планером³⁶. Авария была без жертв и произошла из-за ошибки пилота.

В вопросе технического обслуживания заключена еще одна особенность: взаимодействие с авиационными властями. В теории не только регламент производителя, но и дополнения регулятора содержат требования к обслуживанию и к организации полетов вообще. Однако для такого рода решений необходима обратная связь между аэроклубом и авиационными чиновниками. Такое взаимодействие если и происходит, то уже по факту визита полиции или спасателей. Отсюда и трудность в вопросе статистического учета числа происшествий. Другими словами, точно сказать, сколько планеров сегодня в России находятся в летном состоянии, невозможно³⁷. Сколько пилотов – не выданных свидетельств (которые перестали выдавать с 2014 года), а именно пилотов, способных поднять и посадить летательный аппарат, – тем более³⁸. Новость об авиационном инциденте нечасто покидает территорию аэродрома, еще реже попадает

35 Интервью с пилотом-планеристом, авиационным инженером, Московская область, 2021 год.

36 Окончательный отчет по результатам расследования авиационного происшествия (www.mak-iac.org/upload/iblock/8b4/report_ra-1486g.pdf).

37 По данным российского отделения Ассоциации пилотов и владельцев воздушных судов на октябрь 2018 года, в реестре гражданских воздушных судов насчитывались 296 планеров, из которых лишь 110 имели сертификат летной годности (СЛГ), выданный уполномоченным органом: Тюрин В. В. *Выступление на XII Конференции АОПА-Россия*. Доброград, 2018. В 2020-м при том же числе зарегистрированных аппаратов с СЛГ стало уже 82: *Как получить СЛГ, сколько оно стоит, слет в Уфе, может ли инвалид стать пилотом* (www.youtube.com/watch?v=zPWxjboFIK8). Планера ДОСААФ и те, что летают без регистрации, в этом перечне не представлены.

38 В телеграм-группе насчитываются 132 пилота, в группе *WhatsApp* – 200 человек.

в СМИ и уж тем более – в Федеральное агентство воздушного транспорта.

Отношения с бюрократией обнажают еще одну проблему, связанную с легальностью. Современный ДОСААФ – фактически авиационный самозванец. Будучи в советский период подведомственным учреждением Министерства обороны, оно заимствовало и регламенты армейской авиации, которые отличаются от регламентов авиации гражданской по ряду направлений. В СССР не было частной гражданской авиации (за исключением самодельщиков), но в конце 1980-х были созданы бюрократически признанные объединения, которые после распада страны взяли на себя функции регулятора: Федерация любителей авиации и Объединенная федерация сверхлегкой авиации³⁹ – регистрация, обучение, технический контроль оказались сосредоточенными там. Это касалось техники, оснащенной двигателем, но не планеризма. ДОСААФ же, потеряв привязку к Министерству обороны, фактически оказался на одном уровне с федерациями. К середине 2010-х государство в лице Росавиации оставило общественным объединениям (федерациям) лишь функции организации соревнований. ДОСААФ же остается в подвешенном состоянии, осуществляя полеты по законодательно отсутствующим критериям, устанавливая требования к работе самостоятельно и самостоятельно же отслеживая их выполнение (сам нарушает и сам же наказывает). Так, к примеру, пилотские свидетельства ДОСААФ оказываются фактически выданными общественной организацией и действуют только на подчиненных ей аэродромах⁴⁰:

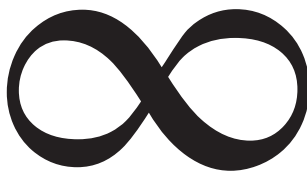
«Законодательно статус [авиации ДОСААФ] не закреплен ни в одном из документов, регламентирующих деятельность авиации. [...] ДОСААФ России право разрабатывать служебные документы, учитывающие специфику работы ее авиационных подразделений и уточняющие порядок производства полетов, Федеральными авиационными правилами производства полетов государственной авиации не предоставлено»⁴¹.

Если пилоты самолетов, создавая свой порядок самостоятельно, в течение более, чем десятилетия, летали по своим правилам, то планеристы восстановили старый подход, периодически уклоняясь, впрочем, от выполнения некоторых его требований.

39 Названия отражают суть: бюрократическое разделение воздушных судов происходит по весу летательного аппарата. Чем тяжелее – тем больше требований.

40 Хотя выдача свидетельств зачастую саботируется и затягивается. Так в 2020 году пилотские свидетельства вручались только пилотам, имеющим большой налет и опыт участия в соревнованиях.

41 *Министерство обороны РФ. Письмо от 3 ноября 2020 № 603/4/1565 на № 1 от 16 октября 2020* (<https://reaa.ru/threads/legalizacija-pilotov-i-konstruktorov-ljubitelej-sla-mnenija-za-protiv.94784/page-51#post-1903581>).

САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК РЕСТАВРАЦИЯ

Упомянутые выше федерации, получившие бюрократическое признание, в течение десятилетия выполняли функцию регулятора, самостоятельно разрабатывая и методики обучения, и требования к техническому обслуживанию. Они занимались регистрацией воздушных судов, организацией движения и так далее. Кто-то – вроде воздухоплавателей и парапланеристов – стал разрабатывать все с нуля. Даже парашютисты быстро освоились в новых условиях и адаптировали зарубежные методики обучения, что позволило быстро учить людей, увеличивая тем самым количество занимающихся на аэродроме. Планеризм же оказался единственным авиационным занятием, которое вообще всерьез не реформировалось. Материальная часть, оставшаяся в клубах с советских времен, и сегодня в целом удовлетворяет спрос. До сих пор проедаются те ресурсы, что остались от СССР. «Проблема российского планеризма есть планеризм советский. Он его основа и гордость, он же его проклятие»⁴². И если в моторной авиации на смену общественным – самоорганизованным – федерациям со временем приходят государственные структуры (Росавиация) с их требованиями и возможностями контроля, то планеризм в очередной раз остается практически без внимания со стороны государства. Будучи предоставленными самим себе, планеристы восстанавливают и поддерживают старые правила, исполнение которых, однако, оказывается ситуативным и меняется от аэродрома к аэродрому (степень строгости во многом зависит от руководителя). Если сегодня по каким-то причинам учебные планера «Бланик» и спортивные «Янтари» будут отстранены от полетов, то российский планеризм практически исчезнет. Эксплуатация матчасти из СССР оказывается и условием для полетов, и одновременно тормозом для изменений. Наличие опыта, привычки, сложившиеся социальные связи, позволяющие поддерживать планерное хозяйство в летном состоянии на достаточно безопасном уровне, создают особые условия не только для реставрации старого порядка, но и для его консервации, пределом которой является лишь полный физический износ техники и инфраструктуры.

Малой авиации во многом присущ «гаражный» формат существования, и планеризм не исключение⁴³. С одной стороны, это затрудняет юридическое сопровождение, а с другой, таит в себе

42 Верхне-Хавский АТСК, благодарственное письмо от новых пилотов-планеристов (<https://reaa.ru/threads/verhne-xavskij-atsk-blagodarstvennoe-pismo-ot-novykh-pilotov-planeristov.15030/page-7>).

43 См., например, серию публикаций по теме «Положение малой авиации в России» в пяти частях, опубликованной на сайте издания «Транспорт в России» в 2019 году: <https://tr.ru/articles/3204-polozhenie-maloy-aviacii-v-rossii-chast-5-lyudi>.

очевидные опасности, связанные с техническим состоянием. Но в результате не самое пристальное внимание со стороны контрольно-надзорных органов, реставрация советского подхода, активная эксплуатация матчасти, бывшей не одно десятилетие в употреблении, обеспечивают более-менее доступный путь в небо для многих людей. В этом смысле восстановление прежнего порядка – это не только и не столько восстановление армейских правил, сколько возрождение авиационного энтузиазма, связанного с радостью полета. А ощущение полета – в сухом остатке – и остается главным стимулом и стремлением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События 1920–1930-х показывают, что планеризм в техническом и организационном отношении появляется благодаря энтузиазму увлеченных любителей, но массовым его делает Советское государство. С того момента, когда он стал объектом государственной заботы, и до сегодняшнего дня его отличает ряд устойчивых особенностей. Во-первых, планеризм практически всегда находился между двумя полюсами – военным и гражданским (спортивным). Армейский подход к организации полетов сочетался с энтузиазмом и спортивным азартом. Государство использовало этот потенциал, подготовив тысячи людей, но в конце 1930-х практически отказалось от дальнейшей поддержки. С началом «холодной войны» планеризм восстанавливается как инструмент отбора будущих курсантов военных и гражданских авиационных училищ, как элемент патриотического воспитания и профессиональной ориентации. При этом снабжение даже в условиях плановой экономики нельзя назвать скудным. Министерство обороны обеспечивало ДОСААФ регламентами, методиками, кадрами, техникой, зарплатой, территориями и помещениями. АТСК снабжались примерно так же. Эти два модуля – военный и гражданский – всегда сосуществовали рядом: сверхконтроль, военная дисциплина и строгость устава постоянно соседствовали с абсолютно мирным желанием летать и далекими от армейской строгости решениями.

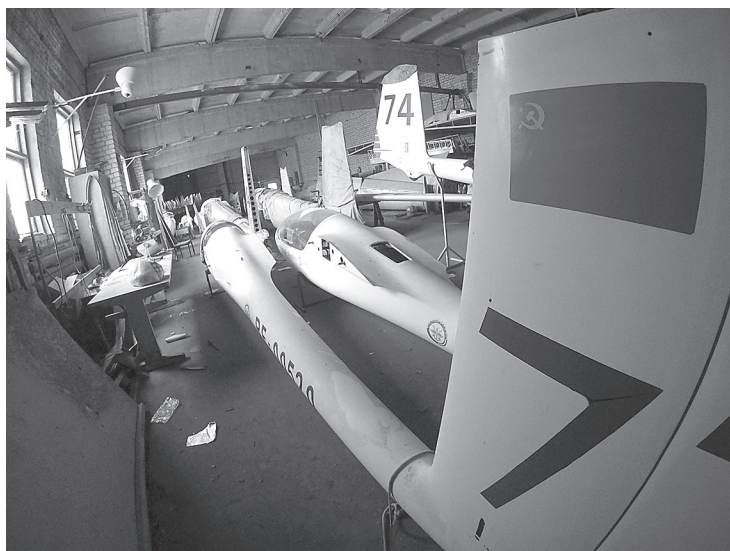
С распадом СССР система финансирования резко меняется, и клубы вынуждены искать источники для дальнейшей работы внутри себя, за счет эксплуатации техники и аренды помещений. Некогда социалистическая собственность оказывается в распоряжении руководства аэроклубов. Государство покидает спортивный планеризм, не уделяя особого внимания ни образованию, ни технологическим процессам, ни юридической специфике, оформляющей экономическую активность и сам порядок осуществления полетов. Однако, несмотря на свободу

ЕГОР МУЛЕЕВ

СТО ЛЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ПЛАНЕРИЗМА: САМООРГАНИ-
ЗАЦИЯ КАК РЕСТАВРАЦИЯ

в выборе регламентов работы, фактически реставрируется старый порядок, но в урезанном виде, поскольку на полноценное воспроизводство прежней модели не хватает ресурсов. Обеспеченность техникой и хорошее состояние матчасти, таким образом, оказываются условиями для консервативного сценария развития. Если после 1991 года в стране стали массово появляться импортные самолеты, мотодельтапланы, парапланы и тому подобное, то планеристы продолжали летать на том, что есть, поскольку техники было в достатке. Единственным изменением стала необходимость платить за аренду. Спустя 30 лет мало что изменилось: по-прежнему все планерные аэроклубы страны ограничены ресурсом техники ДОСААФ СССР.

Илл. 3. Разобранные планера SZD-48 «Янтарь» разных модификаций в ангаре на аэродроме Пугачевка, Орловская область, 2020 год. Фото автора.

В этой связке между военным и гражданским и заключается специфика современного момента. Эта связка наблюдается на уровне и инфраструктуры, и аэродромной повседневности, и нормативного сопровождения. Планеризм оказывается пропитанным противоречиями затянувшегося перехода. Даже памятная дата и та – из СССР. В год столетия планеризма эти противоречия никуда не делись: по-прежнему наблюдаются и попытки бюрократического принуждения, и самоорганизация; и стремление к контролю со стороны государства, и враждебное к нему отношение; и гаражность, и технологичность; и легальность, и нелегальность; и энтузиазм, и дисциплина; и заигрывание с военным распорядком, и таинственное ощущение свободы полета. В этой противоречивой неопределенности единственно определенным является стремление летать – стремление, преследовавшее человека на протяжении многих эпох, но массово реализовавшееся лишь столетие назад.

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Отношение к будущему в прошлом и в настоящем

Вопрос об отношении наших соотечественников к будущему давно занимал команду, созданную Юрием Левадой. Приступив в 1988 году к изучению общественного мнения в СССР, а с 1991-го в Российской Федерации, мы застали кризис первой картины будущего – той, которую предлагало советское государство: оно называло его «коммунизмом». В начале 1990-х мы стали свидетелями кризиса второй картины будущего, которую предлагали так называемые «демократы»: Россия как нормальное демократическое государство с рыночной экономикой входит в «семью европейских народов». Третьей уже никто не предлагал, и довольно быстро фрустрацию по этому поводу заменило то, что

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

Лев Гудков назвал «абортом будущего»: данная категория исчезла из публичного дискурса¹.

В первые путинские каденции тема будущего не была в фокусе общественного внимания: пресловутая «стабильность», по сути, была убеждением, что «как есть, так и будет». Многих это, если им и не нравилось, то устраивало. Последующий отказ от будущего происходил уже по другим основаниям: надежды (или опасения) на вхождение в «семью европейских народов» были вытеснены представлениями о собственном величии, которые явно проявились на фоне конфликта в Грузии (2008) и достигли пика с присоединением Крыма (2014). Охватившего публику восторга хватало на четыре года.

Правда, ситуацию, которая начала тогда складываться, по некоторым признакам можно было считать предвоенной². Опросы той поры часто указывали на опасения, что начнется война (в Украине считали, что она уже идет; в России такого мнения придерживались немногие). А фокус-группы показывали, что это не только опасения, но и нечто вроде согласия на войну (говорили о войне и с Украиной, и с НАТО, и даже о гражданской войне в России). Формировалось ожидание, что война как тотальное нарушение всех обычных норм разрешит множество накопившихся противоречий, «неправильностей» жизни – «все спишет».

Строго говоря, желали не войны, а *состояния войны*: его было бы достаточно для такого очищающего эффекта. Но по-

скольку в реальность эти мечтания преворяли лишь те немногие, кто добровольно ехал на восток Украины, то для остальных это были лишь чувствования, томления сидящих в идеологических траншеях и спрятавшихся от враждебного мира. Будущего они не ждали.

Совсем иное окошко в будущее открыли для себя люди, которые – неожиданно для всех и для самих себя – вышли с объятиями навстречу приехавшим со всего мира болельщикам на Чемпионат мира по футболу (2018). Воцарились легкость и открытость, Америку перестали считать врагом, и оказалось, что это тоже выход, сброс томительных напряжений. Замячила иная жизнь.

Но Чемпионат еще шел, когда в правительстве и парламенте решили под шумок увеличить срок выхода на пенсию³. Подписав этот закон, президент вмешался в личное будущее десятков миллионов людей, у которых впереди был этот рубеж. Гнев их был велик; в этих возрастных группах его рейтинг рухнул, а Путин не любит, когда его не любят. Пошли новые закручивания гаек, вспыхнувший свет угас. Далее началась подготовка к голосованию 2020 года. О том, что за будущее сулят эти поправки к Конституции, граждане, в общем, догадывались: продолженное в бесконечность настоящее.

Отсутствие собственной идеи будущего у россиян не волновало тогдашних политиков. Исключением были попытки самого чуткого среди них предложить «прекрасную Россию будущего». Но эти

1 Подчеркнем: публичного. В сфере личных отношений будущее как категория существовало и выполняло свою роль в конструировании людьми своей жизни, жизни своих детей.

2 Левинсон А., Гончаров С. *Война вместо будущего – выход для аномического сознания* // Вестник общественного мнения. 2015. № 3-4(121).

3 Экономисты-теоретики, безусловно, заботились о будущем страны, учитывали неблагоприятную демографическую ситуацию и ориентировались на опыт других стран по увеличению категории «трудоспособный возраст». Но, как это было и в 2005 году со столь же рационально рассчитанной «монетизацией льгот пенсионерам», экономисты, не имея собственного социального чутья, не слушали социологов. А те предупреждали: люди вашу рациональную логику не поймут и не примут. Так оно и вышло.

идеи имели гораздо меньший успех, чем его призывы к протестам в немедленном настоящем.

После 2020 года опять пошли разговоры, что Путин и его окружение ни о чем не думают, кроме как остаться на своем месте – то есть опять лишают Россию будущего, обрекают ее на стагнацию, от которой все уже устали. Такой взгляд представляется не вполне верным. Во-первых, то бегство из России, которое началось после 24 февраля 2022 года, показало, что в сравнении с перспективами милитаризации, мобилизации и прочего стагнация устраивала не только пропутинское большинство, но и имевшее другие взгляды меньшинство (не будь СВО, не стали бы они уезжать – ворчали бы, молчали, но сидели бы на месте, продолжая делать свое дело). Во-вторых, ход событий с конца 2021 года и далее указывает на то, что Путин и его ближайшее окружение именно о будущем и думали. Причем о будущем не только собственном, но и России, представлявшимся им как возвращенное прошлое – «великий могучий Советский Союз».

Идея вернуться в СССР разделялась не только этой небольшой группой пожилых политиков. Наши исследования показывали, что к тому времени она находила широкую поддержку как у старших поколений, так и у поколений детей и внуков. Однако то была поддержка на словах, без стремления к практическому воплощению – поэтому ее вполне можно считать «национальной идеей», мечтой, которая и должна оставаться таковой, а не становится конкретной политической целью. В качестве широко разделяемой мечты она способна консолидировать общество и выполнять много других функций, полезных если не для него самого, то во всяком случае для верховной власти.

Но Путин, видимо, решил войти в историю как воплотитель национальной мечты. Западу она была ультимативно предъявлена как требование восстановить геополитический расклад в Европе и мире, сложившийся к концу XX века. «Общенародность» мечты, видимо, наделяла Путина чувством исторической правоты, а также надеждой, что на Западе его не только испугаются, но и поймут, и отступят. Тогда новый Союз – Великой, Белой и Малой Руси – раскинется самой большой страной полушария. А это на века, навсегда. Прекрасное будущее – вот оно...

Но Запад уважить нашу мечту отказался, ультиматум посмел не принять. Что делать? Отступить? Нет. Не хотят отдать нам будущее добром, возьмем силой. Молниеносным ударом решим судьбу мира.

Известно, что было дальше. Надежд на скорую победу сейчас нет ни у одной из сторон. С перспективой перемирия большие неясности. Зато на судьбы мира повлиять в самом деле удалось. Глобальное потепление – кто теперь его назовет главной проблемой? Запрет на распространение ядерного оружия – какие новости? Рождаемость в двух крупнейших странах Европы – как с нею?

А что с настроениями российской публики? Свою «терапевтическую» роль конфликт уже оказал, а вот «настоящим» для основной части российского населения он еще не стал. Те, кто убит, кто на фронте, кто в прифронтовых регионах, пока не столь многочисленны, чтобы у большинства возникло ощущение общенациональной беды, катастрофы.

Специально отметим: в первые месяцы после начала СВО те, кто поражен был невозмутимости российского массового сознания, говорили: вот пойдут гробы, пойдут «двухсотые», настроения резко

изменяться. «Двухсотые» пошли, их уже немало, по меркам малых и даже средних городов, – и какова же реакция? Экономисты отмечают: приток денег, которые получают семьи за погибших и которые присылают еще воюющие живые, заметно оживил местный торговый оборот. Эффект покупки государством жизней у подданных – раньше такого не было! – оказался во всяком случае ощутимым. Приходящие в семьи деньги столь значительны, что позволяют строить именно что будущее: брать ипотеку, отправлять детей учиться. Самоотверженность отцов и сыновей, готовых ценой собственной жизни оплатить будущее своих семей, была бы похвальна, если бы к этой цене не добавлялись жизни тех отцов и сыновей, которые они отнимут.

Антропологи и демографы сетуют, что в последние десятилетия цена человеческой жизни в российском обществе остается невысокой. При нашей – низкой – рождаемости цена жизни индивида должна была бы резко повыситься – однако она осталась на уровне, свойственном эпохе многодетности. В России велика мужская смертность от «неестественных причин», сохраняется идеология военных и штатских начальников, до сих пор убежденных, что экономить «живую силу» не нужно, ведь «бабы новых нарожают» (если не будут пользоваться контрацептивами, добавляют они). Большие деньги, которые стали платить за участие в боевых действиях, и очень большие – за увечья и гибель, вроде бы повысили цену жизни. Нет, они повысили цену смерти. Появились расчеты, которые показывают, что для мужчины средних лет повоевать полгода и погибнуть – значит, принести своей семье столько денег, сколько он не принес бы за всю свою трудовую жизнь. Цена смерти выше цены жизни.

Возможно, описанные выше факторы влияют на то, что массовых антивоенных выступлений в России не видно. Желание «перейти к мирным переговорам» вместо «продолжения военных действий», выражаемое в нынешнем июле 51% опрошенных, – это не протест против текущей ситуации. Ведь 60% считают, что СВО продвигается «успешно».

Но почему рост числа «двухсотых» не сказался на массовых настроениях? Возможно, фактором более существенным, чем деньги, здесь оказался сам статус контрактника в массовом восприятии. Еще в афганскую войну наши исследования показали, что отношение к участию в военных действиях призывников, срочников, с одной стороны, и кадровых военных, с другой, было у российской публики совершенно различным. Призывники, «наши мальчики», не должны идти на войну и там гибнуть, посылать их туда преступление – так звучали голоса общественности. А вот по поводу «профессиональных» военных таких голосов слышно не было. Почему? А потому, что «это их работа», они добровольно (так считалось) ее выбрали, и смерть, значит, также была ими выбрана добровольно.

С самого начала СВО наблюдатели говорили – кто с изумлением, кто с возмущением или даже одобрением, – смотрите: жизнь в российских городах идет как ни в чем не бывало. Люди развлекаются, гуляют, рестораны полны. Потом стали указывать, что и политика местных властей поддерживает эти настроения: устраиваются разные празднества, а на них акцентируется не военно-патриотическая нота, а сугубо мирная и беззаботная.

Эти наблюдения вкупе с данными опросов позволяют сказать, что сбылось то, что мы заметили еще в 2015 году. Война

«на удаленке» оказалась не общей бедой, а общим целителем разных социальных немощей и разрешителем социальных коллизий. Сравним настроения

(по данным «Левада-центра»⁴) декабря 2021 года, за два месяца до начала СВО; апреля 2022-го, через два месяца после ее начала, и июля 2023-го:

	Декабрь 2021 года	Апрель 2022 года	Июль 2023 года
Считаете ли вы, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или вам кажется, что страна движется по неверному пути?			
<i>Дела идут в правильном направлении</i>	48%	66%	66%
<i>Страна движется по неверному пути</i>	44%	24%	23%
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?			
<i>Одобрятью</i>	65%	82%	82%
<i>Не одобряю</i>	34%	17%	15%
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность правительства России?			
<i>Одобрятью</i>	49%	68%	69%
<i>Не одобряю</i>	49%	29%	23%
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Государственной Думы России?			
<i>Одобрятью</i>	41%	58%	58%
<i>Не одобряю</i>	58%	38%	35%

Заметим: благорасположение россиян распространилось не только на верховного главнокомандующего, но и на обычно нелюбезные их сердцу правительство и парламент. И если в конце 2021 года в будущее – свое и России – с беспокойством смотрели 57% и 61% соответственно, то СВО от этого

излечила. В июле 2023-го «уверенность в завтрашнем дне» декларировали 62%. Они уверены, что ситуация останется такой же, какую они видят все эти месяцы. Мира не ждут, 48% полагают, что военные действия продлятся «не менее года». Их эта перспектива устраивает. Пока устраивает.

4 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Как жить, собирать и думать:

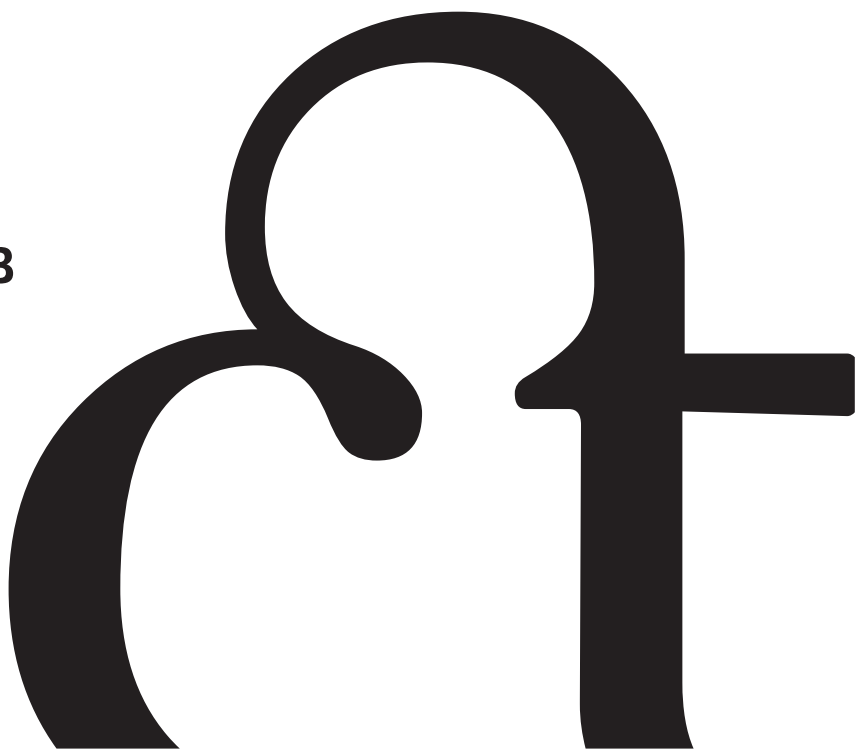
обзор российских
интеллектуальных журналов

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Э тот обзор будет, пожалуй, самым разнообразным по тематике обсуждаемых номеров за последнее время – почти никаких совпадений и пересечений. Есть темы фундаментальные и остроактуальные, теоретические и даже практические. Существенный вклад в это разнообразие внес дебютирующий здесь междисциплинарный журнал «Versus» из Санкт-Петербурга. Мы обсудим два его номера: о публичности и о приключениях природы в дискурсах и искусстве. В свою очередь «Логос» вернулся к чистой философии и посвятил номер Гегелю в прочтении аналитических философов. «Ab Imperio» продолжает поиски подходов к постнациональному обществу, «Stasis» обсуждает, как строить жизнь в актуальных условиях, а «Художественный журнал» посвятил номер феномену коллекционирования.

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

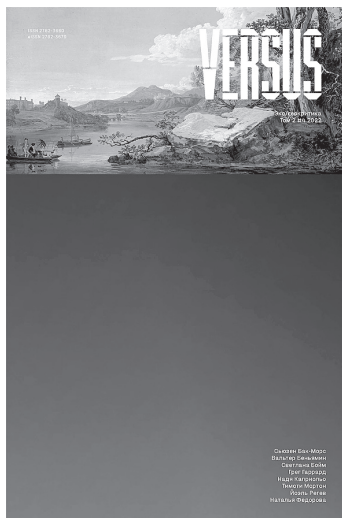
НЕПРИРОДНОСТЬ ПРИРОДЫ

«*Versus*» – междисциплинарный журнал, основанный в 2021 году. На его сайте заявляется, что он задуман как «форум по продвижению нового знания и обмену свежими идеями между представителями различных дисциплин в процессе изучения общего предмета». Декларируемые ориентиры – дискуссионность, новизна и поиск, поэтому нет ограничений на формат и жанр материалов, что заметно уже по номерам, которые мы обсудим: здесь есть и академические тексты, и художественная критика, и автобиографическое эссе.

Начнем с четвертого номера «*Versus*» (2022), посвященного теме «Эко/геокритика». За этой лаконичной формулировкой скрываются весьма разнообразные материалы, которые можно было бы объединить вопросом «Как говорить о природе?».

Дискуссию открывает Грег Гаррард. Он дает обзор четырех радикальных направлений *энвайронментализма*, противопоставляя их идее неисчерпаемости ресурсов. Неисчерпаемость в представлении многих экономистов, демографов и промышленников достигается развитием технологий и капитализма. Они предполагают, что дефицит – «это экономический, а не экологический феномен и справиться с ним помогут предприниматели-капиталисты, а не снижение потребления, за которое ратуют *энвайронменталисты*» (с. 9). Вероятно, каноническим примером для сторонников этой позиции является неисполнение прогноза Мальтуса. Гаррард разбирает позиции глубинной экологии (процветание ценой сокращения численности населения), *экофеминизма* (отказ от андроцентрического дуализма), *экомарксизма* (ресурсы неисчерпаемы, но надо сменить политическую структуру общества) и хайдеггерянского *энвайронментализма* с его антипрогрессизмом. Одним из ключевых пунктов расхождения между ними и сторонниками

идеи неисчерпаемости является отношение к природе: первые ратуют за признание самоценности природы, последние же считают, что она ценна постольку, поскольку полезна (с. 11).

Многое, в конечном счете, упирается в *концепцию* природы, которая может быть реализована не только в *экодискуссиях*, но и в художественных произведениях, формирующих режимы чувственности обществ. Отталкиваясь от этого, свой вариант *экокритики* предлагает Тимоти Мортон. Это *этико-эпистемический* проект: он строит *экологию без природы*, чтобы противостоять *нормативным* концепциям природы «во имя существ, чувствующих и страдающих в катастрофических экологических условиях» (с. 37). При этом Мортон опирается на собственные штудии представлений о природе в искусстве. Историзируя их, он показывает, что природа – сугубо риторический конструкт, не имеющий независимого существования за пределами текста. Поэтому необходимо перехватить использование риторического эффекта природы в искусстве и политизировать его ради поддержки *энвайронментализма*.

Тематику природы в литературе продолжает Надя Каприольо. В фокусе ее вни-

мания – отчуждение и коммодификация природы в советской и постсоветской литературе – в частности, в романах «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина и «Зона затопления» Романа Сенчина. Выбор романов продиктован общностью сюжета: принудительное переселение деревни в преддверии ее затопления из-за строительства ГЭС. В экокритике Каприольо природа предстает проекцией переживаний и насилия людей.

От художественных текстов к художественным объектам. Следующие два текста посвящены интерпретации трех проектов медиаискусства в жанре *deep media* – «Геологической трилогии» Дмитрия Морозова (::vtol:), – которые представляют собой эффектные технологичные установки, воспроизводящие те или иные физические явления – например, магнетизм. Художник обращается к нарративам о советском «углублении» в природу и его последствиях, встраивая их в свои интерактивные механизмы: сверхглубокая шахта на Кольском полуострове, Сихотэ-Алинский метеорит, магнетизм которого зависит от температуры, и высыхающее Аральское море.

Йозель Регев анализирует эти проекты с точки зрения типологий *машинности* Ансона Рабинбаха и Маттео Пасквинелли (механические и энергетические машины, карбоновые и кремниевые) и пытается показать, что инсталляции Морозова – это машины нового, третьего, типа. Они перерабатывают информацию и изменяют ситуацию и ее прошлое, помимо сознания и воли человека (с. 66, 68). Эти «машины расположения» исходят из нужд ситуации, а не человека. Однако при таком философском прочтении теряется собственно художественность: без нее это действительно странные машины, не выполняющие никакой работы и ни во что не вписанные, но и не обладающие художественной действенностью.

Наталья Федорова дает более контекстуализированную интерпретацию. Она свя-

зывает работы Морозова с исследованием зыбкого присутствия *советского* там, где когда-то действовал советский модернистский проект по колонизации природы: от глубин земли до космических высот. Это прочтение вполне соответствует собственным экспликациям художника, но все еще остается неясным, зачем для такого сообщения понадобилось искусство.

Думается, нетривиальные проекты Морозова заслуживают быть понятыми в качестве того, чем они являются, а не сводиться к иллюстрациям каких бы то ни было нарративов. Обсуждение проектов медиаискусства в контексте темы номера упускает одно тривиальное обстоятельство: эти проекты сделаны в рамках технауки и разделяют ее допущения. Это не нейтральные инструмент и оптика, они нуждаются в тематизации, а не в интерпретациях, которые смотрят «сквозь». Они обладают специфической материальностью, напрямую связанной с производством природы наукой и техникой, и в этой плоскости могут быть полезны для экокритики.

Также в номере читатель найдет интереснейшее автобиографическое эссе исследовательницы Светланы Бойм, публикация которого началась в предыдущем выпуске журнала. Она вспоминает жизнь в СССР до отъезда и визиты в Россию в 1990–2000-е, изменение своей ностальгии и ощущения себя относительно меняющегося культурного ландшафта страны.

Закрывает номер публикация главы о моде и сексуальности из неоконченных «Пассажей» Вальтера Беньямина. В фокусе его внимания особенности и утопические грезы буржуазного сознания, овеществление, товарный фетишизм и изменения статуса тела. Постепенная публикация *opus magnum* Беньямина – долгосрочный проект журнала, данный фрагмент уже третий. В этот раз его сопровождает комментарий Сьюзен Бак-Морс.

БЕЗНАДЕЖНАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ

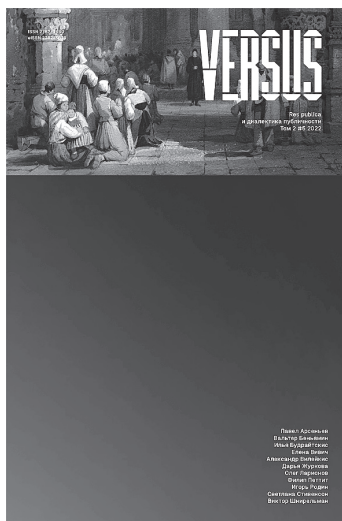
Следующий, пятый, номер «Versus» (2022) посвящен перипетиям республиканизма и публичности в российском контексте. Его открывает интервью с классиком теории республиканизма Филипом Петтитом, посвященное свободе и ее ограничению со стороны структурного насилия норм и конкретного насилия обстоятельств (с. 9). Обсуждение республиканизма дополняет обстоятельная рецензия Олега Ларионова на сборник «Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века» (2021).

Все ли практики гражданской активности и самоуправления положительны? Светлана Стивенсон ставит это под сомнение в своем исследовании сценариев советских практик *проработки*, то есть публичного клеймения, на местах работы и учебы. Выбор темы не случаен, поскольку клеймение – моральное негодование – широко распространено и сегодня, воплощаясь в работе этических комиссий, культуре отмены и в социальных сетях. Стивенсон показывает, что в советском варианте проработка имела самое косвенное отношение к моральному исправлению и перевоспитанию: это был механизм социального исключения и утверждения советского порядка (с. 25) через разыгрывание «театра абсурда», априорного чувства вины и неясности происходящего (с. 29).

«Собрания, риторически конструируя безусловное зло из обыденных или легко объяснимых в повседневной практике поступков, выводило участников из области повседневного в область метафизического, фантазмагорического, сакрального. В процессе собраний утверждалась власть Закона, со всей его безраздельной, непроясненной и карательной мощью. [...] на поверхность вырываются прежде подавляемые чувства зависти, злорадства, наслаждения властью (пусть и сиюминутной) над другим человеком. Эти атрибуты социаль-

ного клеймения, похоже, присутствуют и в современном обществе» (с. 37).

Проработка была механизмом формирования двоемыслия и циничных субъективностей, удобных для общества и готовых приспособливаться к нему, делая вид, что самые деморализующие его практики – лишь формальность, но одновременно полноценно вовлекаясь в них.

Во второй части номера обсуждение производства субъектов продолжается в других контекстах. Например, Елена Вивич проясняет корни давнего конфликта феминизма и психоанализа и анализирует текстуальные механики формирования феминистской субъектности. Привлекая разнообразный материал, она доказывает, что причина конфликта не столько в содержательных различиях, сколько в сходстве принципов устройства дискурсов: феминистская оптика многое заимствует у психоанализа (с. 56). Заимствование произошло во времена французского феминизма второй волны, лакановского психоанализа и фрейдомарксизма. Они «схожим образом находят решения схожих проблем, но решения эти лежат в разных плоскостях» (с. 56). Феминистская оптика тоже ищет

симптомы, но роль сознания играют отдельные случаи, а бессознательного – социальная система прескрипций, объективируемая в феминистских текстах (с. 73).

Вивич подвергает феминистские тексты лингвистическому анализу и формулирует нетривиальный тезис: эти тексты структурируются прескрипциями о том, что хорошо или должно, и дескрипции в этих текстах подчинены задаче обоснования этих предписаний (с. 58–60). Именно «прескриптивная часть ответственна за создание политической субъектности» (с. 68), причем смысл прескриптивов определяется вне зависимости от контекста их связи между собой. Тему языковой детерминации субъективности продолжает Игорь Родин. Он привлекает внимание к тому, как меняется субъект из-за трансформаций языка, вызванных его калькированием.

От языковой детерминации субъектов – к политической. Виктор Шнирельман обращается к изучению советской и постсоветской политик памяти на примере двух объектов: беседки в Нескучном саду, построенной в 1951 году к 800-летию Москвы, и оформления Боровицкой площади и Александровского сада, относящегося к 2010-м. Исследователь показывает, что в обоих случаях мемориальная культура подчеркнута милитаризована, маскулинна и замещает травму триумфом, а историю – мифом (с. 128–130, 138–139). Однако постсоветский нарратив выдвигает на первый план роль руководителей и царей в ущерб роли народа, вносит религиозную составляющую (с. 140) и отодвигает на задний план революцию. По оценке Шнирельмана, это *архаизирующий* нарратив: религия вместо космоса и науки, цари вместо людей. «Никакой понятной массам нравственной идеи здесь нет, как нет и осмысленного пути к будущему. Отсюда цинизм, разъедающий как элиту, так и массы» (с. 142).

Эта пустота, можно предположить, является следствием другого свойства

государственной политики, исследуемого Шнирельманом в книге «Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии» (2022). В рецензии на нее Илья Будрайтскис комментирует тезис Шнирельмана о «конспирологии сверху», согласно которому конспирология стала структурообразующим инструментом господствующего описания реальности. В ее центре – реинтерпретированная библейская «идея “удерживающего”, России как мессианского препятствия на пути зловещего плана мирового господства, который пытается реализовать секретная глобальная элита» (с. 154). Будрайтскис, в целом соглашаясь с выводами Шнирельмана, оспаривает отождествление этой идеи и антисемитизма с эсхатологией в целом, поскольку последняя все же предполагает образ желаемого будущего, чего нет в конспирологии «удерживающего». Кроме того, он отмечает – вопреки Шнирельману, – что конспирология не атавизм домодерного мышления, а продукт секуляризации и «темная» сторона Просвещения. Рецензия Будрайтскиса интересна обзором истории и перипетий конспирологического мышления в СССР и России от оппозиционного и андерграундного до мейнстрима, востребованного государственной элитой.

Завершается номер очередной частью «Пассажей» Вальтера Беньямина, посвященной архитектуре и катакомбам Парижа, его античным корням и современности.

ПРИУЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ

Журнал «Логос», давно ставший междисциплинарным, возвращается к философии, посвятив очередной номер (2023. № 2) интерпретациям Гегеля в аналитической философской традиции. Сочетание, может быть, неожиданное, но, как оказалось, выигрышное. Гегель на языке аналитиков яснее и прозрачнее самого Гегеля и большинства его интерпретаторов. Это созна-

тельная стратегия, ведь передача мысли Гегеля его языком еще сильнее затрудняет понимание и так непростого философа, работая как испорченный телефон.

Аналитическое прочтение избегает вчитывания в Гегеля догматической идеалистической метафизики и стремится «приземлить» его, увидев в его построениях размышления об известном нам мире – например, о системе науки как коллективного познания. «Философский язык не несет в себе прямой референции к миру, но он указывает на способы толкования и понимания категорий, эмпирических терминов и т.п., которые косвенно отсылают к предметам в мире» (с. 5). Кроме того, в этом прагматизирующем прочтении философия Гегеля становится современной нам в качестве «ящика с инструментами» для работы здесь и сейчас.

Например, Терри Пинкард интерпретирует логику Гегеля в нормативном ключе – как прояснение логики *уже имеющегося* мышления (скажем, того или иного научного мышления, с. 35). Это прояснение он анализирует через идею языковых игр: «термины приобретают свое значение (свою определенность) в силу ходов, которые они совершают в языке (игре)» (с. 11). Предполагается, что каждое понятие – позиция в игре, и мысль *выводит* из одного понятия другое, тем самым двигаясь к нему. В конечном счете, приходит к выводу Пинкард, «Гегель не просто немецкий романтик XIX века, слушающий собственные заклинания о Мировом Духе, но философ, озабоченный тщательной разработкой логических отношений между всеми различными способами, которыми мы переживаем вещи и говорим об этом опыте» (с. 36).

Такое понимание Гегеля сближает его с кантовским трансцендентализмом. К этому близок Пирмин Штекелер-Вайтхофер, рассматривающий Гегеля как продолжателя критической линии Канта на территории философии языка. В его оптике логика

предстает как «анализ логической формы локальных областей речи» (с. 40). Аналогично Роберт Пиппин показывает, что – вопреки расхожему представлению – Гегель понимал метафизику не догматически, а прагматически: он соединял аристотелевское понимание метафизики как изучения условий мыслимости обычных объектов (с. 84) с посткантовской логикой (с. 98).

Иным пути пошел Джон Макдауэлл: он прочитывает Гегеля через Витгенштейна и прагматизм. По его мнению, немецкий философ тематизировал переход от традиционной к современной культуре и смену статуса нормативности с укорененной в природе на произведенную сообществом (с. 170). В такой оптике Гегель оказывается философом-терапевтом, который не столько решает философские проблемы, сколько показывает их концептуальный исток. Этот момент внятно разбирается Гаррисом Рогоняном в обзоре «приручения» Гегеля Макдауэллом.

Например, гегелевский тезис о тождестве субъекта и объекта Макдауэлл перетолковывает как указание на принципиальную познаваемость мира и *тождественность* концептуальной структуры мира концептуальной структуре опыта. Это позволяет

уйти от учреждающего пропасть между ними представления о природе как каузально замкнутой системе, поскольку каузальное ограничение дополняется рациональным, и прийти к критически вооруженному здравому смыслу (с. 160–161). Терапевтический характер системы Гегеля в интерпретации Макдауэлла – прямое следствие гегелевского утверждения безграничности концептуального и тождества субъекта и объекта, ведь из этих ходов следует снятие пропасти между разумом и реальностью. Более того, в этом прочтении усвоить систему Гегеля значит не приобрести еще одну теорию, а прояснить уже известное до всякой философии.

Блок с материалами аналитического прочтения Гегеля дополняют статьи российских исследователей. Денис Маслов, редактор-составитель номера, уточняет статус диалектики по отношению к формальной логике и приходит к ее пониманию как прагматической «рефлексивной стратегии понятийного (категориального) исследования» (с. 111). Ольга Ивашук демонстрирует тупиковость попыток решить проблему различения добра и зла в рамках кантианства и возможность сделать это при помощи систем Гегеля и Шеллинга.

На подступах к постнациональному

В 2023 году «*Ab Imperio*» продолжает свой основной проект по развитию эпистемической деколонизации и концентрируется на «пересмотре исторических проблем и теоретических подходов, традиционно описываемых в рамках телеологической и бинарной оппозиции империи и нации, гибридности и аутентичности, архаизма и модерности» (с. 16). Ревизия аналитического языка дополняется анализом природы группности и механизмов, *производящих* и поддерживающих универсальность, раз-

нообразии и множественности социальных агентов. Эти задачи резюмируются годовой темой «На пути к постнациональной истории Евразии: деконструкция империи и денационализация группности».

Первый в 2023 году номер «*Ab Imperio*» посвящен «Динамике империализма и национализма в Евразии». Его смысловым ядром является поиск *постнациональных подходов* к описанию «сложных, нетерриториальных, постнациональных форм лояльности» (Аржун Аппадурай). Такие подходы должны быть вне нациецентричной эпистемы и сопровождающей ее эссенциализации. Однако речь не идет о поиске новых политических форм после государства для прежнего «населения» или «гражданского общества». Эти прежние формы обнаруживают архаичность и оказываются под вопросом, который можно свести к следующему: почему люди, проживающие на определенной территории, должны испытывать социальную солидарность друг с другом (с. 31)? Национальная принадлежность является сегодня лишь одной из форм солидарности, но это игнорируется государствами. Отсюда распространение *национализмов без нации*, навязывание национального (например через гражданский патриотизм, религиозный фундаментализм, ксенофобию и, наконец, войну), но ценой его еще большего распада. Общества оказываются в постнациональном состоянии, однако вынуждены продолжать жить в современных национальных государствах; примирить это противоречие, найдя новые политические формы, – задача, одновременно практическая и эпистемическая.

Блок «Мысленная разметка» посвящен теоретическим размышлениям. Так, Марлен Ларюэль указывает на базовый конфликт в дискуссиях о деколонизации Евразии как политического пространства и исследовательского поля. Это противоречие между эмансипационными задачами таких дискуссий и нациецентризмом социальной

критики, из которой они исходят. В качестве альтернативы нациецентризму Сагоши Мизутани предлагает теорию *трансимперской истории*, делая ставку на межколониальную *солидарность* разных групп угнетенных (с. 42) и отказ гегемонным группам в их притязаниях на власть. Солидарность, обеспечиваемая активной антиколониальной политикой, порождает процессуальную и ситуативную гибридную группность, пересекающую национальные границы. Мизутани утверждает, идея гибридности – это ядро теории постнационального (с. 43).

Другой вариант реализации такой гипотетической и трансграничной горизонтальности предлагает Тамар Ширинян. Она обращает внимание на национальный контроль населения и жесткость идентичностей, производимых нацией. В качестве альтернативы Ширинян предлагает *квир-диаспоры* (с. 66–67) – антиэссенциалистский теоретический объект, исходящий из перемещения (*dislocation*) как основополагающего экзистенциального и эпистемологического состояния. «Квир» же означает способность создавать политические возможности в противостоянии господствующим нормам: в постнациональном обществе ключевую роль играет уже не национальность, а *опыт идентичности*.

В чем-то поддерживая идею диаспоризации, Марко Пулери предлагает идею *архипелага* русскоязычных сообществ разных стран (с. 91). В своих размышлениях он отталкивается от исследования русскоязычной украинской литературы и выдвигает императив *растождествления* языка и страны. В концепции Пулери множественность, полицентричность архипелага нейтрализует идею гомогенного «русского мира» и русского языка в пользу множества локально развивающихся русских языков, продуктивно взаимодействующих с местными культурами.

Блок эмпирических исследований открывается статьей Богдана Павлиша о перепле-

тении политических и культурных целостностей в раннее Новое время. Свой подход он называет *номадической историей* в противоположность национальной «территориальной» истории и отталкивается в нем от аналитических проблем и вопросов, а не фиксированных территориальных единиц и групп. Это дает ему возможность поочередно прибегать к разным пространственным перспективам, не будучи привязанным только к одной из них (с. 103).

Исследования Риккардо Николози и Светланы Сувейкэ посвящены судьбе конкретных общностей. Николози анализирует устройство современного дискурса боснийской нации как нации мультикультурной и исламской. Этот дискурс выстраивался в 1990-е боснийскими писателями разных поколений, которые реагировали на сербский национализм и отсылали к османскому историческому наследию. Николози выявляет противоречия между религией и этнической принадлежностью, исламским универсализмом и боснийской национальной обособленностью. Сувейкэ же обращает внимание на поиски бессарабскими элитами нового статуса для Бессарабии после распада Российской империи. По сути, элиты оказались между двумя национализирующими проектами: и русские белоэмигранты, с которыми они связывали надежды на восстановление российского имперского режима и присущего ему партикуляризма, и румынские элиты придерживались националистических взглядов.

Завершается блок статьей Ильи Герасимова о дефолте 1998 года как первом симптоме проблематичности российского национального проекта. Основная проблема, по его мнению, глобальна и затрагивает многие государства. Она состоит в попытке построить национальное государство в обществе, которое находится в постнациональном состоянии, подготовленном глобализацией и приоритизацией универсальных прав человека (с. 153). Симбиоз

республиканизма и национализма, бывший фундаментом национальных государств, уже не работает. В западных странах финансовая мощь и отлаженные национальные институты еще компенсируют это расхождение, но в постсоветских государствах такой «подушки» не было. Поэтому они первыми столкнулись с этой проблемой – необходимостью изобрести новую форму политической субъектности для постнационального общества (с. 155; для балтийских республик решением стало принятие в Евросоюз). На постсоветском пространстве национальное государство оказалось в условиях ослабленной национальной солидарности, развития трансграничных форм солидарности и системного кризиса доверия граждан к государственным механизмам. Оно уже не могло, как прежде, мобилизовывать и контролировать население, и недавняя мобилизация в России была лишь последним средством вернуть общество в национальное состояние.

Также в этом номере читатель найдет интересное исследование позднесоветской интеллигенции как *ситуативной сборки*, а не статичной группы. Екатерина Мельникова показывает, как конкретная задача – восстановление древнего монастыря на острове Валаам – конституировала интеллигенцию как эмоциональное сообщество и коллективного социального актора и как эта сборка распалась после того, как задача перестала быть актуальной.

ЖИЗНЬ КАК ПРОЕКТ И СОБЫТИЕ

Актуальный контекст обуславливает неотложность вопроса, ставшего ведущим для «*Stasis*» (2022. № 2): «как сориентироваться и как правильно действовать в катастрофической и неопределенной ситуации?» (с. 7). В номере обсуждаются философские проекты выстраивания нравственной и практической жизни.

Как вообще возможен нравственный поступок? Жак Деррида когда-то сформулировал серию апорий в его основании (с. 16), которые делают дружеский поступок, прощение или дар непредставимыми и невозможными в силу их неотличимости от прагматических двойников – преследования выгоды и исполнения ритуала или закона, пусть даже нравственного. «Вообще невозможно представить реальные основания для того, чтобы быть нравственным, – наличие таких оснований делает поступок прагматичным, но не нравственным» (с. 20). Андрей Железнов разбирает эти апории и предлагает искать выход из них в переосмыслении отношений между поступком и результатом (с. 24): нравственность может быть ценной сама по себе, а не в силу ее оценки как соответствия чему-то. Поступок должен быть помыслен как *событие*, а не результат. Для этого он обращается к идеям Жиля Делёза и Джона Милбанка. Решение Железнова предполагает, что нравственный поступок – это переход к *новому* состоянию, причем «новая социальная связь не определяется никакими обязательствами или выгодами; ценить такой переход к неизвестному новому, к новым отношениям, верить в ценность этих новых отношений, – это и значит быть нравственным» (с. 27).

Получается, что продуктивность деятельности и в целом активация индивида – возможный путь этической самотрансформации. Это отчасти подтверждается тем, что она обнаруживается в ядре очень разных философий. Так, Юлия Попова выявляет преобразующую коллективную деятельность в ядре стратегий строительства «объективной жизни» в двух несхожих проектах: сакральном материализме Павла Флоренского и деятельностном подходе Эвальда Ильенкова. В случае первого это литургия как «перводеятельность, [...] которая превращает индивидуальные, субъективные практики в объективную,

“вселенскую форму”» (с. 43). В случае второго – это труд, в котором отдельные тела преобразуются в коллективное неорганическое тело культуры (с. 50). Обе деятельности размыкают субъекта на встречу тому, что его превосходит. Попова противопоставляет такую активацию меланхолически-бессильному созерцанию господства и неизбежности капитализма. В свою очередь Анна Чальцева показывает, что, чтобы осмыслить ветвящиеся условия человеческой деятельности, необходимо переосмыслить связанные в один проблемный узел феномены смерти и природы, устранив их чуждость и противопоставленность человеческой жизни.

Какая-то форма коллективной деятельности должна возникнуть в жизни индивида достаточно рано, чтобы быть усвоенной в качестве базовой ориентации в мире. Например, теоретик русского авангарда и коллекционер игрушек Николай Бартрам мыслил игрушки как «подготовительный класс к жизни» (с. 66). Александр Марков, анализируя концепцию Бартрама при помощи акторно-сетевой теории, осмысляет игрушки как инклюзивную лабораторию по производству нового жизненного мира с некапиталистическими социальными и трудовыми условиями и соответствующими режимами чувственности (с. 73). В этой лаборатории происходит трансмедийный перевод внеполитической эстетики в политическую (с. 76).

Подобной игрушкой, только обернувшейся кошмаром, стал скандальный арт-проект «Дау» Ильи Хржановского. Тотальный перформанс, который должен был стать разоблачением советской действительности, в силу своего устройства обернулся воспроизводством этой самой действительности. Конфигурацию отношений между участниками и руководителем проекта анализирует Кети Чухров.

Также в номере опубликована дискуссия об этике, посвященная книге Артемия Ма-

гуна «От триггера к трикстеру», в которой излагается диалектическая теория этики:

«Диалектика позволяет, во-первых, учесть многоголосие этического выбора и многооставность этического субъекта, а во-вторых, обеспечить практическое применение противоречащих друг другу принципов на основе иерархии этических миров» (с. 131).

Участники дискуссии очерчивают теоретико-политический контекст создания книги и обсуждают ее основные аргументы и решения.

Завершает номер рецензия Георгия Ванунца на книгу Грегугара Шамаю «Неуправляемое общество. Генеалогия авторитарного либерализма» (2021). Она посвящена развитию теорий менеджериализма и их влиянию на управляемость демократии. Менеджер обретает моральную автономию, когда в первой половине XX века происходит разделение владения и управления, собственников бизнеса и нанимаемых им менеджеров.

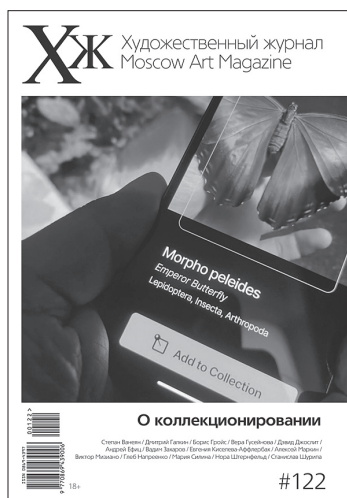
«Если собственник больше не управляет фирмой максимально эффективно в своих интересах (так как он не управляет ею вообще), а интересы менеджера вовсе не обязательно связаны с максимизацией прибыли фирмы, то за счет чего вообще сохраняется положительный вклад корпоративного капитализма в общее благо?» (с. 160).

Этот вопрос стал ведущим в поисках теорий менеджериализма, краткий обзор которых в контексте проблематичного союза рынка и демократии дает Ванунц вслед за Шамаю. Эти поиски и ряд других процессов, по мнению автора книги, привели к становлению авторитарного либерализма, защитившего господствующий тип производства от демократических требований (с. 169).

СОБИРАТЬ И ПОКАЗЫВАТЬ

Новый номер «Художественного журнала» (2022. № 122) посвящен коллекции как специфическому объекту, его устройству, а также практике и мотивам коллекционирования. Журнал и ранее затрагивал тему музейных коллекций, но впервые организовал прицельное обсуждение частных коллекций как важной части арт-системы.

Как отмечается в редакционном предисловии, коллекционирование заключает в себе противоречие. С одной стороны, оно очевидно порождено рыночными отношениями – с другой, устремлено к их преодолению, поскольку коллекционирование мотивируется далеко не только и не столько коммерческой выгодой. «Товарный фетишизм в собирательстве достигает своей высшей точки, становясь страстью, которая, однако, выводит его за пределы духа стяжательства и коммерческих интересов» (с. 3). В центре внимания участников обсуждения преимущественно все, что не связано с коммерческой составляющей. Можно предположить, что отчасти это обусловлено тем, что художественный рынок в стране относительно слаб и многие коллекции, даже постсоветские, собирались и собираются не в рамках рыночных правил.

Открывающий дискуссию Дмитрий Галкин сразу расставляет флажки. Он перечисляет расхожие, но ограниченные способы объяснения феномена коллекционирования: товарный фетишизм, инструмент культурной памяти и анальная стадия в схематике психоанализа. Их ограниченность он поясняет примерами из личного опыта общения с коллекционерами:

«Говоря о серьезном частном коллекционере как герое позднего капитализма, мы видим довольно сложную систему/модель социализации художников и искусства, в которой частная коллекция и ее хозяин функционируют в качестве одного из социальных хабов, позволяющих создавать сети и узлы отношений всех участников этого культурного процесса» (с. 11).

Поэтому Галкин сравнивает коллекционера с *куратором*: оба собирают множество (коллекцию, экспозицию) и исходя из идейных и художественных оснований принимают на себя дополнительную ответственность в конкретной культурной ситуации. (Правда, тем самым коллекционер все еще формирует товарную ценность искусства.) Вера Гусейнова поясняет сближение фигур коллекционера и куратора: дело в том, что один из главных смыслов коллекционирования – показ коллекции, а значит, создание экспозиции и кураторская работа по упорядочиванию и отбору объектов. Зачастую эта необходимость становится толчком к систематизации коллекции ее владельцем (с. 58). Вдобавок, замечает Борис Гройс, любые коллекции деконтекстуализируют произведения (с. 103), поэтому не имеют никакого естественного или «родного» нарратива и требуют его изобретения куратором-владельцем.

Галкин провел небольшой опрос художников и кураторов, поэтому в заключение статьи приведена коллекция весьма ценных размышлений респондентов о том, зачем занимаются коллекционированием и что

такое коллекция. Среди них есть идеи, которые далее развиваются авторами номера: например, «коллекция должна звучать как оркестр» (с. 12) и «коллекция – расширенная “самость” коллекционера» (с. 13).

Здесь же Виктор Мизиано в своем ответе цитирует Валерия Подорогу: «истинному коллекционеру всегда не хватает последней вещи, чтобы завершить коллекцию; [...] в этой “нехватке” – суть собирательства» (с. 15). Значит ли это, что коллекция всегда не завершена, а желание коллекционера подобно накопительству? Ответ на этот вопрос ищет Глеб Напреенко. Опираясь на психоанализ, он проводит границу между накопительством и коллекционированием как сторонами собирательства. В коллекции объект перестает быть объектом и становится на фоне множества *вещью*, «бытие которой обладает собственной внутренней связностью» (с. 31). В интерпретации Напреенко элемент коллекции *метафоричен*, отсылает к чему-то иному. Это сублимированное отношение к вещи. Метафора вводит эффект многозначия, «и так далее», а значит, коллекция – *состоявшееся*, но потенциально продолжаемое высказывание (с. 35). Накопление же – метонимия влечения, оно не может остановиться – таково десублимированное отношение. Напреенко приводит примеры художественных проектов, в основании которых была игра сублимации и десублимации: скажем, колонна Курта Швиттерса в его доме, которая росла и наполнялась памятными вещами вплоть до его бегства в Норвегию.

Идею коллекции как зафиксированного высказывания иллюстрирует случай Вадима Захарова, размышления которого опубликованы в этом номере «ХЖ». Он начал коллекционировать и архивировать работы московских концептуалистов еще в начале 1980-х, когда они ничего не стоили и вполне могли оказаться на свалке. Захаров понимал свою деятельность как «заполнение ниш» (с. 41). «У этой стратегии есть

одна характерная черта – ее завершение четко зависит от поставленной задачи. Пустые ниши рано или поздно наполняются, и тогда продолжать не имеет смысла» (с. 47). Он проговаривает ключевой момент: художнику важно знать, где и как хранятся его работы. Поэтому с какого-то момента коллекция – если она систематизирована, открыта и ею занимаются, если у нее «аутентичная платформа» – может начать сама притягивать работы (с. 48).

Рассказ Захарова о своей коллекции подтверждает два тезиса Веры Гусейновой. Во-первых, о том, что возможность рассказать историю коллекции – важное условие ее существования (с. 51). Во-вторых, что одна из функций коллекционирования – производство культурных ценностей через легитимацию объекта как искусства. Коллекционеры зачастую скупают работы молодых художников или новых направлений, и это становится первым шагом их признания и введения в официальное поле (с. 53). В этом заключается специфическая культурная ответственность, о которой говорит и Галкин.

Если Гусейнова работает с материалом поздней и постсоветских коллекций неофициального искусства, вместе с Захаровым очерчивая их историю, то Мария Силина предлагает в своей статье обзор судьбы музейных коллекций после 1917 года. Особый акцент она делает на трансформациях их связи с историей. Первые пятнадцать лет становления советской музейной системы – интереснейший период, поскольку на него пришелся всплеск количества музейных экспонатов. Их источник – присвоение государством авторских частных коллекций и музеефикация предметов быта уничтоженных классов. Тогда же культурная политика диктовала создание новых музеев по всей стране и *перераспределение* экспонатов между регионами и музеями (с. 64–65). Силина говорит в этом контексте о вопросах классификации музеев

в масштабах страны, научной организации и *рационализации* их работы. Например, в начале 1930-х эту деятельность монополизировала философия – в частности, диалектика, – и это привело к парадоксальному подходу:

«Музеи показывают отношения между вещами и людьми, эти отношения задаются идеологическими рамками (надстройками), которые включают такие области, как экономика, история, искусство. Проще говоря, любая вещь может быть показана в любом из музеев – экономическом, историческом, художественном, – изменится лишь ее презентация, пропущенная через специфику каждой из надстроек. [...] Радикализм такого подхода заключался в том, что потенциально снимался самый верхний слой музейной иерархии, согласно которой художественно совершенные вещи принадлежали музеям искусств, а “проходные”, анонимные – любым другим (с. 66).

Впрочем, замечает Силина, уже через несколько лет культурные и геополитические иерархии были восстановлены, а историчность как осознание принадлежности конкретному историческому моменту была выхолощена в пользу *вневременности* (с. 69). После войны *вневременность* усилилась возвращением авторства: теперь коллекции обретали биографию своих создателей (например Павел Третьяков в случае Третьяковки), а не были результатом ситуативного безличного перераспределения предметов ради «рационализации» и конкретно-исторических задач. «За фигурой авторов в публичной истории музея теряется вся история алиенаций, рационализаций, переброски предметов, которая разыгрывалась десятки лет» (с. 70). Силина отмечает, что дигитализация коллекций обострила проблему «больших данных» (*big data*), поскольку ослабила пределы накапливания и одновременно заново лишила предметы истории.

«В России эта тенденция максимальной, тотальной дигитализации коллекций лишь усилила мотив бездонной внеисторичности музеев как средства отвлекаться от собственных потенциально конфликтных практик собирания. [...] Гигантский каталог с чрезвычайно ограниченным поиском не содержит строчки о провенансе, артефакты существуют без истории, она снова переписана с чистого листа. Ее начало – в самом наличии предмета в коллекции или поисковой базе, других истоков у вещи нет» (с. 70).

Нора Штернфельд солидарна с Силиной и тоже проблематизирует деисторизацию коллекций, усилившуюся благодаря дигитализации. Выходом она видит децентрализацию и демократизацию государственных коллекций: «Сделать архивы и собрания более понятными, открыть простор для альтернативных режимов прочтения и интерпретаций, а также для другого будущего, мечты о котором нередко адресуют вопросы прошлому» (с. 95). Впрочем, Борис Гройс считает, что остающуюся на изнанке коллекций историю их собирания можно обнаружить косвенно – в организации ее экспонирования:

«Коллекции произведений искусства и выставки демонстрируют порядки, законы и торговые практики, регулирующие наш мир, а также разрывы, которым эти порядки подвержены – войны, революции, преступления. Эти порядки невозможно “увидеть”, но можно явить в способе организации выставки, в том, каким образом искусство “заключается в рамку”» (с. 103).

Дэвид Джослит продолжает обсуждение связи коллекции и истории на материале новых музеев в странах Персидского залива, Восточной Азии и Южной Африки вроде филиала Лувра в Абу-Даби. Эти музеи он вслед за Александром Казеруни называет *музеями-зеркалами*: они встроены в глобальную западную музейную

систему, отражают ее ожидания и стандарты, а с собственной местностью связаны лишь символически через адресованную Западу отзеркаливающую репрезентацию западного же образа арабской культуры. «Новые музеи в странах Персидского залива являются западными институциями, которые расположены на глобальном Юге, но нацелены в основном на привлечение инвестиций, туризма и политической поддержки глобального Севера к выгоде местных элит» (с. 74). Работающие здесь западные кураторы, по сути, занимаются «курированием» местной культуры, собирая более благоприятный ее образ. При этом, отмечает Джослит, происходит пересмотр отношений с бывшими колонизаторами, но не происходит изменения ценностей и когнитивных структур, лежавших в основании прежних отношений.

В качестве альтернативы он обсуждает возникшую среди американских коренных народов историзирующую концепцию выживания-через-сопротивление как фундамент их собственной музейной репрезентации. Один из ее приемов – «помещать документацию современных сообществ коренных народов и их образа жизни рядом с “историческими” памятниками их материальной культуры, чтобы показать их взаимодополняемость, современность» (с. 77). Словом, это попытка восстановить когнитивную справедливость и выделить собственную современность народов в противовес унифицирующему и насильственному глобальному настоящему Запада.

В истории было немало попыток трансформировать коллекционирование, скажем, сделав его более доступным и уменьшив

дистанцию между художником и зрителем. Так возникла практика *проката* произведений искусства (*art-lending*), обзору исторических версий (пиктотек, графотек, артотек) которого посвящена статья Андрея Ефица. Эти проекты мыслились и как изменение статуса произведения как собственности, и как способ воспитать вкус к коллекционированию, и как форма поддержки и продвижения молодых художников. Вместе с Всесоюзной художественной лотереей, проводившейся с 1962 года (с. 87), он называет их *распределенным коллекционированием*, отсылая к устройству античной демократии. Другая трансформация формы коллекции связана с медиумом искусства. Традиционно речь идет о произведениях, на которые смотрят. А как быть с искусством *мультисенсорным*, которое осязается, обоняется и воспринимается иными, не визуальными, способами? О таких коллекциях – статья Евгении Киселевой-Аффлербах.

* * *

Разнообразие тем, попавших в обзор номеров, не должно вводить в заблуждение. Во многих материалах сквозят тревога, переживание неопределенности и моральный тупик, которые стали преобладающими состояниями последних полутора лет. Они служат контекстом, в котором авторы обращаются к переосмыслению, казалось бы, далеких тем или прямо спрашивают себя и традицию, как жить дальше. Нехватка ответа на этот вопрос, вероятно, еще долго будет задавать тон и проблематику отечественной интеллектуальной периодики.

БОРИС
СОКОЛОВ

Память о трагедии Бабьего Яра: стихи, проза, музыка, кино, политика

Бабий Яр. Рефлексия

ПАВЕЛ ПОЛЯН

М.: Зебра Е, 2022. – 606 с.

*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог,
член ассоциации ПЭН-
Москва.*

Главная тема книги историка и географа, специалиста по истории Холокоста Павла Поляна (он же исследователь творчества Осипа Мандельштама и поэт, публикующийся под псевдонимом Павел Нерлер) – репрезентация трагедии в Бабьем Яре в литературе и искусстве. Автор разделил свою книгу на две части. Первая представляет собой антологию стихотворений, в том числе переведенных с идиша и с украинского, которые посвящены Бабьему Яру. Вторая часть – сборник очерков самого Поляна, посвященных судьбам переживших и не переживших Холокост поэтов Киева и отражению темы Бабьего Яра в литературе, музыке, живописи, кинематографе, телевидении и монументальном искусстве. Это позволяет взглянуть на трагедию Бабьего Яра как на феномен общественного и культурного сознания, в чем-то общий для евреев и других народов, а в чем-то и конфликтный. В книге Поляна особое внимание уделено противоречиям между советским официальным дискурсом, важным элементом которого был ползучий,

**НОВЫЕ
КНИГИ**

полускрытый государственный антисемитизм, и дискурса неофициального, осуждающего антисемитизм и свойственного значительной части советской интеллигенции независимо от национальности. Также в рецензируемом издании речь идет о частичном несовпадении еврейского и украинского восприятия трагедии Бабьего Яра.

Стихотворения антологии размещены в хронологическом порядке по десятилетиям, от 1940-х до 2020-х. Среди авторов как известные поэты вроде Ильи Сельвинского, Николая (Мыколы) Бажана, Пауля Целана, Давида Самойлова, Наума Коржавина, Бориса Чичибабина, Евгения Долматовского, Переца Маркиша, Бориса Слуцкого, Евгения Евтушенко, Александра Галича, Андрея Вознесенского, так и те, кто известен главным образом в связи со стихами, посвященными Бабьему Яру и Холокосту – вроде Якова Гальперина, Ольги Анстей и Людмилы Титовой. О драматических и трагических судьбах трех последних в период германской оккупации Киева Полян рассказывает в отдельном очерке. В другом тексте он подробно анализирует судьбу знаменитого стихотворения (или поэмы) Евтушенко «Бабий Яр», реконструируя ход борьбы поэта с цензурой: на какие уступки ему приходилось идти, умело сочетая фронт с лояльностью, и как была воспринята публикация текста советскими читателями. Полян хорошо показывает, что уже первые публичные оппоненты евтушенковского «Бабьего Яра» – поэт Алексей Марков и критик Дмитрий Стариков – пытались противопоставить Холокосту многомиллионные жертвы, принесенные исключительно «русским народом» в борьбе с гитлеровской агрессией. Автор подчеркивает, что главная претензия Старикова к Евтушенко – «неуместный акцент на еврейской и только еврейской трагедии, что умаляет роль жертвенного русского народа в борьбе с фашизмом и оскорбляет память всех погибших советских людей» (с. 371). Заметим, подобный подход не редок в России и сегодня. Говоря о второй редакции «Бабьего Яра», созданной в декабре 1962 года, Полян справедливо подчеркивает:

«С мученичества евреев и неприемлемости антисемитизма в “Бабьем Яре – 1961” акцент в “Бабьем Яре – 1962” действительно перенесен на страдания всех советских народов и на героизм русских, ради спасения еврейки не щадящих живота своего» (с. 396).

При этом редакция 1962 года при жизни Евтушенко так и не была напечатана – и впервые публикуется полностью в книге Поляна (с. 392–396). Из нее в текст первой редакции Евтушенко перенес только одну строчку: «лабазник избивает мать мою» – вместо первоначального «насилует лабазник мать мою». В тексте Евтушенко, включенном в антологию, По-

БОРИС СОКОЛОВ

ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...

лян вполне оправданно поместил версию со словом «насилует» (с. 111), так как «избивает» было явной уступкой цензуре. В публикации в «Литературной газете» Евтушенко использовал именно «избивает» – но Полян в обоснование варианта «насилует» ссылается на публичные чтения поэтом первой редакции стихотворения (с. 29, примеч. 1).

Полян публикует извлеченные из Российского государственного архива литературы и искусства тексты стихотворного ответа Евтушенко Алексею Маркову «Марков к Маркову летит, Марков Маркову кричит», где последний сравнивается с черносотенцем Николаем Марковым (Вторым), а также письма в поддержку Евтушенко, отправленные в газету «Литература и жизнь» историком и писателем Даниилом Альшицем. Альшиц пишет:

«Если бы г-н Марков стал развивать свои “патриотические” взгляды у нас в ополчении в 1941 году перед теми “российскими стриженными ребятами”, память которых он берется защищать, – они отнеслись бы к нему, как к фашистскому агитатору, даже если бы он эти взгляды прикрыл парочкой антифашистских фраз, как он это делает в своем ответе» (с. 422).

Интересно и другое письмо, опубликованное в рецензируемой книге, на этот раз антиевтушенковское, которое 7–9 октября 1961 года сочинил некто Александр Егоров от имени «истинно русских людей». Полян предполагает, что это скорее всего псевдоним. Возможно, его натолкнул на эту мысль стиль послания, столь утрированный, что письмо можно принять за антиантисемитскую пародию, написанную, например, тем же Даниилом Альшицем, большим любителем мистификаций. Я же не исключаю, что автор письма подписался настоящими именем, отчеством и фамилией и что в действительности это был Александр Николаевич Егоров (1904–1988) – советский государственный и партийный деятель, выпускник Института красной профессуры и убежденный сталинист. В 1946–1950 годах Егоров – первый секретарь Брянского областного комитета ВКП(б), а в 1950–1955 годах – первый секретарь ЦК Компартии Карело-Финской ССР. Можно предположить, что после смерти Сталина Егоров продолжал пользоваться поддержкой Георгия Маленкова, однако после смещения последнего в январе 1955-го с поста председателя Совета министров СССР карьера Егорова закатилась, он был понижен до заместителя председателя Исполнительного комитета Омского областного Совета, оставаясь на этом посту вплоть до 1961 года, когда стал пенсионером союзного значения¹. Свое письмо против Евтушенко в редакцию

1 Возможно, что уход Егорова на пенсию приблизила трагедия, происшедшая в Брянске 25 апреля 1959 года, когда обрушился кинотеатр «Октябрь», 46 человек погибли, 278 были ранены. Следствие установило, что

«Литературной газеты» (судя по его объему оно явно не предназначалось для публикации) Егоров писал, уже находясь на пенсии. В частности, там он пишет:

БОРИС СОКОЛОВ
ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...

«Большая роль, сыгранная когда-то вашей газетой (1952 г.) в “процессе о врагах”, затем известная всем русским людям борьба вашей газеты против “космополитов”, которая помогла убрать с культурного фронта (научные институты, школы, редакции газет, политпросвет. организации, ВУЗы и т.д.) многие десятки тысяч “космополитов”, проникших в эту среду в 20-х и 30-х годах, и, наконец, защита уже в последние годы авторитета нашего национального писателя Шолохова, оскорбленного Нобелевским комитетом в пользу выходца из этих же “космополитических” кругов мало кому известного Пастернака и т.д., должна была, казалось, служить некоторой гарантией того, что стихотворения подобного рода, явно навязанные мировым сионизмом, не должны были появляться на страницах вашей газеты».

А стихотворный ответ Алексея Маркова Егоров, напротив, оценил очень высоко:

«Нам, старикам, прямо послышался в этом “ответе” мужественный, национальный голос его однофамильца, известного Маркова II (депутат Государственной Думы от Курска), который так же часто говорил совершенно открыто о том, что “он не успокоится, пока хоть один «космополит» будет топтать русскую землю» (с. 442).

Такая переключка через полстолетия двух Марковых демонстрирует удивительную устойчивость русского великодержавного национализма – несмотря на 45-летнее внешнее торжество социализма. Полян называет текст Егорова, для которого стихотворение Евтушенко стало только поводом, «платформой национал-большевизма, нарисованной с националистической, а не с большевистской стороны» (с. 440). При этом гипотезу Поляна, что это письмо – пародия, ставят под сомнение сами предложения «истинно русского человека», которые тогда вполне могли быть реализованы! Вряд ли кто-то стал бы шутить подобным образом, прекрасно понимая, что пародию могут воспринять всерьез:

«Необходимо через “Союз писателей” разделить этого Евтушенко как следует, да через “Правду”, и поручить кому-либо из более

причиной трагедии стало грубое нарушение строительных норм и правил. Кинотеатр возвели всего за девять месяцев, чтобы открыть его 4 декабря 1949 года – ко дню сталинской Конституции и накануне сталинского 70-летнего юбилея. Штурмовщина, которую устроил Егоров, сказалась на качестве строительства. Отступления от проекта и использование низкокачественных строительных материалов привели к уменьшению несущей способности конструкций – а это стало причиной обрушения здания менее, чем через десять лет. Зато Егоров в 1949-м, в качестве поощрения за досрочный ввод в строй крупнейшей в области кинотеатра, был назначен главой партийной организации Карело-Финской ССР. См.: *Брянску напомнили о трагедии 1959 года* // Брянские новости. 2017. 26 апреля (www.bragazeta.ru/news/2017/04/26/bryansku-napomnili-o-tragedii-1959-goda).

известных “подручных” написать такую статью, [из] которой всему народу стало бы ясно, что партия решительно осуждает эту сионистскую вылазку и стоит на совершенно определенных позициях, защищаемых тов. Марковым. “Союз писателей”, который смог заставить сотни советских писателей подписаться под статьей, осуждающей роман Пастернака, которого никто из них даже не читал, сможет легко это организовать, тем более что у нас есть достаточное количество известных имен, готовых разделаться с “космополитами” (даже без гонора!)».

В то же время Александр Егоров (или тот, кто скрывался под этим псевдонимом) во многом оказался провидцем, предсказав, в частности, «бархатные» революции в странах Восточной Европы рубежа 1980–1990-х:

«Эмигрантским кругам необходимо бороться за мирные отношения с Советской страной и учесть, что страна ни в каком отношении (политическом, хозяйственном, идеологическом) совершенно не подготовлена к такому катаклизму, как новая война, и действующий у нас режим (как в свое время в 1917 г.) может взорваться – и притом очень быстро, и никто не может знать, что может здесь произойти. Вряд ли удержится и несколько дней в этом испытании и Варшавский пакт: никогда в жизни немчура не будет драться между собой; поляки и мадьяры нас продадут немедленно, и все “наши” правительства в этих (возможно, и других) демокр. странах не продержатся и 72 часов». (с. 442).

Далее Полян отмечает, что Василий Гроссман был «первым прозаиком, непосредственно обратившимся к теме Бабьего Яра». Он приводит обширную архивную цитату из неопубликованного фрагмента романа «За правое дело» («Сталинград»), где дана эпическая картина отступления Красной армии из Киева в сентябре 1941 года (с. 459–461). Здесь важна концовка, показывающая отношение некоторых киевлян-украинцев к грядущей немецкой власти:

«В эти минуты все ощущали с телесной очевидностью, что каждый шаг на восток уходящих советских войск роковым образом связан с движением еще невидимых немецких колонн. Они надвигались все ближе, методично, шаг за шагом, и каждый шаг уходящих к Днепру красноармейцев приближал к Киеву дивизии Гитлера. И словно вызванные приближающейся черной силой, в переулках, темных подворотнях, в гулких дворах появились новые люди, их быстрые, недобрые глаза усмехались смелей, их шепот становился громче, они, прищурившись, смотрели на проводы, готовились к встрече. И здесь, проходя переулком, Крылов впервые услышал, потом не раз слышанные им слова: “шо було – то бачили, шо буде – побачимо”».

С этим перекликается фрагмент из новеллы киевлянки Н. Павловой «Киев, войной опаленный», описывающей трагедию Бабьего Яра и опубликованной в 1952 году в нью-йоркском «Новом журнале»:

БОРИС СОКОЛОВ
ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...

«Страшная судьба евреев была неожиданным ударом, первым жестоким разочарованием в благородстве “освободителей”. Позже судьба, не скупясь, усеяла весь наш путь, пройденный при немцах, такими разочарованиями, превратившими многих людей, страстно ждавших новых варягов, в их ярых противников, а часто и в активных врагов. Все это случилось позже, когда немцы уже полностью развернулись в своей бессмысленной жестокости, тупой самоуверенности, жадности и совершенном непонимании психологии советского человека» (с. 463).

Еще один сюжет книги Поляна – драматическая история 13-й симфонии Шостаковича, первая часть которой написана на текст евтушенковского «Бабьего Яра», и еще нескольких стихотворений поэта. Исполнение симфонии приходилось пробивать сквозь сопротивление партийного аппарата с большим трудом, особенно в Украине. Показательно, что лучший бас СССР того времени Борис Гмыря, на которого Шостакович возлагал большие надежды, отказался исполнять «Бабий Яр», проконсультировавшись с партийными инстанциями в Киеве (с. 501–502). На премьере симфонии в Москве в декабре 1962 года его удачно заменил мало кому тогда известный Виталий Громадский (с. 502). В Киеве же симфонию впервые исполнили только в 1988-м, во время перестройки.

В книге Поляна немало и дискуссионных моментов. Например, он утверждает:

«То, как при Хрущеве “любимы и уважаемы” были в освобожденном Киеве и на Украине в целом чудом уцелевшие евреи, хорошо известно. Вот его [Хрущева] слова: “Но мы объективны: евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине нам не нужны евреи. И я думаю, для украинских евреев, которые пережили попытки Гитлера истребить их, было бы лучше не возвращаться сюда... Лучше бы они поехали в Биробиджан... Здесь Украина. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти как возвращение евреев”» (с. 387–388).

В качестве источника этой цитаты приводятся книга Михаила Мицеля «Евреи Украины в 1943–53 гг.: очерки документированной истории» (Киев: Институт иудаики, 2004. С. 26–27) со ссылкой на работу Соломона Шварца «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965)» (Нью-Йорк, 1966. С. 257–258) (с. 388). Однако указанные издания не являются

первоисточником данной цитаты. Между тем в книге Мицеля есть ссылка на первоисточник, хотя и не совсем точная:

«В вышедшей в 1956 г. во Франции книге “Трагедия евреев в СССР” журналистом Леоном Ленеманом были опубликованы свидетельства польской коммунистки Марии Хельминской, пережившей в Киеве, благодаря “арийским” документам, весь период оккупации и остававшейся здесь еще около года после освобождения. В начале ноября 1944 г. на собрании редакции и сотрудников Польского Бюро печати в Москве она рассказала о пережитом ею в Киеве.

До начала Второй мировой войны Хельминская отсидела несколько лет в польской тюрьме за коммунистическую деятельность. Во время оккупации Киева она была связана с подпольем, а после освобождения города была принята на работу в секретариат Н. Хрущева с условием, что ее анкетные данные будут уточнены позже. После реального заполнения анкеты она была уволена. Потрясенная разъяснениями знакомых, что, согласно негласному указанию, на Украине предполагается ограничение приема евреев на ответственные должности, Хельминская обратилась к Хрущеву лично. Их разговор носил напряженный характер. Хельминская разрыдалась, на что Хрущев сказал ей:

“Я понимаю, что вы, как еврейка, рассматриваете этот вопрос с субъективной точки зрения. Но мы объективны: евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине нам не нужны евреи. И я думаю, для украинских евреев, которые пережили попытки Гитлера истребить их, было бы лучше не возвращаться сюда... Лучше бы они поехали в Биробиджан... Ведь мы здесь на Украине. Понимаете ли вы? Здесь Украина. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти как возвращение евреев. Все, что я могу для вас сделать, – это вернуть вам анкету. Напишите другую без упоминания о вашем еврейском происхождении. Воспользуйтесь вашими фальшивыми документами, по которым вы чистокровная украинка”»².

Таким образом, первоисточником хрущевской цитаты является книга «Трагедия евреев в СССР» журналиста Леона (Арье) Ленемана (1909–1987) – польского еврея, с 1947 года жившего в Париже. Только вышла она не в 1956-м, а в 1959 году³. Российский исследователь Борис Фрезинский считает эту работу очень ненадежным источником:

«Познакомившись с книгой Ленемана “La tragédie des juifs en URSS” (“Трагедия евреев в СССР”), убедился, как часто там приводятся без каких-либо ссылок на источник различные байки доктора Шошкеса и прочих “знатоков” советской жизни, более того – даже анонимным слухам придается значение правдивого факта. [...]

2 Мицель М. *Евреи Украины в 1943–53 гг.: очерки документированной истории*. Киев: Институт иудаики, 2004. С. 26–27.

3 LENEMAN L. *La tragédie des Juifs en U.R.S.S.* Paris: Desclé de Brouwer, 1959. P. 174–182.

“La tragédie des juifs en URSS” – книга по истории, но, выражаясь деликатно, книга журналистская (в худшем значении этого слова). [...] Против команды лжецов (Турнера, Шошкеса и Ленемана) никто никаких процессов не возбуждал»⁴.

БОРИС СОКОЛОВ
ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...

Далее Фрезинский вполне убедительно доказывает, что информация Ленемана, в том числе связанная с Ильей Эренбургом и еврейскими поэтами – фигурантами процесса Еврейского антифашистского комитета, – не соответствует действительности. Поэтому Полян следовало бы оговориться, что цитата Хрущева приводится со слов Марии (Малы) Хельминской, помещенной в книге Леона Ленемана, и что подлинность ее весьма сомнительна. В пересказе же соответствующего места книги Ленемана в книге «Русско-еврейский диалог» белоэмигранта А.И. Дикого (Занкевича), известного антисемитскими взглядами и считающего хрущевскую цитату подлинной, мы узнаем, что Мария (Мала) Хельминская, возглавлявшая Польское общество культурной связи с заграницей, рассказала Ленеману о словах Хрущева в парижской больнице в 1955 году – перед тем, как вернулась в Польшу, где вскоре и умерла⁵. Таким образом, цитата Хрущева была обнародована уже после кончины Хельминской, которая, следовательно, не могла ее ни подтвердить, ни опровергнуть.

Если же обратиться к содержанию хрущевской цитаты, то вызывает большие сомнения, что в секретариат Хрущева, в то время – главу компартии Украины и члена Политбюро ЦК ВКП(б) – могли без проверки взять женщину, несколько лет находившуюся в оккупированном Киеве: органы госбезопасности наверняка заподозрили бы в ней немецкого агента. И еще более странным выглядит совет Хрущева Хельминской продолжать жить по тем же фальшивым документам, благодаря которым она уцелела в период германской оккупации, когда вынуждена была скрывать свое еврейство.

Комментируя фильм Сергея Лозницы «Киевский процесс», Полян утверждает:

«Во время казни веревка на шее подполковника Труккенброда оборвалась. Вопреки неписаным правилам жизнь ему не даровали, а нашли новую веревку и еще раз повесили. Еще деталь: один из молодых казненных офицеров, по свидетельству Я. Бердичевского,

- 4 ФРЕЗИНСКИЙ Б. *Почему и как три польских еврея оклеветали Илью Эренбурга (факты и размышления). Часть 1. Откуда вырос главный сюжет, или Всею виной статья Леона Ленемана в этом журнале // Народ книги в мире книг. 2015. № 118 (http://narodknigi.ru/journals/118/pochemu_i_kak_tri_polskikh_evreya_oklevetali_ilyu_erenburga/); Часть 2. Подробности о клеветниках Турнере и докторе Шошкесе, а также о сочинителе Ленемане // Народ книги в мире книг. 2015. № 119 (http://narodknigi.ru/journals/119/pochemu_i_kak_tri_polskikh_evreya_oklevetali_ilyu_erenburga_fakty_i_razmyshleniya_2/).*
- 5 ДИКИЙ А.И. *Евреи в России и в СССР*. Новосибирск: Благовест, 2005. С. 443–444.

тогда мальчишки, нарушил регламент казни иначе – оттолкнул солдата с петлей, сам накинул ее себе на шею и шагнул с грузовика» (с. 556).

Никаких «неписанных правил» насчет того, что сорвавшегося с виселицы нельзя вешать повторно, не существовало, и обычно в таких случаях процедуру казни повторяли. Существовало лишь поверие, что полагается миловать тех, у кого оборвалась веревка. Однако сохранившиеся кадры казни приговоренных на Киевском процессе показывают, что все двенадцать были повешены именно с первого раза. Если бы кто-нибудь сорвался, то повторная казнь заняла бы достаточно много времени. Пришлось бы поднимать упавшего с земли, вновь подгонять грузовик под виселицу, ставить на него упавшего, накидывать ему петлю на шею, а затем вновь отгонять грузовик. Этого инцидента не могли бы не запомнить по крайней мере те из присутствовавших на площади Калинина, кто стоял в первых рядах. Эпизод же с немецким офицером, будто бы самостоятельно накинувшим петлю на шею и спрыгнувшим с грузовика еще до того, как тот отъехал, тоже выглядит неправдоподобным. Руки у всех приговоренных были связаны за спиной, и накинуть петлю самостоятельно они не могли. И кадры кинохроники подтверждают: каких-либо происшествий такого рода не было.

Полян полемизирует с фразой в «Википедии»: «возможность установить памятник [в Бабьем Яре. – Б.С.] появилась на Украине только после распада СССР». Он пишет:

«Это и неточность, и лукавство. Неточность в том, что возможность эта появилась (точнее, была отвоевана) еще до этого распада: хоть номинальная независимость Украины и была провозглашена 24 августа, сразу же после провала путча в Москве, сам же распад СССР как геополитическое событие случился в декабре, после Беловежской пуши, когда “Менора” уже несколько месяцев как стояла [установлена 5 октября 1991 года. – Б.С.]» (с. 583).

Но, на мой взгляд, геополитическим событием было как раз подавление августовского путча, что и вызвало провозглашение независимости Украины и предопределило распад СССР. В оставшиеся месяцы до своей отставки Михаил Горбачев уже ни на что не влиял.

По мнению Поляна, «причисление [...] оуновцев к жертвам Бабьего Яра – это даже не историческая неточность и не бестактность даже, а намеренная провокация и наглый рейдерский захват чужой исторической памяти по липовым или отсутствующим вексялям» (с. 586). Автор полемически восклицает: «Освободившиеся, как и евреи, от советского диктатора,

новые “молодые националисты” – продолжатели идеологии и дела ОУН–УПА – восприняли обретенную всеми свободу как собственное право на безнаказанный беспредел и с радостью вернулись к тактике агрессии и практике вандализма!».

Мне представляется, что с этими оценками никак нельзя согласиться. Например, в урочище Сандармох в Карелии, в мемориальном комплексе жертвам коммунистического террора, отдельные памятники посвящены разным категориям жертв: узникам Соловков (главный), священнослужителям, украинцам, полякам, литовцам и так далее. Так и в Бабьем Яре сейчас – фактически наряду с главным мемориалом, посвященным еврейским жертвам, – есть ряд других, в том числе советским военнопленным, украинским националистами (замечу, ОУН к массовым убийствам евреев 29–30 сентября 1941 года не имеет никакого отношения), убитым нацистами детям, цыганам, расстрелянным киевским футболистам – участникам «матча смерти» и другим. Ясно также, что после 24 февраля 2022 года Бабий Яр на многие десятилетия останется еврейским и украинским, но не российским мемориальным комплексом, хотя русские писатели, уроженцы Киева, Виктор Некрасов и Анатолий Кузнецов внесли огромный вклад в сохранение памяти об этой трагедии. А вот улицы, названные их именами, в Киеве останутся, причем улица Виктора Некрасова появилась 10 ноября 2022 года, в самый разгар боевых действий в Украине. Полян называет нынешние события «российско-украинской бедой» (причем начинает ее отсчет не с 2022-го, а 2014 года) (с. 599) и «подлинной геополитической катастрофой» (с. 600).

БОРИС СОКОЛОВ

ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ
БАБЬЕГО ЯРА...

ДЕНИС
ШАЛАГИНОВ

Разговор обо всем: антропология (обитаемого) космоса

*Imagining for Real: Essays on Creation,
Attention and Correspondence*

TIM INGOLD

London; New York: Routledge, 2022. – 438 p.

Чем внимательнее она смотрела, тем больше сам воздух превращался в непрерывный хоровод пылинок: они бесконечно падали, постоянно перемешивались, двигались, перемещались, мерцали, собирались вместе, росли.

Адам Нэвилл. «Никто не уйдет живым»¹

МЕЖДУ ЦИКЛИЧНОСТЬЮ И ЛИНЕЙНОСТЬЮ

Денис Шалагинов
(р. 1986) – философ,
переводчик, независи-
мый исследователь.

«**В**ображая по-настоящему» закругляет линию многолетних изысканий Тима Ингольда, выступая последним томом трилогии, начатой «Восприятием среды» (2000) и получившей развитие в «Быть живым» (2011). Забегая вперед, заметим, что такое закругление обладает перформативным аспектом, так как обыгрывает один из сквозных концептов книги: вихрь. Этот концепт, или скорее концептуальный образ, напрямую связан с ключевой проблемой, поставленной в работе Ингольда, поэтому необходимо сразу сказать о нем несколько слов. Образ вихря, круговорота, вновь и вновь возникающий в текстах британского антрополога, отсылает к пассажу из «Творческой эволюции», где Анри Бергсон вводит различие между жизнью в целом и ее «частными проявлениями». В то время как эволюция в целом идет по прямой, конкретные существа в своем развитии отстают от движения самой жизни, *сгибая* ее траекторию, и в результате, «как облака пыли, поднятые струей ветра, живые существа вращаются вокруг себя, увлекаемые великим дуновением жизни»². Пропуская эту мысль через ряд художественно-теоретических фильтров³, Ингольд приходит

1 Нэвилл А. *Никто не уйдет живым*. М.: АСТ, 2021. С. 554–555.

2 БЕРГСОН А. *Творческая эволюция*. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 144.

3 Наиболее яркими примерами которых могут послужить изображения землессозидающих путешествий предков вальбири во «Время сновидений» (INGOLD T. *Lines: A Brief History*. London; New York: Routledge, 2007. P. 98–100) и «Танец» Анри Матисса (IDEM. *The Life of Lines*. London; New York: Routledge, 2015. P. 6–7).

к онтологии жизни как множественного завихрения, или космогонического полилога. Таким образом, если в «Восприятии среды» предпринята попытка концептуализировать человека как странника, то есть в качестве сингулярного некуса творческого роста и движения, а в «Быть живым» исследование динамики странствия приводит к концепту сплетения (*meshwork*)⁴ как ткани из сосуществующих линий обитания, то тексты, собранные в «Воображая по-настоящему», стремятся «открыться полноте реального» (р. xii), понятой в качестве разговора.

Но как это сделать? Ответ дан в подзаголовке сборника: через творчество, внимание и корреспонденцию. В рамках развиваемого Ингольдом варианта экологической антропологии, сфокусированного на вопросе, как среда открывается восприятию изнутри потока жизни (р. 2), и восходящего к авторским полевым исследованиям в Лапландии, три этих понятия особым образом перенастраиваются. Так, например, творчество разводится с креативностью, которая движется от идеи к конечному продукту, работая в навязываемом капитализмом режиме товаризации, где воображение становится «инкубатором идей». В этой перспективе мы имеем дело с вереницей «вневременных» образов и объектов: время отменяется, так как конечный продукт предзадан в проекте, реализуемом «с механической необходимостью». Творчество, наоборот, требует времени и претерпевания: здесь конец не содержится в начале; скорее имеет место «бесконечное начинание» (р. 26). Стало быть, в отличие от креативности, перескакивающей от проекта к проекту (где проект аналогичен пункту назначения), минуя процессы обновления и роста, творчество представляет собой блуждающее соучастие в непрерывном самосотворении мира (р. 27).

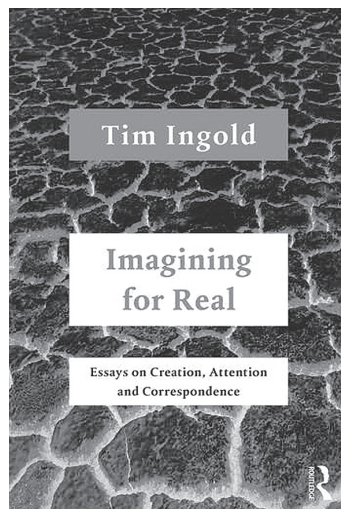
Такое сотворчество-посреди⁵ неотделимо от внимания, которое, по Ингольду, обладает двумя комплементарными аспектами, схватываемыми в образах *оседлости* и *полета*. Если в первом случае речь о перцептивной настройке, позволяющей улавливать информацию о характеристиках среды и тем самым подстраиваться под нее, то во втором – о «практике экспозиции», выхода за пределы привычного и погружения в «неопределенность мира-в-становлении» (р. 121). Два этих аспекта внимания, подобно вдоху и выдоху, опосредуют диалог с миром, или корреспонденцию. Понятие корреспонденции – ключевое

4 Подробнее см.: Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов // Неприкосновенный запас*. 2021. № 2(136). С. 47–49; INGOLD T. *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London; New York: Routledge, 2011. P. 63–94.

5 Где «посреди» также означает «на ощупь»: «Глаз не смотрит на вещи, а блуждает среди них, прокладывая сквозной путь, а не ориентируясь на фиксированную цель. То есть он опосредует перцептивное взаимодействие с окружением, являющееся не *оптическим*, а *гаптическим*» (Ингольд Т. *Воздухоплавание в гладком пространстве // lmnt*. 2021. № 2 (<http://lmnt.space/portfolio/ballooning/>)).

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

РАЗГОВОР ОБО ВСЕМ:
АНТРОПОЛОГИЯ
(ОБИТАЕМОГО) КОСМОСА

в поздних текстах Ингольда⁶ – описывает динамику различения исходя из двух базовых интуиций: во-первых, жизнь не замкнута в точках, а проживается *вдоль* линий; во-вторых, эти линии, как мелодии в полифонии, непрерывно дифференцируются *изнутри* ткани мира. Отсюда вытекает концепция отношения, которая дистанцируется, с одной стороны, от интеракции, с другой, – от интраакции. Если первая представляет собой внешнее, или инвертирующее⁷, отношение между агентами (образец критикуемого Ингольдом «пунктирного» подхода⁸), то случай второй менее прозрачен, и следует рассмотреть его подробнее.

Разработанное Карен Барад понятие интраакции направлено на ревизию традиционной концепции причинности. Исходя из трактовки феноменов как «онтологически первичных отношений», или непрерывных реконфигураций мира, Барад описывает его как «агентную интраактивность в становлении», где агентность не атрибут субъекта (так как «субъекты» и «объекты» не предшествуют отношениям), а сама реконфигурация⁹. Близкий Ингольду, этот подход, однако, подвергается критике уже в «Жизни линий»: «если, как утверждает [Барад], агентность *есть* интраактивность, тогда я не понимаю, зачем нам вообще концепт агентности»¹⁰. Возвращаясь к полемике с Барад на страницах «Воображая по-настоящему», Ингольд резюмирует свое недовольство в двух пунктах: во-первых, в понятии интраакции упускается взаимная отзывчивость¹¹; во-вторых, отношения корреспонденции «не между и не внутри, а вдоль» (р. 6). Или, в антропологических терминах, корреспонденция – это филиация, а не альянс (р. 350–352), отсюда и кочующие из текста в текст концептуальные образы (веревка, косичка, корзина и так далее).

Три рассмотренных понятия (творчество, внимание и корреспонденция) представляют собой «ипостаси» практики, название которой вынесено в заглавие сборника: «воображать по-настоящему». В этой фразе с ходу распознается передислокация борьбы с разделением, которую в прошлых работах Ингольд вел на других фронтах. В данном случае речь идет о разделении между воображением и реальностью, которое соседствует с другим – между людьми и нелюдьми: как мыслить вооб-

6 Этому понятию посвящена его предыдущая книга: INGOLD T. *Correspondences*. Cambridge: Polity Press, 2021; см. также комментарий: ШАЛАГИНОВ Д. *Прогуливаясь вдоль лесных троп: антропология против санитарных кордонов* // Неприкосновенный запас. 2021. № 6(140). С. 246–255.

7 Под инверсией здесь понимается превращение линий движения в границы содержания, см.: INGOLD T. *Rethinking the Animate, Re-Animating Thought* // *Ethnos*. 2006. Vol. 71. № 1. P. 11–12.

8 Подробнее см.: ИДЕМ. *Lines: A Brief History*. P. 72–103.

9 БАРАД К. *Агентный реализм* // *Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология* / Ред. М. КРАМАР, К. САРКИСОВ. М.: V-A-C press, 2018. С. 50–53.

10 INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 153.

11 По той же причине Ингольд предпочитает корреспонденцию, или *co*-ответствие, предложенному Джоном Кейджем – и, независимо от него Донной Харауэй – выражению «способность к ответу» (р. 246, 376).

ражение, избегая человеческой исключительности? Прежде всего следует расподобить его с ментальной репрезентацией, а в пределе – выйти за рамки оппозиции между воображением и реальностью. По сути, именно такой выход и осуществляется в воображении по-настоящему, где «воображение соединяется с реальным, а не играет на его фоне» (р. 4). В этом соединении воображение раскрывается как изнанка восприятия, где первое детерриториализует, а второе ретерриториализует, как блестяще демонстрирует пример человеческой ходьбы (р. 38, 322). Иначе говоря, воображение по-настоящему не что иное, как *ритм* обживания среды, который характерен не только для людей, но и для всех живых существ, и здесь мы возвращаемся к упомянутому вначале образу вихря.

Строго говоря, этот образ представляет собой ответ на вопрос, откуда берутся линии. Едва намеченный в первой книге авторской диалогии о линиях, этот ответ прорабатывается во второй – на примерах бури и улитки. Несмотря на различие в масштабах, принципы их действия весьма схожи: буря поднимается и затихает, оставляя за собой *след*; то же делает и улитка, ритмически проталкивая и подтягивая свое тело:

«В движении каждая улитка выворачивается из внутреннего пространства своей раковины-завитка, становясь линией. Оставляя на земле слизистый след, она спутывается с линиями остальных себе подобных так, что возникает зримое сплетение. Пожалуй, отличительная черта этих линий состоит в том, что [...] они никогда не бывают идеально прямыми»¹².

Таким образом, улитка как «движущееся движение, непрерывно отклоняющееся от курса», то есть *вихрь*, демонстрирует ритмическое колебание, в котором цикличность переходит в линейность, и наоборот; этот ритм, согласно Ингольду, является «*основополагающим* для круговорота жизни» (р. 42, 51). Стало быть, вопрос о воображении и восприятии подводит к другому – вопросу о сочетании и поддержании ритмов, или динамической устойчивости более-чем-человеческого мира. Проще говоря: как такой мир *удерживается*? Именно этот вопрос, так или иначе затрагиваемый во всех текстах сборника, я и рассмотрю ниже, начав издалика.

НИТИ ПРОШЛОГО В УШКО НАСТОЯЩЕГО

В статье «Музей, его смысл и назначение» (1913) Николай Фёдоров замечает: «Через всю почти историю непрерывно проходит

¹² INGOLD T. *The Life of Lines*. P. 58.

опасение за разрушимость земли, за кончину мира», а значит, «вопрос об опоре [...] остается всегда открытым»¹³. Для Фёдорова этот вопрос – «космо-антропологический», где космо-антропология равнозначна астрономии, в которой «память сливается с разумом, а прошедшее с настоящим»¹⁴. Именно конфликт прошлого и настоящего, а точнее, *вытеснение* первого вторым, делает мир неустойчивым, а «наш век» – «большим»; соответственно, астрономия, пропущенная через фильтр проблемы отцов и детей и трактуемая как «регулятор падения», есть не что иное, как *космотерапия*. Вопрос, как удержать мир от падения, – строго практический; отсюда фёдоровская критика «кабинетного представления»: если исходно философия была астрономией, то *отвлечение* первой от второй затемнило саму проблему устойчивости¹⁵. Таким образом, возвращение вытесненного есть прежде всего возвращение к разуму, который обращен к «конкретным причинам», *предкам*, и посредством памяти осуществляет «проект будущей жизни», *музей*. Проясняя этот окольный путь в будущее, Фёдоров пишет:

«Цель музея не может быть иною, чем цель хоровода и храма предков, в который и превратился хоровод, т.е. солнцевод, возвращавший солнце на лето, возбуждавший жизнь во всем, что замерло зимою. Разница здесь будет лишь в способе действия, который в хороводе и храме не имел действительной силы; действие же музея должно иметь силу, действительно возвращающую жизнь, дающую ее. Это и будет, когда музей возвратится к самому праху и создаст орудия, регулирующие разрушительные, умерщвляющие силы природы, управляющие ими»¹⁶.

Это возвращающее жизнь возвращение к праху мыслится как переход в совершеннолетие; следовательно, фёдоровский музей – это рекурсивная машина радикального просвещения, стирающая границу между храмом и миром, который, таким образом, становится музеем¹⁷. Идеи Фёдорова важны здесь потому, что Ингольд разделяет с ним не только проблему, но отчасти и решение. И вместе с тем контраст между ними разителен: «вместо того, чтобы сравнивать [мир] с гигантским музеем» – не говоря уже о том, чтобы превращать первый во второй, – следовало бы помыслить его как «огромную кухню с необходимым запасом всевозможных ингредиентов», которые анархически смешиваются друг с другом, а «повар [...] вынужден бороться

13 Фёдоров Н. *Музей, его смысл и назначение* // Гройс Б. *Русский космизм. Антология*. М.: Ad Marginem, 2015. С. 42.

14 Там же. С. 37, 40.

15 Там же. С. 41–42.

16 Там же. С. 36–37.

17 Подробнее см.: SHALAGINOV D. *Rite and Ground* // *Cosmic Bulletin*. 2022. Vol. 3 (<https://cosmos.art/cosmic-bulletin/2022/rite-and-ground>).

за сохранение некоего подобия контроля над происходящим»¹⁸. В предпочтении кухни музеем акцент делается на метаморфозе: устойчивость достигается не через восстановление, а путем обновления. Обе операции противостоят логике замещения, но за ними стоят две разные концепции памяти. В первом случае память материализуется в архиве, но при этом живет в любом человеке в виде долга, или тени¹⁹, которая выступает драйвером не только архивации, но и реставрации конкретных причин, – обе эти функции соединяются в музее как сила собирания. Во втором случае «память собирает жизненные нити прошлого и вдевает их в ушко настоящего» (р. 279); здесь, как и в музее, ключевую роль играет собирание, но память не застывает в объектах и/или лицах²⁰, а является тропой: вдоль нее можно двигаться дальше без отрыва от прошлого, которое перерождается в пути. Как утверждает Ингольд, «идти по тропе означает помнить путь», но следование по пути включает в себя «значительную долю творческой импровизации»²¹. В этом смысле память – регенеративный цикл, у которого нет ни начала ни конца, а значит, нет и первопричины, поскольку единственная причина цикла – сам цикл в целом²².

Таким образом, проблема устойчивости порождает (как минимум) два вектора, первый из которых можно обозначить как «археологический» (или «стратиграфический»), где под археологией понимается мышление, одержимое вопросом глубины как «первичного слоя», происхождения, причины²³; а второй – «анархеологическим» («антистратиграфическим»), где глубина парадоксальным образом оказывается на поверхности. Ингольд пишет:

«Логика стратиграфии [...] артикулирует и иерархизирует последовательные положения вещей, которые появляются в готовом виде и наслаиваются друг на друга, как печатные листы в стопке или же последовательные уровни древовидной диаграммы, опосредующие глубинную структуру внизу и поверхностную структуру наверху. Антистратиграфическая логика, напротив, ризоматична» (р. 194).

В основе первого подхода лежит идея хранилища, где «настоящее наслаивает собственное прошлое поверх прошлого

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

РАЗГОВОР ОБО ВСЕМ:
АНТРОПОЛОГИЯ
(ОБИТАЕМОГО) КОСМОСА

18 Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь*. С. 42.

19 См.: «Как тень, [музей] сопровождает жизнь, как могила, стоит за всем живущим. Всякий человек носит в себе музей, носит его даже против собственного желания, как мертвый придаток, как труп, как угрызения совести» (Фёдоров Н. *Указ. соч.* С. 34–35).

20 См.: «Музей есть [...] собор лиц» (Там же. С. 45).

21 Ингольд Т. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля* // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 93.

22 См.: Хуэй Ю. *Рекурсивность и контингентность*. М.: V-A-C press, 2020. С. 24.

23 Бенсусан Х. *Ap-arché, Xeinós, uríhí a: изначальный Другой в космополитическом лесу* // Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). С. 117.

своих предшественников» (р. 186), что, в частности, позволяет Фёдорову трактовать хранение как коренной закон. Эмблематическим для второй логики является образ палимпсеста, где цикл письма и стирания приводит к тому, что отношения настоящего и прошлого как бы переворачиваются, поскольку настоящее проникает вглубь, а прошлое выходит на поверхность вследствие неполного стирания следов старого текста. По сути, антистратиграфия – лишь другое имя одностороннего различения, что признает сам Ингольд (р. 193), тогда как стратиграфия в конечном счете совпадает с замещением, и как раз поэтому Фёдорову требуется дополнить хранение восстановлением. Но для этого ему необходимо преодолеть контингентность, что прослеживается в самой цели музея, как та понимается Фёдоровым, – и здесь, на мой взгляд, следует вернуться к образу хоровода.

По большому счету, в этом образе свернуты два несовместимых подхода к времени. С одной стороны, хоровод, по словам Фёдорова, это проторегуляция, то есть техника, пусть и неэффективная, управления временем. С другой стороны, хоровод – это со-ответствие, а значит, погружение в нехронологическое время становления как «время погоды и сезонов, бьющихся волн и бегущих рек, роста и увядания растительности» (р. 277). Таким образом, хоровод удваивается, удерживая в себе два расходящихся смысла-направления, которые, с моей точки зрения, легче всего ухватить, обратившись к одному из пассажей в «Линиях», где обсуждается различие между странствием (*wayfaring*) и перемещением (*transport*). Как пишет Ингольд, если странствие есть движение *со* временем, то перемещение – движение *против* времени, в котором усматривается «не органический потенциал», а «механические ограничения оборудования»²⁴. В этом смысле фёдоровский проект возвращения к праху и создания орудий, свободных от ограничений, как бы отделяет цикличность от линейности: условием и результатом возвращения является космо-мануфактурный²⁵ тайм-менеджмент. В защиту Фёдорова нельзя не признать, что в его желании «смирять бури» заявляет о себе любовь ко всему живому, которая и приводит к постановке проблемы устойчивости, – вопрос лишь в том, можно ли решить ее, победив время с помощью «идеальной» техники.

Космо-антропология становится антропологией обитаемого космоса именно *благодаря* времени. Ингольд обозначает такой космос как «пленум», который и *есть* время (р. 330) в указанном смысле неметрического времени обновления. В этой пер-

24 INGOLD T. *Lines: A Brief History*. P. 102.

25 В смысле общего делания космоса своими руками, но *без* разделения труда, так как цель музея – единство.

спективе устойчивость достигается не знанием, а *мудростью*, реляционной и аффективной, погруженной в среду и трактуемой в анимистически-экологическом духе (р. 58–60). Этот иммерсивный подход, как несложно догадаться, противостоит «отстраненному» разуму большой науки, чьи цели заключаются в моделировании, прогнозировании и контроле (р. 333). Но, превращая мир в управляемую тотальность, модели и прогнозы отнюдь не гарантируют его устойчивости. Завершая эссе «Устойчивость всего», одно из ключевых в сборнике, Ингольд пишет:

«Когда динозавры вымерли, Землю унаследовали мелкие млекопитающие, среди которых была и куница. Самой известной куницей в истории может оказаться та, что перегрызла электрической кабель, на неделю выведя из строя крупнейшую из когда-либо построенных машин – большой адронный коллайдер ЦЕРНа. Коллайдер – это, пожалуй, самое большое проявление научного высокомерия, которое мы когда-либо видели: [...] настоящая машина конца света. Но в пределе крах большой науки [...] не приведет к концу света. Напротив, он откроет новое начало. Наступит время по ту сторону антропоцена» (р. 336).

Эти слова звучат в унисон с голосом Анны Цзин: жизнь прорастает сквозь руины больших проектов – ветер вновь взмывает в воздух хоровод пылинок. Ингольд не обходит стороной идеи Цзин, обращаясь к ним в статье «В собирающих тенях материальных вещей», где предлагается критический анализ теории ассамбляжей. Если Цзин уравнивает понятия ассамбляжа и собрания (*gathering*)²⁶, то Ингольд, напротив, их соотнождествляет, показывая, что первый – скорее продукт второго, которое является его негативом, или тенью. Иными словами, ассамбляж, как контингентная нетотализируемая сумма каких угодно элементов, – это лишь одна сторона *agencement*²⁷, тогда как другой является *собрание*. Отталкиваясь от вопроса, что значит соединять вещи, Ингольд показывает, как аддитивная логика теории ассамбляжей *вытесняет* операции, благодаря которым компоненты удерживаются вместе. Обыгрывая делёзо-гваттарианский пример со стеной сухой кладки, «где все камни хоть и держатся вместе, однако каждый по-своему»²⁸, антрополог призывает не забывать о тяжелом труде строителей, чья «корреспонденция с камнями постепенно уступила место корреспонденции камней друг с другом» и чье «призрачное присутствие все еще таится в промежутках, посреди

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

РАЗГОВОР ОБО ВСЕМ:
АНТРОПОЛОГИЯ
(ОБИТАЕМОГО) КОСМОСА

26 См.: «Ассамбляжи – это бессрочные собрания» (Цзин А. *Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ad Marginem, 2017. С. 39).

27 В русских переводах это понятие Делёза и Гваттари передается как «сборка» или «устройство».

28 ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Что такое философия?* М.: Академический проект, 2009. С. 30.

углубляющихся теней камней» (р. 272)²⁹. Таким образом, проблема памяти глубоко вплетена в вопрос об удерживании космоса, но эта глубина в поверхности, в промежутках³⁰.

О РИТУРНЕЛИ, ВНОВЬ

Как возникает обитаемый космос – как он продолжается? Путем повторения: повторения пути. Иначе говоря, космос *возвращается*; более того, космос и *есть* возвращение³¹; а это в свою очередь подводит к вопросу «куда?», то есть вопросу о *месте* – в частности, месте человека в космосе. Ингольд ставит этот вопрос в статье «Постчеловеческая предьстория», где выступает за переизобретение гуманизма, и в этом он далеко не одинок³². Куда более провокационной может показаться его апология антропоцентризма, поэтому в заключение следует вкратце рассказать, что здесь понимается под «человеком», а что – под «центром», связав то и другое с темой цикличности–линейности, с которой мы начали.

Вопрос о началах человека, *homo*, укоренен в земле: как полагал Джамбаттиста Вико, этимологически латинское *Humanitas* происходит от *humare*, «погребать». Следовательно, люди изначально принадлежали почве, *humus*. Приводя эту этимологию, Ингольд, однако, напоминает, что Вико был одним из мыслителей, *перевернувших* эту логику под знаменем универсального разума, который призван освободить человека от земных уз, а значит, и от любой связи с местом. В результате земля превратилась в пассивный субстрат, колыбель разума, которую надо покинуть, чтобы не остаться детьми, поскольку «реальная история – для взрослых» (р. 310). Другими словами, благодаря просвещенческому гуманизму земля стала стихией предьстории – но что насчет человека? По словам Ингольда, человечество, полностью колонизировав землю и превратив ее в хранилище ресурсов, оказалось отнюдь не в центре мира, а напротив, на его периферии, то есть научно-технический мир модерна не антропоцентричен, а напротив, антропопериферичен. Отсюда необходимость заново поместить человека

29 Следуя призыву не забывать о строителях, необходимо упомянуть Мартина Хайдеггера, у которого заимствуется понятие собирания, и Мишеля де Серто, чьи идеи о стирании маршрутов с современных карт таятся в тени аргумента Ингольда.

30 Другими словами, эта глубина *реляционна*, поскольку глубинно здесь генеративное поле виртуальностей, предшествующее конкретным формам. Подробнее об этом см.: Шалагинов Д. *Ни сети, ни ассамбляжи: одушевляя вещи с Тимом Ингольдом* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 50–64.

31 См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 545, 580.

32 См., например: Вивейруш де Кастру Э. *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ad Marginem, 2017. С. 13.

в «бьющееся сердце более-чем-человеческого мира» (р. 323).
Что под этим подразумевается? Ингольд пишет:

«Я хочу развернуть гуманизм в направлении, ортогональном его оппозиции по отношению к антигуманизму. [...] Речь идет о смещении к другой оси, вдоль которой человеческие жизни разворачиваются параллельно жизням других существ. [...] Это ось не прогресса, ведущего к заранее определенному результату, а устойчивости, отмеряемой продольным переплетением поколений, а не их последовательной сменой» (р. 324).

На этой оси человек – не отвергаемый постгуманизмом стандарт узнаваемости, *клише*, но *animal homificans*. Это выражение Раймунда Луллия обозначает непрерывное становление человеком в сообществе других становлений – и как раз этот процесс Ингольд называет странствием. Говоря о странствии, необходимо коснуться одного из ключевых мотивов «Постчеловеческой предыстории» – спора с Розы Брайдотти. Если Брайдотти, настаивая на преодолении антропоцентризма, выводит на первый план *номадизм*, то Ингольд берет у Жилия Делёза и Феликса Гваттари другой концепт – *следование*³³, которое переплетается с тем, что авторы «Тысячи плато» описывают как ритуурнель.

В ритуурнели собираются все обсуждавшиеся выше тематические линии – ритм, время, устойчивость, космос. Ритуурнель сочетает в себе три аспекта: во-первых, наметить центр; во-вторых, очертить вокруг центра круг; в-третьих, разомкнуть этот круг. Соответственно, ритуурнель описывает рекурсивный процесс: от хаоса к центру, затем – к дому и, наконец, вовне, к силам космоса³⁴. Если первые два аспекта дают *цикличность*, то третий – *линию* импровизации. Таким образом, ритуурнель сплетает повторение и различие в ритмический ответ хаосу, ритм-хаос, где цикл отделим от линии лишь ценой застывания или коллапса в неразличимый поток³⁵. Что это говорит об антропоцентризме? В этом свете человек, как и вихрь, «не предполагает центра, а порождает его – как место относительного покоя» (р. 43), *привычку*, которая позволяет ему возвращаться и уходить, воображая по-настоящему, то есть создавая новые места.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

РАЗГОВОР ОБО ВСЕМ:

АНТРОПОЛОГИЯ

(ОБИТАЕМОГО) КОСМОСА

33 А следование – это и есть странствие. См.: Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь*. С. 45. О различии между номадизмом и странствием см.: INGOLD T. *Lines: A Brief History*. P. 101. Вкратце: если номадизм безместен, то странствие местосозидательно.

34 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 517–518. Ритуурнель определяется как «априорная форма времени, которая каждый раз фабрикует различные времена» (с. 584), то есть ритуурнель, или повторяющийся мотив («песенка»), делает время обитаемым (*habité*) через введение ритмизирующих привычек (*habitudes*).

35 Подробнее см.: INGALA E. *Of the Refrain (The Ritornello)* // SOMERS-HALL H., BELL A.J., WILLIAMS J. (Eds.). *A Thousand Plateaus and Philosophy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 192, 199.

Китайская космотехника и русский космизм

Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике

Юк Хуэй

М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 320 с.

КИТАЙСКАЯ ДОТА И РУССКИЙ БАЛЕТ

*Самсон Александрович
Либерман (р. 1993) –
доцент кафедры соци-
альной философии
Казанского (Приволж-
ского) федерального
университета, автор
телеграм-канала
«Локус» (@locus_vocis).*

«Китайская дота» – словосочетание, активно использовавшееся в киберспорте вокруг игры «DotA 2» и ее предшественницы «Defense of the Ancients» (DotA) еще несколько лет назад. Если не вдаваться в детали, то речь идет о высоком уровне техничности спортсменов, чей бездушный механицизм часто противопоставляется самому духу игры. Похожая коллизия разыгрывается в фильме «Moneyball»¹ (режиссер Беннетт Миллер, 2011) – спортивной драме, посвященной бейсболу. Здесь также в центре сюжета находится отказ от зрелищности в пользу командной слаженности и технически рассчитанной стратегии. Однако в случае с китайской дотой есть еще элемент колониализма: периферийная, экзотическая культура оказывается сильнее метрополии – причем на территории последней.

И часто это превосходство «метрополия» склонна объяснять повышенным вниманием «колоний» к технике. «– Почему китайцы доминируют в доте (а еще в гимнастике, настольном теннисе, прыжках в воду, классической музыке и так далее)? – Потому что они суть обезличенные машины с китайской коммунистической фабрики». К этому стереотипу прибегают и сами китайские спортсмены: одна из самых сильных современных команд в доте имеет прозвище «китайские роботы», которым члены команды и сами часто пользуются.

Близкий нарратив существует и вокруг русской культуры. «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» Николая Лескова имеет тот же сюжет в своем основании – периферийная культура перенимает западную технику настолько успешно, что копия становится сильнее оригинала. Правда, это происходит с потерей исходного смысла – подкованная блоха больше не танцует. Схожую с китайской репутацию имеют российские

1 В российском прокате фильм шел под названием «Человек, который изменил все».

спортсмены и артисты классического искусства – супертехничных, дрессированных виртуозов.

Так или иначе, в разговорах о технике, особенно в контексте периферийных культур, часто проскальзывает мотив потери некоторого «подлинного» смысла, духа или человечности. При этом образ техники как механизации в смысле обезличивания и отчуждения – это европейский образ. В философии техники он лучше всего представлен у Мартина Хайдеггера в эссе «Вопрос о технике», где немецкий философ противопоставляет древнегреческий *пойезис* (хорошую технику) и современный ему *постав* (плохую технику).

Основной принцип работы последнего – изъятие энергии из природных форм и ее накопление. Сегодня такую установку часто называют «ресурсным отношением», и она с одинаковым успехом обнаруживается в отношении и к природе, и к человеку. Хайдеггера ужасает превращение Рейна (ему слогал гимны Гёльдерлин!) в ресурс электропромышленности, когда не гидроэлектростанция поставлена на Рейне, но уже Рейн «поставлен», встроен в гидроэлектростанцию. Аналогичным образом «поставленным» оказывается и человек: лесник – в лес, рабочий – к станку, профессор – на кафедру.

Несложно увидеть связь между правой культуркритикой Мартина Хайдеггера и левой критикой капитализма Карлом Марксом. Капитал, понимаемый последним как самовозрастающая стоимость, – это такой «горшочек-не-вари», превращающийся в «плавильный тигель» и «общий котел», в котором мы все варимся. Главное в этом определении капитализма – оппозиция человеческого (труд) и нечеловеческого (капитал). Самовозрастающая, самовоспроизводящаяся, саморегулирующаяся «само-система», в которой рабочий/потребитель/пользователь производится как товар.

В экологии – этом, по словам Жижека, «опиуме XXI века» – хорошо видны и правые корни, и левые наработки. Критика ресурсности и поставы хорошо сочетается с критикой капитализма и модерности. Уход в лес – это теперь вполне прогрессивная стратегия, а техноалармизм все труднее отличить от эоактивизма. И «Эссе о космотехнике» так же находится в этом общем для левых и правых проблемном поле.

Для Юка Хуэя вопрос о технике связан с китайским вопросом. У Хайдеггера техника как постав, то есть как «добывающее производство» и превращение всего действительного в «состоящее-в-наличии», притворяется нейтральным инструментом, в то время как сущностно она является «видом раскрытия потаенности» бытия. И это притворство опасно, поскольку обманутый им человек забывает само бытие. У Юка Хуэя постав – это специфически западная техника, которая

САМСОН ЛИБЕРМАН

КИТАЙСКАЯ КОСМОТЕХНИКА
И РУССКИЙ КОСМИЗМ

своими притворными нейтральностью и инструментальностью соблазняет незападные культуры, в том числе и китайскую. И этот соблазн опасен, поскольку китаец забывает не столько бытие, сколько свою китайскую космотехнику.

В обоих случаях идет речь о некотором разрыве между техникой и традицией, потере корней. Но, так как постав – порождение именно западной космотехники, новая фаза той самой греческой технэ, этот разрыв является для Германии менее травматичным, чем для Китая. Именно поэтому китайские фабрики нас пугают сильнее, чем немецкие или английские, так же, как и русские балетные школы кажутся более бесчеловечными, чем французские. И, может быть, поэтому же русские артисты балета и китайские киберспортсмены оказались в какой-то момент сильнее: заимствованная техника не встретила никакого сопротивления со стороны традиции.

Так как инструментальность является только прикрытием особого космологического и морального порядка, под угрозой оказалась космология и мораль тех, кто соблазнился модернизацией.

Запад в некотором смысле «заразил» весь мир своей техникой. А мир легко технику принял, поскольку не имел к ней «иммунитета». Китай, вставая на путь модернизации, был уверен, что перенимаемая техника является нейтральным инструментом, который можно использовать для своих, специфически китайских, целей. Но, так как инструментальность является только прикрытием особого космологического и морального порядка, под угрозой оказалась космология и мораль тех, кто соблазнился модернизацией.

Разоблачая вслед за Хайдеггером современную технику, Юк Хуэй показывает, что (а) техника не инструментальна, она всегда связана с определенной космологией и моралью (например постав крепко связан с мифом о Прометее, бунте против богов и природы), и этот сплав он, собственно, и предлагает называть космотехникой; (б) техника не универсальна, существуют много разных космотехник – например, китайская; (в) дальнейшее развитие Китая невозможно без обращения к вопросу о собственной китайской (космо)технике, поскольку возможности поставы исчерпаны.

Итак, главный вопрос космотехники Юка Хуэя – это не глобальный вопрос космоса и вселенной (хотя и к нему также придется обратиться), но, наоборот, вопрос локальности. Поэтому его ближайшими собеседниками-оппонентами будут Бруно

Латур и связанная с ним традиция множественных онтологий природы (Эдуарду Вивейруш де Кастру, Филипп Дескола); постколониализм в версии Дипеша Чакрабарти; «метафизический фашизм» Мартина Хайдеггера, особенно в версиях его последователей из Киотской школы и русского неоевразийства (Александр Дугин).

ПРОТИВ ПРИРОДЫ

Сам Юк Хуэй избегает строгого определения своего главного концепта. Но, так или иначе, говоря о космотехнике, он каждый раз говорит о связке космологии, морали и техники, или о слиянии первых двух в технической деятельности. Некоторым прояснением здесь могут послужить размышления Латура о том, как нововременная наука произвела на свет чистую природу, с одной стороны, и чистую социальность – с другой. Последние, согласно теоретику акторно-сетевой теории, не являются готовыми статичными объектами, находящимися в антагонистических отношениях. Это различие (между природой как вещью-в-себе и обществом как людьми-друг-для-друга) изобретается наукой.

Специфическая процедура «очищения» природы от человеческого (и наоборот) лежит в основании западной модерности, тогда как многие другие культуры допускают гибридные отношения между природным и социальным. Более того, существуют культуры, где роль субъекта принадлежит скорее природному/материальному, нежели социальному/духовному. Здесь и сам Юк Хуэй, и Бруно Латур опираются на антропологов, прежде всего на работу Филиппа Дескола, который фиксирует четыре типа отношений между природой и обществом и, соответственно, четыре онтологии: анимизм, тотемизм, натурализм и аналогизм². Не менее важным было развитие этих идей у Эдуарду Вивейруш де Кастру, который пишет о мульти-натурализме и перспективизме как специфических онтологических установках каннибальской метафизики южноамериканских индейцев³.

Однако и Дескола, и де Кастру говорят о различии между западным человеком и индейцем как о различии в теоретических установках, в мышлении и космологических представлениях. Специфика их подхода выражается в признании за изучаемыми народами способности к философствованию и метафизике⁴.

² Дескола Ф. *По ту сторону природы и культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

³ Вивейруш де Кастру Э. *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

⁴ Там же. С. 44–45.

Юк Хуэй же говорит о технике как о материальной и практической деятельности, которая включает в себя не столько даже изобретение метафизик, сколько изобретение самих форм изобретения (с. 178). То есть выделения и описания множества космологий для него недостаточно: «по ту сторону природы и общества» стоят не столько особые формы мышления или мировоззрения, сколько особые формы техники и практики. У Бруна Латура в его эссе «Нового времени не было» такой техникой, стоящей за нововременной космологией и онтологией, является лаборатория. Именно в лаборатории наука изобретает «чистые» природу и общество, утверждая специфическое для современного Запада онтологическое различие. Юк Хуэй идет примерно тем же путем, стремясь выделить различия не в концепциях, метафизиках и нарративах, но в формах их изобретения и практико-технического утверждения.

Схожий упрек он обращает и к постколониализму. Основным недостатком концепции провинциализации Европы Дипеша Чакрабарти является игнорирование вопросов техники и практики. Индийский теоретик видит колонизацию и деколонизацию как столкновение двух нарративов, двух Историй, и, соответственно, оказывается слеп к стоящим за ними техническим практикам. Этот упрек аналогичен Марксову упреку к младогегельянцам, которые «борются только против “фраз”... сами не противопоставляют этим фразам ничего, кроме фраз»⁵. Постав, капитализм или модернизация – это не просто нарратив, а политика и практика, а значит, любая борьба, противопоставляющая им только другой нарратив или только другую онтологию, заранее обречена на провал.

Хуэй формулирует еще один пункт расхождения с постколониализмом и антропологами, связанный с попыткой «возврата к корням» – попыткой, которую он считает принципиально неосуществимой в силу невозможности игнорировать постав как фундаментальное основание капитализма и глобализации. Добавим от себя, что и сами попытки противопоставить современности «добытые» и «изъятые» архаичные онтологии и нарративы могут быть вписаны в логику поставы и коммодификации. Это, конечно, не совсем культурная апроприация в смысле присвоения предварительно экзотизированных и в таком качестве объективированных элементов чужой культуры. Однако и взаимодействие онтологий и/или космологий, то есть субъектных практик, вполне может работать в логике поставы.

Анна Лёвенхаупт Цзин приводит множество примеров подобного использования «варварских» практик и онтологий в капиталистических целях. Так как постав представляет изъя-

5 МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. *Немецкая идеология*. М., 1955. С. 19.

тие и накопление в первую очередь природных ресурсов, само это изъятие не может быть осуществлено в рамках «капиталистического уклада». Добыча полезных ископаемых, охота, собирательство, ловля рыбы и морских животных – все эти практики невозможны в привычной капитализму форме фабрики или плантации⁶. Переход от присваивающей экономики к производящей так и не был завершен, скорее «присваивание», то есть доиндустриальные и доиндустриальные практики, теперь осуществляются в производственных масштабах.

Как замечает Юк Хуэй, оппозиция локального (подлинного и коренного) и глобального (внешнего и навязанного) сама находится в логике глобального капитализма: локальные идентичности производятся глобальной экономикой (с. 215). Поэтому возврат к подлинному, «уход в лес» – это заведомо проигранный и реакционный стратегия. Любой «лес» сегодня будет либо хипстерским глэмпингом, либо промышленной вырубкой.

ПРОТИВ ПОСТ/МОДЕРНА

Мы не можем вернуться к корням и истоку, но мы так же не можем и сразу выпрыгнуть в киберпанк: еще одной заведомо ложной стратегией Юк Хуэй считает акселерационизм. Последний он трактует как попытку преодоления модерна модерном. Главным примером этой стратегии для него являются последователи Хайдеггера: русские евразийцы и адепты Киотской школы. Их подход он называет «метафизическим фашизмом», ключевым концептом которого является хайдеггеровское «возвращение домой», но понятое как историческое движение, как прогресс. То есть это возвращение предполагает архаизацию не в качестве регресса, но как некоторую революцию, пусть и консервативную, скачок в будущее, которое понимается как Событие, свершение национального и его очищение от внешнего, глобального.

Метафора очищения очень важна для этого направления, она подразумевает высвобождение бытия, приведение его к явленности, раскрытие. И это очищение, как и в лаборатории Латура, является продукционистским и деятельным. То есть это не охранительская защита изначальной чистоты в смысле культурной гигиены, например – но, наоборот, революционная практика чистки. Киотская школа понимала мировую историю буквально как чистилище. Главным грехом же, от которого необходимо очиститься, являются силы внешнего, силы навязывания, которые Мартин Хайдеггер и его последователи ассоцииро-

⁶ Цзин А.Л. *Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ad Marginem, 2017. С. 86.

вали с современной техникой и глобализацией (а иногда и с их персонифицированными «агентами» – евреями и азиатами).

Единственной формой такой истории-чистилища оказывается «тотальная война». Именно в огне мировой войны должно сгореть противостояние глобального и локального, а на его месте открыться хайдеггеровское бытие, буддистское ничто и/или другие формы метафизических оснований. Современная техника, чтобы быть преодоленной, должна быть уничтожена в столкновении с самой собой – глобальную модернизацию можно победить только локальной.

Нетрудно заметить, что эти два ответа на вопрос о технике – эколого-антропологический и акселерационистский – отражают две привычные альтернативы настоящему: возвращение в прошлое и рывок в будущее. Интересно при этом, что возврат к традиции позиционируется как прогрессивная стратегия, а революция – как консервативная, но это сейчас для нас неважно. Важно, что обе они, согласно Юю Хуэю, обречены на провал именно потому, что работают в рамках привычного линейного модернистского представления о времени.

Современная техника, чтобы быть преодоленной, должна быть уничтожена в столкновении с самой собой – глобальную модернизацию можно победить только локальной.

Сама идея преодоления модернизации (и как «возвращения домой», и как возвращения к природе) оказывается вписанной в модернность, в саму парадигму постава. Выход же из-под власти постава, по мнению Юка Хуэя, с необходимостью должен быть связан с пересмотром вопроса об истории и времени. И самой близкой к успеху попыткой такого выхода он считает постмодернистский проект Жана-Франсуа Лиотара, который пытается найти выход из модерна через его частичную привазию, то есть частичное отрицание каких-то его качеств, но не тотальное отрицание. Ключевыми образами такой частичной привазии, согласно французскому философу, являются «чистое зеркало» буддийского монаха Догэна и «анамнез» Зигмунда Фрейда.

Анамнез – это такой опыт, который не может быть явлен пациенту в качестве воспоминания даже посредством гипноза. Однако это прошлое существенно влияет на настоящее, вызывая определенные паттерны и повторения. Задача аналитика состоит в том, чтобы сделать видимыми эти паттерны для пациента и связать с прошлым, которое их вызвало. Однако, даже

если это предприятие окажется успешным, оно будет недостаточным. Для освобождения от власти анамнеза необходима его самостоятельная «проработка» пациентом.

Лиотар предлагает понимать культуру и искусство постмодерна как проработку модерна, его травм, не явленных и не видимых непосредственно, обнаруживаемых только методом свободных ассоциаций. Авангардизм, постимпрессионизм, алеаторика Кейджа – все это примеры такой проработки. Еще одну метафору Лиотар заимствует у Догэна: чистое зеркало, при столкновении с которым разбиваются все остальные зеркала.

«Имеет смысл попытаться вспомнить что-то (назовем это “что-то”), что не было записано, как если бы запись этого чего-то разрушила подпорки письма или памяти. Я позаимствую метафору зеркала из одного из трактатов “Сёбогэндзо” Догэна – “Дзэнки”: возможно присутствие, которого зеркало не может отразить, но оно разбивает это зеркало вдребезги... если то, что Догэн называет “чистым зеркалом”, встретится с зеркалом, “все разобьется вдребезги”... Итак, существует разрушительное присутствие, никогда не записываемое и не запоминаемое. Оно невидимо. Это не забытая запись, у него нет своего места и времени на подпорках записей, в отражающем зеркале (с. 242).

Жижек в «Less than nothing» схожим образом рассуждает о попытках передать травмирующий опыт. Индикатором истинности сообщения о травме является путаница и непоследовательность повествования. Если рассказ четко выверен и внутренне непротиворечив, у нас невольно появляется недоверие к нему. Если опыт и его «содержание контаминировало саму форму, в которой истина сообщается»⁷, то это является скорее признаком подлинного опыта, чем свидетельством вымысла и рационализации.

В трактовке Хуэя, это «чистое зеркало», перед которым разбиваются все остальные зеркала, означает особую форму знания или разума, который способен схватывать одновременно и бытие, и ничто предмета. Разум, который видит перманентное становление и разрушение, разрушает и привычное субстанциалистское восприятие вещей, зеркала разбиваются о чистое зеркало. В аналогичном ключе Гуссерль рассуждает об истоке интенциональности, который не может быть схвачен в настоящем и дается только как всегда отсутствующий или упущенный из виду.

Преодоление модерна для Юка Хуэя, таким образом, возможно не как чистое отрицание, но как частичная привация, которую можно сравнить с анамнезом. Альтернативой поста-

7 Zizek S. *Less than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso Books, 2012. P. 24. Цитата дана в переводе Вадима Квачева (<https://t.me/zizekdaily/2036>).

ву, который Хайдеггер описывает как приведение сущего в особое положение «состояния-в-наличии», то есть в положение изъятости и готового к использованию, является космотехника, основанная на единстве существования и несуществования, перед которым любое наличие и присутствие разбивается, подобно зеркалам в столкновении с «чистым зеркалом» Догэна.

ТЕХНИКА КАК ЗАПИСЬ ВРЕМЕНИ

Опираясь на разработки Джозефа Нидэма и продолжая идеи своего учителя Бернара Стиглера, Юк Хуэй предлагает понимать современную технику как особый – связанный с геометрией – способ опространствливания времени и мышления.

«Мои рассуждения о связи между геометрией, временем и техникой можно резюмировать следующим образом: (1) геометрия требует и производит возможность специализации [опространствливания] времени, которая включает (2) экстериоризацию и идеализацию с помощью технических средств; (3) геометрическая аподиктичность позволяет делать логические выводы, а также проводить механизацию каузальных связей, а (4) технические объекты и технические системы, ставшие возможными на основе такой механизации, в свою очередь участвуют в установлении темпоральности: опыта, истории, историчности» (с. 187).

Ключевой чертой геометрии как опространствливания мышления является ее аподиктичность, то есть наглядность и убедительность. Сократ из платоновского «Менона» убеждает своего оппонента с помощью *начертания*, то есть наглядного мыслительного процесса, позволяя смотрящему как бы в этом процессе соучаствовать. Мышление становится универсальным с помощью особой техники записи, которая обладает собственной логикой и собственной формой убеждения, несводимой к индивидуальным особенностям говорящего.

Геометрическое опространствливание мышления уже у самих греков продолжается опространствливанием времени. Время, понятое как отрезок или как прямая, лежит в основании западного проекта Истории. Благодаря геометрической наглядности, время, никогда не бывшее моим прошлым, может быть присвоено в качестве моей Истории. Таким образом, субъектность, порождаемая геометрией, будет связана с (а) позиционированием себя как точки, то есть некоторого разрыва в пустом геометрическом пространстве, которое однородно, пассивно и ждет присвоения; (б) позиционированием себя на оси времени, которое так же однородно, но активно, направленно.

Такое деятельное мироотношение, собственно космотехнику, можно наглядно представить, используя в качестве метафоры компьютерную игру «Sid Meier's Civilization»: несколько игроков, пустая территория и конкурирующее освоение и колонизация. Помимо движения по плоскости игровой карты (сетке геометрических шестиугольников), игрок движется во времени, которое тоже имеет пространственную, но уже линейную организацию в виде «дерева научных исследований». Возможность движения по этому дереву, данность в пространственном образе прошлого, настоящего и будущего, иллюстрирует специфику линейного времени. Таким образом, захват пространства и захваченность временем – ключевые черты постава как космотехники, согласно Юку Хуэю.

Китайская же космотехника с геометрией не знакома. Однако это не значит, что техническое полностью отсутствует, но оно скорее будет ориентироваться на алгебру и числовые расчеты, нежели на геометрию. Пространство, понятое через числовые зависимости и алгебраические функции, будет состоять из кривых, а не прямых и треугольников. Отсюда же можно вывести отсутствие четкого декартовского разделения на субъект и объект, общество и природу – китайская философия говорит скорее о резонансе между Небом и Землей, природой и человеком. Если в геометрии существует особая аподиктичность, распластанность пространства перед взглядом субъекта, то в китайской философии этого разрыва нет и «субъект конституирован не волей или желанием знать, а скорее тем, что пребывает вовне и его пересекает» (с. 190).

Выстраивая историю китайской философии вокруг вопроса о соотношении Ци (обряд, техника, ритуал) и Дао (природа, космос), Хуэй показывает, что они всегда находятся в отношении взаиморасположенности и соответствия. Если греческое *techné* базируется на мифе о Прометее, его восстании против богов, то китайское Ци – это идея сообразности природе. Ключевые этапы в развитии китайской философии автор связывает с вторжениями инородного: буддизма, христианства и потом постава. Каждое такое вторжение вынуждает философию переизобретать соотношение между Дао и Ци. Однако с последним вторжением, как считает Юк Хуэй, китайская философия справиться не смогла, в том числе потому, что рассматривала постав как культурно нейтральный инструмент. Соответственно, преодоление постава должно быть связано с переизобретением космотехники как отношения между Дао и Ци, восстановлением связи между техническим аспектом и космологическим, моральным. И ключевой для такого переизобретения вопрос здесь – это вопрос техники как записи времени.

НОВОЕ «НОВОЕ ВРЕМЯ»

Именно непроговоренность вопроса о технике в качестве проблемы времени и истории является для Юка Хуэя причиной неудач предыдущих восточных философских проектов преодоления вестернизации и модернизации. Однако те попытки, в которых все-таки ставился вопрос о мировой Истории и месте в ней локальных культур, так же кажутся ему неудовлетворительными, поскольку легко оборачиваются «метафизическим фашизмом». «Мы должны столкнуться с проблематикой философского “возвращения домой” и выйти за ее пределы» (с. 255).

В пользу возможности такого «выхода за пределы» для Китая Юк Хуэй приводит два аргумента. Первый связан с концептом антропоцена, в котором китайского философа привлекает совпадение человеческого времени и геологического. С одной стороны, ситуация антропоцена очевидно является следствием работы постава, когда мир действительно оказывается стоящим-в-наличии у человека. С другой стороны, чем глубже и последовательнее реализуется постав, тем заметнее становятся его противоречия, тем сокрушительнее и разрушительнее катастрофы.

Необходимость договариваться и перенастраивать связи с природой сегодня уже воспринимаются не как устаревшие магические практики, но как прогрессивные и научные (экология – это ведь еще и наука). Совпадение человеческого времени и геологического дает китайской традиции некоторую фору, поскольку она всегда имела подобную установку в своем основании.

Одно из последних дополнений к «Sid Meier’s Civilization», которое называется «Gathering Storm», как раз связано с попыткой представить пространство как активное и сопротивляющееся игроку – теперь вулканы извергаются, уровень мирового океана поднимается, а реки грозят выйти из своих берегов. Однако это все еще геометрическая карта с случайными катастрофами, в которой невозможно разглядеть ни субъектность природы, ни тем более – ее какую-то особую темпоральность. Последняя по-прежнему мыслится линейно и является исключительной прерогативой игрока-колонизатора.

Как указывает Юк Хуэй, в традиции европейской экологии эта установка на альянсы и договоры с силами внешнего не может быть реализована до конца, поскольку зачастую она склонна рассматривать нынешние катастрофы как случайности или даже сбои, которые можно ликвидировать и минимизировать ущерб. На предложение Бруно Латура «перенастроить» Новое время аналогично тому, как можно перенастраивать компас

или другую технику, Хуэй отвечает: «Модерн не неисправная машина, а скорее та, что работает слишком хорошо в соответствии с заложенной в ней логикой» (с. 259).

Модернизацию, технику, постав нельзя перенастроить, потому что это не нейтральный инструмент, а особая космотехника, которая также включает в себя и моральную составляющую, и космологическую. И, если мы действительно хотим решить те проблемы, что встают перед человечеством в контексте антропоцена, нам необходимо новое «новое время».

САМСОН ЛИБЕРМАН
КИТАЙСКАЯ КОСМОТЕХНИКА
И РУССКИЙ КОСМИЗМ

Модернизацию, технику, постав нельзя перенастроить, потому что это не нейтральный инструмент, а особая космотехника, которая также включает в себя и моральную составляющую, и космологическую.

Второй аргумент связан с множественностью. Отсутствие в китайской традиции представления о *Geschichte*, линейной истории, не должно закрыть от нас другого образа истории, связанного с множественностью случаев, времен и отдельных историй. Он активно разрабатывается в современной философии и в некотором виде существует в китайской традиции. Алгебраическое исчисление представляет время как набор событий или моментов, которые можно группировать и соотносить друг с другом.

Возможность календарного исчисления не обязательно предполагает представления о линейном времени (с. 188), однако оно также позволяет находить некоторые закономерности и проводить расчеты. Попытки просчитать случайности и найти нелинейные закономерности между событиями лежат в основе различного рода сезонных календарей, на основании которых, например, многие российские огородники и сегодня организуют свои отношения с землей. Еще более интересной формой поиска закономерностей среди набора случайностей является гадание⁸.

- 8** Китайская «И Цзин» довольно давно вдохновляет западное искусство и философию. Упомянутая алеторика Кейджа (а может быть, и алеаторный материализм Альтюссера) также во многом обязана своим представлением о времени и случайности древней китайской практике гадания. Ник Ланд и его тик-числа, коинсидентология Йозля Реева, девятиричные кресты Резы Негарестани – все это попытки представить альтернативные линейному представления о времени, и все они так или иначе будут связаны с возможностью переписывания прошлого или выхода из-под его власти. Представление о линейном генеалогическом развитии оказались дискредитированы как подыгрывающие европоцентризму и капитализму, поэтому тему случайности и контингентности действительно можно считать одной из центральных для современной философии. Однако ее Юк Хуэй подробно разбирает в одной из следующих работ, здесь же он связывает возможность выхода из-под власти линейной модернизации с обращением к теме множественности в смысле постколониализма.

Множественность времен и историй Хуэй здесь трактует вслед за Дипешом Чакрабартти через хайдеггеровское *Zuhandene*, то есть «подручное». Через этот концепт Чакрабартти пытался противопоставить «Историю 1» и «Историю 2», где первая – это собственно большая линейная история (Разума, Капитала, Философии и так далее), а вторая – это конкретные истории взаимодействий локальных событий и участников. Подобный мотив можно найти и у Анны Лёвенхаупт Цзин, которая говорит о множестве историй разных акторов (человеческих и нечеловеческих), которые не могут быть вписаны в единую прогрессивную историю капитала.

Юк Хуэй отмечает, что Дипеш Чакрабартти (снова) игнорирует материальность локальности. *Zuhandene* Хайдеггера – это то, что благодаря именно своей материалности и техничности оказывается способным навязывать окружающим собственные темпоральные режимы. Множество историй – это не множество нарративов, но множество материальных сборок, каждая из которых обладает собственной темпоральностью. И опять же, китайская традиция в этом вопросе снова оказывается в выигрышном положении, потому что такое понимание времени уже в ней заложено изначально.

Итак, проект выхода из-под власти линейного времени Юк Хуэй связывает с двумя особенностями китайской космотехники: 1) сорасположенность природы и общества, их корреляция; 2) множественность времен как моментов и событий, отношения между которыми можно просчитывать нелинейно и без редукции друг к другу или к третьему гомогенизирующему термину вроде Истории, Капитала и так далее. И также он не устает повторять, что обе эти установки являются не столько космологическими, сколько (космо)техническими, то есть материальными и деятельными.

ВОПРОСОМ НА ВОПРОС

В послесловии Денис Шалагинов (переводчик) и Евгений Кучинов (редактор перевода) справедливо указывают, что примеров работы собственно китайской космотехники у Юка Хуэя практически нет (с. 289). Исключение составляет легенда о ноже Пао Дина, согласно которой именно знание Дао, а не мастерство или опыт позволяют быть хорошим мясником. В разговоре с императором легендарный Пао Дин поясняет, что тушу необходимо резать не через сочленения и сухожилия, а через пустоты между ними. Великий мясник не ведет свой нож согласно заранее предписанной схеме или накопленному опыту. Он не доверяет глазам и внешним органам чувств

в целом, однако следует внутреннему чувству, каждый раз на ощупь находя путь наименьшего сопротивления и вмешательства и действуя, соглашаясь с природой окружающих вещей.

САМСОН ЛИБЕРМАН
КИТАЙСКАЯ КОСМОТЕХНИКА
И РУССКИЙ КОСМИЗМ

«Хорошему мяснику приходится менять свой нож раз в год, потому что он прорезает сухожилия; плохой мясник меняет нож ежемесячно, ведь он впрямую рубит кости ножом; тогда как Пао Дин не менял своего ножа в течение девятнадцати лет, и всё же он выглядит так, будто только что обработан точильным камнем» (с. 101).

Однако хватит ли нам этого очень красивого образа для решения вопроса о технике в Китае? Кажется, нет. При этом мы видим огромное количество примеров работы самой модернизации–глобализации и консервативной реакции на нее в духе «метафизического фашизма». Такой перекося в примерах заставляет многих, в том числе и переводчиков, усомниться в возможности четко разделить проект Юка Хуэя и, например, евразийство Александра Дугина (с. 287). Юк Хуэй справедливо замечает, что изоляция оказывается просто невозможной в современных экономических и технических условиях. Однако, что должны означать формулы «преодоление модерна через модерн» и «реапроприации техники» (с. 267), если не акселерацию и тот самый метафизический фашизм образца Киотской школы? Возврат к истоку невозможен, метафизический фашизм нежелателен и преступен – как же тогда быть?

Отсутствие примеров «положительной программы» не позволяет нам принять однозначное решение относительно конкретных вопросов «ориентализации» поставка – вроде тех парадоксов китайской доты и русского балета, что мы обсуждали в начале статьи. Стоит ли действительно ограничивать доступ школьников к компьютерным играм и киберспорту, как это сейчас происходит в Китае? Следует ли Китаю изобретать и открывать собственные платформы и социальные сети вроде «Тик-Тока» и «Али-экспресс»? В чем будет заключаться срединный путь наименьшего сопротивления Пао Дина? И как избежать его превращения в аналог «калифорнийской идеологии», то есть как избежать «поставляющей» экзотизации, о которой мы уже говорили выше?

Есть еще один вопрос, на который справедливо указывают Шалагинов и Кучинов в своем послесловии. Каков статус «космо-» в «космотехнике» (с. 286)? Их интересует возможность прочтения космотехники через антагонизм с хаосом и хаосмосом: как быть со случайными и хаотическими линиями, которые могут быть не явлены, скрыты и сопротивляться тотальности космоса? Этот вопрос Хуэй действительно оставляет без внимания, и, правда, было бы здорово, «если бы нож Пао Дина резал не тушу коровы, а тушу космоса, возвращая в нее перво-

бытный хаос» (с. 291). Однако, как нам кажется, этот упрек можно считать несколько надуманным. Юк Хуэй рассматривает космос не в связке с разумностью и порядком, противопоставляя его хаосу (как греки). Он видит его скорее как аналог Дао, в котором это напряжение между явленным и скрытым, упорядоченным и разобщенным уже присутствует.

Однако мы тоже можем воспользоваться возможностью обращаться к автору собственные, напрямую не связанные с его текстом вопросы. Если действительно рассматривать эссе Юка Хуэя как призыв к формулированию собственных космотехник, то в контексте русской культуры вопрос о «космо-» игнорировать не получится. Русский космос и русский космизм – это и есть русская космотехника? И в какой версии нам его стоит исследовать? Лично нам импонирует космизм Виктора Пелевина из «Омон Ра», там, к слову, и вопрос о технике не обойден стороной. Мало того, некоторые современные практики по тотальной цифровизации и роботизации действительно напоминают пелевинскую «беспилотную» космотехнику.

Или, может быть, более интересным будет «Человек, который улетел в космос из собственной квартиры» Ильи Кабакова? Стратегии выхода, эмиграции (чаще внутренней, чем внешней), личного и мистического отношения к космосу действительно находят отклик в современных российских реалиях. Особенно важным кажется в этом отношении противостояние между «релокантами» и «внутренними эмигрантами». Ну, и, конечно, нельзя обойти стороной феномен космической хохломы Дмитрия Рогозина, эвристический потенциал которого, как кажется, был сильно недооценен современными исследователями.

Подводя итоги, скажем, что работа Юка Хуэя действительно имеет ценность скорее проблематизации и полемического вызова, чем программной работы или манифеста. И вызов сегодня этот чувствуется в несколько раз острее, нежели в год написания его эссе.

Хоронить по-новому¹

АЛЕКСАНДРА
ШУРИНОВА

Новому человеку – новая смерть?

Похоронная культура раннего СССР

АННА СОКОЛОВА

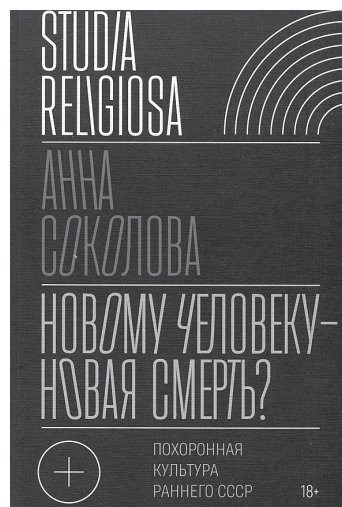
М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 456 с.

В последние десятилетия в мировом научном обществе и публичном пространстве наблюдается устойчивый интерес к всестороннему изучению вопросов смерти, а также мемориальных практик, как современных, так и соотнесенных с исторической перспективой.

К настоящему моменту в академических исследованиях сложились несколько школ *death studies*, наиболее значимыми из которых являются американская и британская². Первая имеет скорее историко-культурологическую направленность, а вторая тяготеет к социологической. В отечественной науке изучение смерти пока не получило широкого распространения – некоторым это поле все еще представляется маргинальным, и, в том числе, вне академии смерть нередко оказывается вытеснена из публичного пространства.

Тем не менее *death studies* постепенно развиваются как в российской академической среде, так и в публичном поле. Из наиболее значимых исследований последних лет можно отметить работу Светланы Малышевой «“На миру красна”: инструментализация смерти в Советской России» (М.: Новый хронограф, 2019), где практики обращения со смертью в СССР рассматриваются как важные факторы формирования основных черт советской культуры. Здесь также нельзя не указать на Сергея Мохова – автора ряда исследований по истории смерти и похоронной индустрии³, а также главного редактора журнала «Археология русской смерти», выпускавшегося в 2015–2018 годах (№ 1–6).

Александра Шуринова (р. 1999) – историк, стажер-исследователь Центра изучения ментальных моделей и истории памяти Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

- 1 Публикация подготовлена в результате проведения исследования (№ 22-00-036 «Исторические надгробия и мемориальная культура в России XVIII – первой трети XX в.») в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».
- 2 PROTHERO S. *Purified by Fire: A History of Cremation in America*. Berkeley, 2002; WALTER T. *Death in the Modern World*. Los Angeles, 2020. Подробнее об этом см.: Мохов С.В. *Ситуация с «Death Studies» в современной науке* // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 230; ЕРЕМЕЕВА С.А. «Death Studies» – разговор о жизни и о будущем // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 237.
- 3 Мохов С.В. *Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия*. М.: Common place, 2020; Он же. *Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России*. М.: Common place, 2021.

Немало в России и общественных инициатив, посвященных распространению *death studies*. По большей части существующие проекты связаны с некрополистикой, а она в свою очередь – с генеалогическими изысканиями, интерес к которым становится все заметнее⁴. Кроме этого, имеет место и музеефикация кладбищ – здесь ярким примером является музей «Тулский некрополь», созданный в 1990-е⁵.

Отдельно можно выделить просветительскую деятельность: например, подкаст «Смертельный номер», где обсуждаются разнообразные вопросы, связанные с темой смерти, а также петербургский проект «whatiscemeterу», цель которого обратить внимание общества на состояние исторических кладбищ и внести вклад в сохранение надгробных памятников⁶.

Таким образом, количество общественных проектов и академических исследований смерти в России постепенно растет, и работа Анны Соколовой «Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР» поддерживает эту тенденцию. В монографии, ставшей результатом почти десятилетнего исследования, автор детально рассматривает, какие изменения претерпела похоронная культура довоенного периода СССР.

Акцент в работе делается на изучении рядовых советских похорон, что позволяет приблизиться к пониманию того, каким должен был быть «советский человек» и как он должен был относиться к смерти. В рамках становления «нового человека» автор анализирует процесс десемантизации смерти, называя его одним из ключевых элементов истории советской смертности и показывая его влияние на современное отношение к смерти в России.

Исследование также вносит вклад в дискуссию о том, можем ли мы назвать процессы, происходящие в раннем СССР, уникальными или же они являются частью перехода к современному обществу, затронувшего в начале XX века ряд других стран. Отвечая на этот вопрос применительно к теме книги, Анна Соколова считает, что реформы, проводившиеся в похоронной сфере в раннесоветский период, не являются уникальными: они логично встраиваются в неоднородный процесс реформирования похоронной культуры, происходивший в Европе со второй половины XVIII столетия.

Монография включает в себя пять глав, а также приложение, куда помещены расшифровки наиболее значимых архивных источников. В обстоятельном введении описаны методологические основы, а также ограничения, которые определены

4 См., например: *Некрополи Ярославской губернии* (www.yar-genealogy.ru/0059_10.php); *Ковровский некрополь* (<https://kraeved-museum.ru/kraevedenie/kovrovskij-nekropol/>).

5 См.: <https://tiam-tula.ru>.

6 См.: www.whatiscemeterу.com.

рамками работы, – Анна Соколова подчеркивает, что используемые ею материалы касаются по большей части русского православного населения Москвы и Санкт-Петербурга. Она кратко описывает состояние похоронной сферы в Европе и Российской империи и говорит о разрыве, произошедшем с революцией: если в имперской России похороны занимали важное место в жизни общества, то в советское время они оказались вытеснены из публичного пространства.

По мнению автора, кажущиеся непоследовательными похоронные реформы отражают становление антропологических констант, лежащих в основе советского проекта. В новом мире просто не было места для смерти – она ассоциировалась с миром старым, побежденным. Попытка большевиков очистить похороны от религиозной составляющей и внедрить новые обряды не увенчалась успехом – полноценной замены найти все же не удалось, и большая часть населения продолжала воспроизводить издавна привычные ритуалы.

Одни из ключевых тем исследования – раннесоветские дискуссии о новой похоронной обрядности, а также рассмотрение разных видов советских похорон. Анна Соколова прорабатывает генеалогию похоронного церемониала советских вождей, показывая, как он наследует практику дореволюционных политизированных публичных похорон.

Автор уделяет внимание ряду похорон известных общественных деятелей, но упускает при этом публикации Мэтью Клопфенштейна, где он изучает влияние похорон дореволюционных актрис на российскую похоронную культуру⁷. Мэтью Клопфенштейн считает, что публичный образ политиков и актрис имеет много общего: прежде всего он рассчитан на формирование эмоциональной связи с народом. В начале XX века жители российских городов с большим интересом следили за жизнями представителей театра, кино, спорта – они, по мнению Мэтью Клопфенштейна, становились «образцами новых идей о личности и идентичности», и поэтому их похороны становились значимым событием⁸. На мой взгляд, этот феномен вполне находит продолжение в советский период, особенно как раз применительно к похоронам «вождей».

Отдельное место в работе занимают похороны Ленина – по мнению автора, они ярко подсветили проблемы, связанные со

7 Клопфенштейн М. *Смерть и похороны известных актрис и певиц накануне революции: эмоции, личность и новые виды общества*. Материалы международной конференции «Россия в мире. Зарубежная русистика: современные тенденции». 25 сентября 2017 года. С. 1–11; KLOPFENSTEIN M. *The Death of the Pre-Revolutionary Actress: Public Funerals, Cultural Status and Theater Identity in the Soviet 1920s // Конструирование «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. Материалы двенадцатой международной конференции молодых ученых 20–21 апреля 2018 года*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 54–59.

8 Клопфенштейн М. *Смерть и похороны...* С. 3.

смыслом похоронной обрядности. Похороны вождя не только продолжали дореволюционную традицию, становясь площадкой для политического высказывания, – они были местом столкновения старого и нового, имели парадоксально витальный характер, обозначали рождение нового мира.

Несмотря на оживленные дискуссии по поводу выработки единого советского способа погребения, создать его так и не удалось: «красные» похороны, истоки которых лежат еще во времена империи, не получили большого распространения за пределами круга наиболее активных коммунистов. Анна Соколова также указывает, что в раннесоветский период энергично продвигалась идея создания коллективных захоронений и отказа от индивидуального погребения – при таком раскладе предполагалось сохранять не кладбище как институт, а «систему коллективной памяти, поддерживающей и воспроизводящей самосознание партийцев» (с. 145).

Еще одна тема монографии – роль кладбища в пространстве социалистического города. Периферийное место смерти в сознании советского человека хорошо иллюстрирует тот факт, что кладбища отсутствовали как в градостроительных проектах, так и в их реальных воплощениях. Старые кладбища нередко меняли свою функцию: если некрополь не уничтожали, то кладбищенские постройки заселяли людьми, нарушая при этом все санитарные нормы. Кроме этого, в отдельных случаях городские кладбища благоустраивали и превращали в места прогулок, поскольку в некоторых городах они становились одними из немногих зеленых зон.

Надо отметить, что это не является советским нововведением, а с некоторыми изменениями продолжает дореволюционную практику – в имперский период кладбища также служили местами для прогулок⁹, – и здесь скорее можно говорить о сохранении этой функции, а не каком-то ее серьезном преобразовании. Анна Соколова также связывает гуляния, грабежи, разбой и мелкое хулиганство на раннесоветских кладбищах с изменением статуса этих территорий, однако здесь с ней можно не согласиться: все это было вполне типичным и в имперское время, о чем свидетельствуют многочисленные источники¹⁰.

Важной отличительной чертой советской политики являлась попытка совсем отказаться от захоронений в земле и внедрить кремацию как основной способ погребения – до революции об этом способе погребения в связи с его противоречием право-

9 Саладин А.Т. *Очерки по истории московских кладбищ*. М.: Летний сад, 1997. С. 6; Пучков С.В. *Московское городское Братское кладбище*. М.: Городская типография, 1915. С. 18.

10 См., например: Остроухов В.Ф. *Московское Лазарево кладбище. Историческое исследование, составленное на основании имеющихся в кладбищенской церкви разных документов*. М.: Типография В.В. Чичерина, 1893. С. 92–93; Саладин А.Т. *Указ. соч.* С. 8.

славным нормам не могло идти и речи. Крематорий же отлично вписывался в ландшафт советского города, вставая в ряд с промышленными предприятиями и, таким образом, делая смерть «растворенной» в повседневности. Описывая обширный исторический контекст, Анна Соколова показывает, что советский кремационный проект наследует западноевропейские идеи о кремации. Большевикам кремация была удобна сразу по нескольким параметрам: во-первых, она решала чисто техническую проблему утилизации тел в условиях переполненности кладбищ; во-вторых, служила инструментом атеистической пропаганды и еще одной точкой разрыва со старым миром. При этом автор подчеркивает, что решающим здесь оказывается именно первый пункт, поскольку необходимо было в кратчайшие сроки минимизировать похоронный кризис. Несмотря на активную пропаганду кремации, этот способ погребения не снискал большой популярности. Кроме того, строительство и поддержание работы крематориев оборачивались большими убытками для властей, поэтому довольно скоро идея массового внедрения крематориев была отложена.

В работе подробно разбирается похоронный кризис 1919 года и последовавшие за ним административные реформы. Муниципализация похоронного дела имела целью отстранить от него церковь, таким образом полностью переворачивая устоявшийся порядок. Нельзя сказать, что дореволюционное положение кладбищенского дела было идеальным, но оно, однако, имело относительно четкое разделение на зоны ответственности и потому достаточно успешно функционировало, особенно в крупных городах. Советская реформа, проводившаяся в духе *welfare state* и предполагавшая сделать похороны доступными для всех, не смогла учесть огромного количества вопросов, главным из которых было финансирование похорон, что привело к крупному кризису.

Ситуация, сложившаяся в результате неумелого администрирования и отсутствия средств, по мнению Анны Соколовой, сыграла значительную роль в процессе становления российской похоронной культуры, которая приобрела двойственный характер. С одной стороны, государство обязывалось предоставлять погребальные услуги бесплатно или за небольшие средства. С другой же стороны, для советского проекта похороны были делом абсолютно бессмысленным: отход от идеи посмертной жизни поднимал вопрос о необходимости сохранения тела вообще. В итоге вместо предполагавшегося изначально равного для всех погребения сформировалась двухуровневая система, при которой статусные похороны, как и до революции, приобретали характер запоминающегося общественного мероприятия, а похороны обычных людей, на-

против, становились все более незаметными и даже как будто бы маргинальными, что способствовало отсутствию разговора о смерти в публичном пространстве. И поскольку массовые практики погребения власть интересовали куда меньше, чем статусные, чаще всего, близкие умершего сами должны были решать проблемы, связанные с похоронами, что повлекло за собой появление «похоронных кустарей», а также распространение DIY-практик: самостоятельного изготовления гробов, оградок и прочих похоронных атрибутов.

В кратком эпилоге Анна Соколова описывает состояние похоронного дела в послевоенный период, в очередной раз иллюстрируя периферийность этой сферы для государства: вплоть до 1960-х хоть сколько-то важных реформ в кладбищенском деле не происходило. Впрочем, очередная дискуссия о похоронной обрядности, возникшая на волне второй антирелигиозной кампании, к существенным изменениям не привела. По мнению автора, бездействие власти было обусловлено прежде всего дефицитом ресурсов, а он в свою очередь стал следствием десемантизации смерти. И если в других социальных сферах советской власти в той или иной степени удавалось справляться с затруднениями, то разрешение похоронного кризиса и поиск новых смыслов оказались ей не под силу. Таким образом, похоронная инфраструктура оказалась в состоянии «поломки»¹¹, в котором и пребывает до сих пор.

Исследование Анны Соколовой во многом строится на дихотомии старого и нового. Ей удается показать двойственность советского проекта: с одной стороны, он подразумевал тотальный разрыв со старым миром, «очищение настоящего от прошлого» (с. 356) – с другой, полностью порвать с этим прошлым оказалось невозможным. Несмотря на отход от дореволюционных похоронных практик (в первую очередь сословного/классового принципа погребения), многие из них в том или ином виде были возвращены, что в очередной раз иллюстрирует явное или теневое воспроизводство элементов буржуазного общества в СССР¹².

Продолжая разговор о достоинствах монографии, нельзя не отметить обширнейшую источниковую базу, куда вошли многочисленные архивные материалы: протоколы заседаний, информационные бюллетени, личные дела, многочисленные отчеты, переписки, публицистика, источники личного происхождения и так далее. Многие из этих источников впервые

11 Мохов С.В. *Инфраструктура рынка ритуальных услуг и производство социального порядка* // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 146–147.

12 См., например: Куренной В.А. *«Советское» как предмет исследовательского интереса* // СССР. Жизнь после смерти / Науч. ред. И.В. Глущенко, Б.Ю. КАГАРЛИЦКИЙ, В.А. Куренной. М.: Высшая школа экономики, 2012. С. 297.

вводятся в научный оборот. Отдельно стоит отметить иллюстрации из личного архива антрополога Ниннелъ Полищук и самой Анны Соколовой. Тем не менее здесь же подчеркнут и недостаток этой базы: феномен фотофиксации похорон, получивший начало еще в дореволюционный период и широко распространившийся в советское время, автором рассмотрен не был. Между тем посмертная фотография стала частью похоронно-поминальной обрядности, важным элементом фиксации перехода от жизни к смерти, помогая адаптироваться к утрате¹³.

Помимо этого, крайне интересно было бы дополнить исследование анализом надгробных памятников, относящихся к изучаемому периоду. В первую очередь речь идет о дореволюционных надгробиях, которые в советское время активно использовались повторно. Очевидно, что эта практика – следствие похоронного кризиса 1919 года и отсутствия возможности самостоятельно сделать или купить памятник. В большинстве случаев прежние надписи на надгробии сбивали, закрашивали или закрывали табличками, но иногда оставляли, делая новую с другой стороны. Кажется, это отличный пример десемантизации смерти, нового подхода к осмыслению памяти о человеке, а также иллюстрация тяги к утилитаризму, свойственному советскому проекту.

Большое внимание Анна Соколова уделяет генеалогии советских похоронных практик, их связи с европейским и дореволюционным опытом. При этом в тексте иногда заметны «провисания», вызванные, впрочем, тем, что про устройство кладбищенского дела в имперской России сейчас известно крайне мало. В любом случае глобально на суть работы это не влияет: даже благодаря такому погружению в контекст становится понятно, что советская похоронная реформа – часть европейского современного проекта.

К структуре работы могут возникнуть вопросы: заключение как таковое отсутствует, из-за чего после прочтения возникает ощущение незаконченности, отсутствия цельного итога, суммирования результатов исследования. Однако, несмотря на некоторые пробелы, автору прекрасно удается показать, что советские преобразования разрушили идею похорон как адаптивного механизма к смерти и не смогли предложить ничего взамен. Попытка переосмысления смерти и реформирования кладбищенского дела была оставлена – эти вопросы пустили на самотек, что и привело похоронную культуру к тому состоянию, в котором она находится сейчас в России.

13 Подробнее об этом см.: Бойцова О.Ю. *Фотографии похорон // Она же. Любительские фото: визуальная культура повседневности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 74–97.

Монография вносит большой вклад в дискуссию о том, можем ли мы называть советское общество современным, и дополняет концепцию советского человека, ранее практически не изученными, но крайне существенными сторонами. Отсылая к статье американского историка Томаса Лакера, можно сказать, что эта работа ставит перед читателем основополагающий вопрос: «Зачем нам мертвые?»¹⁴. Исследование Анны Соколовой – колоссальный труд по изучению раннесоветских похоронных практик, безусловно, заслуживающий внимания как исследователей мемориальных практик, так и всех, кто интересуется советской культурой и историей смерти.

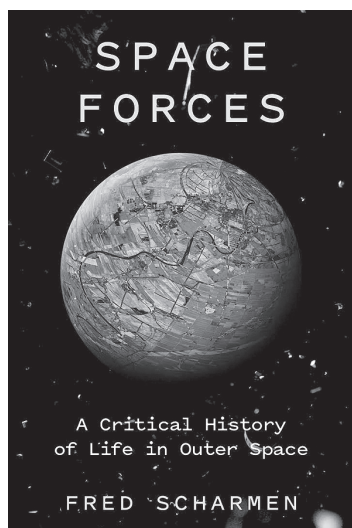
14 ЛАКЕР Т. В. *Зачем нам мертвые?* // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21511/).

Рецензии

Space Forces: A Critical History of Life in Outer Space

FRED SCHARMEN

London: Verso, 2021. – 272 p.

НЕОБЩЕЕ ДЕЛО

В 2021 году в издательстве «Verso» вышла вторая книга Фреда Шармена «Космические силы: критическая история жизни в космосе». Шармен – дизайнер и теоретик архитектуры, профессор Государственного университета Моргана (Балтимор, Мэриленд). Первая книга автора – «Космические поселения» (2019) – была посвящена утопическим архитектурным проектам космического века¹, таким, например, как «цилиндр О’Нила» – огромный вращающийся механизм на орбите Земли или других планет, придуманный американским инженером Джерардом О’Нилом. Внутри

цилиндра, по задумке, должны располагаться цветущие города с гравитацией, получаемой за счет вращения. Судя по всему, после работы над первой книгой у автора осталось много разрозненных материалов про космические утопии, которые и легли в основу рецензируемого издания.

Название содержит своего рода языковую игру. Выражение «космические силы» (*space forces*) недавно было у всех на слуху в связи с новостной повесткой: в конце 2019 года Дональд Трамп распорядился создать новый род войск – United States Space Force. Эмблема космических сил подозрительно напоминала лого популярного сериала «Звездный путь», что породило множество мемов. Сама инициатива была спародирована в сериале «Космические силы» на «Netflix» в 2020 году. У Шармена в книге понятие силы используется и в более универсальном значении: это буквально физические и социальные силы, благодаря которым жизнь в космосе становится возможной. Это и силы архитектурных конструкций, соединяющие и разъединяющие людей, но также и силы самих людей, сообществ и движений, поддерживающих архитектурные конструкции космических станций, кораблей и поселений. При этом в словосочетании «критическая история», вынесенном в подзаголовок, первое слово отсылает не столько к прямолинейным политическим обличениям, сколько к выявлению условий возможности – в данном случае космической жизни – в кантианском смысле. Что касается понятия «жизнь» (*life*) в названии, то здесь автор тоже играет с многозначностью термина. Сегодня о жизни в космосе, как правило, говорится

¹ SCHARMEN F. *Space Settlements*. New York: Columbia University Press, 2019.

в биологическом смысле. В то время, как последние несколько десятилетий ученые-астробиологи и фанаты изучения космоса ищут жизнь на Марсе, на спутнике Сатурна, Энцеладе, на экзопланетах, Шармен пытается выяснить, как возможна в космосе жизнь обычных людей – его интересует не биологическая, а социальная жизнь. Если эта игра с полисемичностью выражений в заглавии – продуманный маркетинговый ход со стороны автора, то нам, читателям, есть чему поучиться в изобретении привлекательных названий.

«Космические силы» состоят из выстроенных в хронологической последовательности эпизодов, посвященных знаковым для космического века именам и институтам: визионерам типа Константина Циолковского, Артура Кларка, Илона Маска и организациям типа НАСА или «SpaceX». В то же время автор открывает множество новых, неизвестных или неочевидных имен. Во-первых, Шармен исследует такую *hidden figure*, как Эдвард Эверетт Хейл – американский писатель, автор фантастической повести «Кирпичная луна» (1869), в которой он описал первую космическую станцию. Другой пример не очень известного персонажа – это архитектор НАСА, афроамериканец Джесси Стрикленд. Во-вторых, Шармен открывает для англоязычного читателя русских авторов-космистов: кроме Циолковского, он пишет о Николае Федорове, Александре Богданове и даже о братьях Стругацких (в тексте обосновывается принадлежность их произведений традиции космизма). Конечно, Шармен не первый, кто знакомит западную публику с наследием русского космизма. Благодаря Борису Гройсу, Антону Видокле и журналу «e-flux», это течение даже можно назвать в некоторой степени модным². Однако Шармен идет дальше простой популяризации:

он описывает особую «зону обмена» утопическими идеями между американскими и русскими космистами³, которые устремляли свои мысли «от частиц до космоса» (р. 43), живо интересуясь покорением и трансформацией галактик, продлением жизни и бессмертием. Автор хотел бы доказать, что американские космисты читали русских, но в итоге все же склоняется к тому, что идеи возникали параллельно:

«Кларк и Стругацкие, как Бернал и Богданов, скорее всего не знали о параллельных работах друг друга до тех пор, пока большая их часть не была уже создана. Действительно, ни один из этих писателей не был широко переведен на язык другого до конца 1970-х и начала 1980-х. Таким образом, эти взаимосвязи... больше похожи на набор резонансов, чем на родословную» (р. 121–122).

В «Космических силах» Шармен обращает внимание на распространенное требование – «мы должны жить в космосе», – которое обычно не объясняется и считается чем-то само собой разумеющимся. Автор справедливо вопрошает: «Кто “мы”?». Действительно, считается, что все человечество, любой человек, буквально «каждый» как представитель космического вида должен стремиться в космос. Шармен на такое допущение замечает:

«На Земле многие считают само собой разумеющимся существование “большого мы”: того, кто коллективно участвует в усилиях по освоению космоса или коллективно страдает от кризисов, подобных тем, что происходят с климатом. Это иллюзия, которая прикрывает неравное распределение вины, заслуг и последствий» (р. 7).

В этом смысле автор ставит под сомнение обязательность изучения и освоения

2 О понятии «зона обмена» см.: Галисон П. *Зона обмена: координация убеждений и действий* // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.

3 См., например: GROYS B. (Ed.). *Russian Cosmism*. London: MIT Press, 2018.

космоса как «общего дела» (термин Федорова). Более того, автор «Космических сил» смещает фокус на хрупкость, комплексность, децентрированность, ироничность, несуразность и случайность этого необщего дела в утопических проектах и попытках их реализации.

Можно иллюстрировать разные подходы к космосу на примере проектов космических станций, которые оказываются не просто домами, но и моделями социального устройства. Шармен анализирует стеклянные парники, которые описывал Циолковский и с помощью которых он планировал терраформировать Землю: изменить на ней климат, научиться пользоваться солнечной энергией⁴. При этом «туземцев» планировалось использовать как рабочую силу в экстремальных климатических условиях, потому что они приспособились, но при этом «не умеют пользоваться данным им раем и ведут жалкую нищенскую жизнь»⁵.

Шармен анализирует также кирпичную луну – проект, описанный Эдвардом Хейлом⁶. В этой утопии группа энтузиастов, ученых и инженеров, пытается решить проблему морской навигации: запустить на орбиту Земли искусственную луну, которая могла бы служить постоянным ориентиром для моряков и рыбаков, не имевших дорогостоящих инструментов навигации. Запустить ее хотели с помощью двух маховиков, раскручивающихся течением реки. Луна была построена на народные деньги. Для придания жесткости архитекторы разделили ее на секции – отдельные «лунетки». В процессе строительства часть команды перебралась на луну со своими семьями и животными, чтобы жить там. Запуск кирпичного спутника оказался не запланированным, а случайным. Оставшимся внутри луны пришлось жить на орбите и связываться с Землей с помощью азбуки Морзе.

Автор «Космических сил» убедительно показывает, что стеклянные луны Циолковского оказываются универсализующим и колониальным проектом, уничтожающим разнообразие, а серия случайностей и перегоронок-«лунеток» делает кирпичную луну жизнеспособным проектом, как раз поддерживающим разнообразие. Шармен заключает:

«[В утопии Хейла] мы можем представить себе другой космизм – построенный на возможности случайности, катастрофы, разобщенности и автономии. Такой космизм утверждал бы императив общего досуга, а не общего дела – будущий космос кирпичных лун, а не стеклянных» (р. 39).

Для объяснения устройства утопий общего и необщего дела Шармен использует термин «тектоника», который он заимствует из архитектуры. Тектоника применима не только к зданиям, но и к организациям, и даже государствам; она показывает, «как силы разрешаются в пространстве и материале, чтобы создать и выразить отношения между частями и деталями, а также между частями и целым» (р. 29). Именно космический сопромат позволяет, анализируя множество сил, испытать космические утопии на прочность. При этом, тектонически анализируя возможности космических утопий, Шармен обращает внимание не только на силу воображения визионеров, но и на контекст их реальных практик. Так, чтобы понять, что Джефф Безос собирается делать в космосе, нужно узнать, как устроена созданная им платформа «Amazon» (р. 193–195). Пожалуй, и методологически, и как источник вдохновения эта техника анализа утопий выглядит как самая плодотворная и многообещающая в книге.

ДЕНИС СИВКОВ

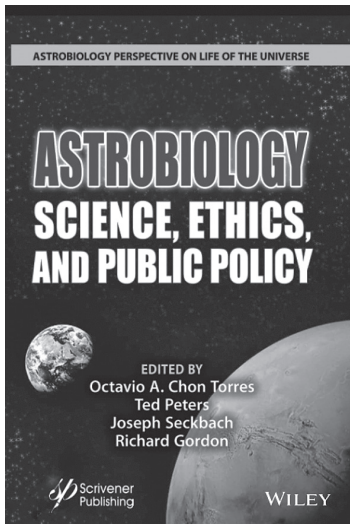
⁴ Циолковский К. *Будущее Земли и человечества*. Калуга, 1928.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ HALE E. E. *The Brick Moon and Other Stories*. West Valley City: Waking Lion Press, 2006.

***Astrobiology: Science, Ethics,
and Public Policy***

OCTAVIO A. CHON TORRES, TED PETERS,
JOSEPH SECKBACH, RICHARD GORDON (Eds.)
Beverly: Wiley-Scrivener, 2021. – 396 p.

Сегодня ученые точно знают, что за пределами Земли была жизнь. Известная часть истории этой «внеземной жизни» тривиальна. В апреле 2019 года космический аппарат, созданный компаниями «SpaceIL» и «Israel Aerospace Industry», с говорящим названием «Берешит», что можно перевести как «вначале» или «происхождение», разбился о поверхность Луны. Распавшись, он выпустил в атмосферу спутника Земли несколько сотен тихоходок, находящихся в состоянии криптобиоза. Способность этих «маленьких водяных медведей» выживать в самых экстремальных условиях – при крайне низких температурах и высоком уровне радиоактивного излучения, – теряя до 99% воды, хорошо известна. Что произошло с тихоходками после крушения «Берешита»? Могли ли они сохраниться на поверхности Луны? Есть ли у них перспективы вернуться к жизни и размножиться? Поиск ответов на эти провокационные,

но при этом вполне научные вопросы составляют интерес астробиологии – науки о жизни в космосе.

Является ли астробиология наукой в привычном смысле этого слова? Критики отмечают, что биология должна работать с конкретными живыми существами. Поскольку сегодня никто не может предъявить образцы внеземной жизни, астробиологии часто отказывают в статусе научной дисциплины. Вместе с тем ее исследовательское поле парадоксальным образом растет: астрономы ищут планеты, потенциально пригодные для жизни; активисты SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence – поиск внеземного разума) пытаются услышать голоса инопланетных цивилизаций; сторонники METI (Messaging to Extraterrestrial Intelligence – послания внеземному разуму) самостоятельно посылают сигналы в космос в надежде быть услышанными; колонизация Марса или освоение Луны – реальные научные и коммерческие проекты. Исходя из этого проблемное поле астробиологии может быть описано с помощью трех основных вопросов: как зарождается и развивается жизнь во Вселенной, существует ли жизнь за пределами Земли, каково будущее жизни на Земле и за ее пределами? (р. 3).

Необычный взгляд на эти вопросы представлен в сборнике «Astrobiology: Science, Ethics, and Public Policy». Среди 26 авторов – как независимых исследователей, так и академических ученых – теологи, философы, астрономы, биологи, историки, активисты. Несмотря на то, что такое разнообразие лишь подчеркивает существующие среди исследователей парадигмальные различия, всех авторов сборника объединяет стремление увидеть астробиологию как сформировавшуюся научную дисциплину.

Незавершенность концепта астробиологии заметна при обсуждении проектов учебных курсов, о чем в статье «Astrobiology Education: Inspiring Diverse Audiences with

the Search for Life in the Universe» пишет астроном из университета Аризоны Крис Аймпи. По его мнению, среди исследователей космоса интерес к возможным формам внеземной жизни был связан с рядом косвенных и, скорее, теоретических доказательств ее существования. Сегодня ожидания открытия жизни во Вселенной определяются технологическими инновациями. Речь прежде всего идет об использовании нового поколения наземных и космических телескопов, позволяющих изучать «спектры отраженного света от самых ярких из экзопланет», для обнаружения «биомаркеров» – признаков того, что атмосфера удаленных космических тел была подвергнута изменениям живыми организмами (р. 136–137). Оптимизм Аймпи не должен скрывать того, что технический прогресс и связанная с ним перспектива новых открытий способны всего лишь расширить список косвенных свидетельств, подтверждающих существование внеземной жизни.

Технические инновации обеспечивают астробиологию большим количеством данных, анализ которых требует координации усилий разных специалистов. Это приводит к тому, что «практики [в этой сфере] – в основном астрономы, но в ряды астробиологов также входят люди, получившие образование в области планетологии, геонаук, биологии и химии, а также небольшая когорта, привлеченная из философии, социологии и антропологии» (р. 137). Вследствие отсутствия общей методологии предмет астробиологии размывается, а сама она превращается в поиск внеземной жизни, который «резонирует с глубокими вопросами восприятия человеком своего места во Вселенной и этического выбора, который мы делаем, живя на Земле и размышляя о времени, когда мы будем жить вне Земли» (р. 152). Астробиология перестает быть только амбициозной попыткой исследования жизни во Вселенной, превращаясь в критический взгляд на Землю и землян.

Роль инструмента подобной рефлексии авторы сборника отводят астробиоэтике, чьи первые проекты появились в 2016 году на 35-м Международном геологическом конгрессе. Ее истоки в экологических движениях и попытках регуляции деятельности государств и частных компаний, ориентированных на освоение космоса. Теолог из университета Чикаго, Тед Питерс, в статье «Astroethics for Earthlings: Our Responsibility to the Galactic Commons» предлагает различать астроэтику и астробиоэтику. Первая, по его мнению, занимается широким кругом проблем, затрагивающих моральные вопросы исследования и освоения космоса; вторая обращена к проблеме внеземной жизни и ответственности людей перед ней. По мнению Питерса, «человек призван к заботе о жизни вследствие имеющейся у него власти» (р. 24). Условием сохранения жизни во Вселенной является формирование нового морального субъекта – галактического сообщества, – появление которого возможно в результате ориентации на общее благо, понимаемое как «создание условий для самореализации любого живого существа» (р. 26). Важно отметить, что категория «общего блага», отсылая к идее творения, в статье Питерса приобретает отчетливо религиозный характер.

Широко понимаемый креационизм предполагает единый замысел для всех живых существ, делая несущественными различия между земной и внеземной жизнью. Но обязательно ли они будут похожи? Джулиан Чела-Флорес – исследователь из Международного центра теоретической физики имени Абдуса Салама – в статье «Moral Philosophy for a Second Genesis» также обращается к понятию «творения», однако используя его скорее как метафору. По его мнению, существование жизни за пределами Земли может быть объяснено с точки зрения конвергентной эволюции, трактующей сходство представителей

разных видов как результат «приспособления к одинаковому образу жизни в экосистемах, сходных для обоих видов» (р. 66). Идею конвергентной эволюции можно рассматривать как теоретический аргумент в пользу идеи сходства земной и внеземной форм жизни. Однако из него же следует неожиданный этический вывод, заключающийся в том, что всякий биологический объект обречен на страдание. Таким образом, основанием для астробиоэтики должна быть не идея общего блага, а чувство сострадания.

Впрочем, идея сострадания предполагает достаточно пессимистичную оценку жизни и не разделяется всеми авторами сборника. Тони Миллиган – сотрудник факультета исследований теологии и религий Королевского Колледжа Лондона – в статье «The Ethics of Bioccontamination» отмечает, что большая часть этических теорий наделяет любую жизнь сакральным характером, предписывая ей абсолютную ценность саму по себе. Вместе с тем Миллиган подчеркивает, что люди редко действуют в рамках морального императива, предписывающего сохранение элементарной жизни на Земле, регулярно уничтожая сосуществующих с ними микробов. Не будет ли такое отношение экстраполироваться на формы жизни, открытые в космосе? Для ответа на этот вопрос Миллиган обращается к прагматистскому аргументу: «В случае с марсианскими микробами у нас будут причины для защиты, которых нет в отношении микробов на кухонной разделочной доске или в раковине в ванной» (р. 128). Защищаемое Миллиганом положение необычно: ценность космических микробов не является имманентной, но возникает в перспективе их пригодности для исследования.

Интерес Миллигана к микробам разделяет Чарльз Коккелл – профессор астробиологии из университета Эдинбурга. Обращаясь к аристотелевской этике добродетели, он показывает спекулятивный характер

самой проблемы. Коккелл полагает, что освоение космоса не несет никаких угроз для жизни за пределами Земли. Уважение к микробам, а значит, и к любым биологическим объектам «проистекает из нашего (общечеловеческого) чувства собственного достоинства; многие люди считают, что бесцельное уничтожение или использование вещей в качестве средства для исполнения человеческих желаний – это плохая черта» (р. 245).

Статьи Миллигана и Коккелла предлагают свежий взгляд на нерелексированные основания привычных философий. Так, этические теории оказываются слишком привязаны к идее исключительности земной жизни. Астробиология дает возможность увидеть жизнь на Земле глазами космоса и поставить под вопрос не только традиционные для биоэтики проблемы ценности жизни, но и правила организации научного исследования. В этом отношении астробиология словно воплощает дух времени, показывая ограничения науки как таковой, о чем в статье «Who Goes There? When Astrobiology Challenges Humans» пишет Жак Арну – историк науки, специалист французского Национального центра космических исследований. Для него возможность открытия внеземной жизни является частью трансформаций науки, которые можно описать как последовательность коперниканской, дарвинистской, фрейдистской и, наконец, астробиологической революций. Все они постепенно лишают человека права на привилегированную позицию в описании мира. Вместе с тем научные революции «профанируют» область сакрального, поддерживаемую религией и важную для восприятия ценностей. Наука, по Арну, разновидность ереси, вторгающаяся в область сакрального, однако функция этого вторжения не деструктивная. Арну ссылается на Роже Кайуа, утверждавшего, что сакральное «требует организации нарушения запретного, пересечения

границ; без этой возможности священное рискует исчезнуть» (р. 91). Смысл вторжения науки в сакральную область, в сферу действия ценностей парадоксален и связан скорее с сохранением пространства сакрального.

Авторы всех статей сборника разделяют представление, что научные исследования, реализуемые как академическими учеными, так и активистами, направлены на заботу о жизни во Вселенной. Исследователь из университета Лундта, Эрик Пирсон, в статье «The Axiological Dimension of Planetary Protection» пытается выделить ценностные основания для планетарной защиты, то есть «предотвращения заражения других миров инвазивными земными микробами в связи с полетами к этим мирам, а также предотвращения заражения земной биоты инвазивными микробами из других миров в связи с миссиями по возвращению образцов» (р. 294–295). В своем анализе Пирсон отталкивается от международного договора, посвященного планетарной защите, представленного Комитетом по космическим исследованиям, резюмируя его следующим образом:

1. Знание о том, существует ли или существовала ли жизнь в других мирах, имеет высокую конечную ценность [*end value*].
2. Подробное изучение этой [внеземной] жизни, если она существует, имеет очень высокую конечную ценность...
3. Внеземная жизнь на выбранных объектах имеет инструментальную ценность [*instrumental value*] как источник (1) и (2).
4. Внеземная жизнь не имеет никакой другой ценности, кроме указанной в (3), а если и имеет, то она ничтожно мала по сравнению со всеми другими ценностями, которые могут быть обеспечены теми же ресурсами.
5. Земная биота имеет очень высокую ценность, которая не может быть поставлена под угрозу» (р. 297).

Пирсон показывает, что принципы, предлагаемые Комитетом, объединяют в себе эпистемическую значимость жизни и ее ценностную оценку. Таким образом, астробиология и астробиоэтика позволяют точнее и полнее раскрывать эту неочевидную связь в научных исследованиях.

Еще один подход к переосмыслению эпистемического и аксиологического представлен в статье Маргарет Раппопорт, Кристофера Корбалли и Конрада Шоцика «Genetics, Ethics, and Mars Colonization: A Special Case of Gene Editing and Population Forces in Space Settlement». В центре их внимания находится проблема моральной оправданности модификаций человека с помощью генетических технологий, запрещенных в большинстве стран. В отношении этого запрета показателен пример китайского ученого Хэ Цзянкуя, осужденного за эксперименты по созданию генномодифицированных детей. Однако, по мнению авторов, перспектива колонизации Марса вносит изменения в оценку генетических технологий (р. 168). Авторы подчеркивают, что нынешние характеристики человека являются результатом его адаптации к условиям жизни на Земле. Возможные в будущем длительные космические перелеты или проживание на других планетах создают предпосылки для более быстрого генетического дрейфа, что послужит причиной появления нового, альтернативного, человечества. Эта проблема будет особенно острой в условиях замкнутой жизни новых космических колоний. Генетические технологии могли бы помочь смягчить наступление негативных последствий или даже изменить направление неизбежных мутаций. Текст Раппопорт, Корбалли и Шоцика представляет собой яркую иллюстрацию «переоценки ценностей», возможной в перспективе научного исследования жизни в космосе.

Такая переоценка во многом определяет развитие астробиологии. Тема морального

и политического субъекта является одной из ведущих для всего сборника. В статье «Who Speaks for Humanity? The Need for a Single Political Voice» профессора Университета Лондона Иена Кроуфорда эта проблематика инкорпорируется в общие вопросы международной политики. Он ищет политические и этические основания для «создания всемирного космического агентства и укрепления системы ООН в контексте космических вопросов» (р. 331). Его размышления завершаются идеей мирового федерального правительства на Земле, чья власть должна была бы распространяться на все возможные колонии, созданные людьми за пределами Земли. Та же проблематика рассматривается и в статье «Astrobiology, the United Nations, and Geopolitics» участника программы НАСА по астробиологической и планетарной защите Линды Биллингс. Она полагает, что перед астробиологией и связанной с ней астроэтикой стоят две принципиальных задачи, имеющих как научное, так и этическое измерение:

«Астробиологи должны убедиться, что их эксперименты и инструменты не создают риска загрязнения других планетарных тел земной биологией; и внеземная жизнь, если она существует, не загрязняет земную среду» (р. 267).

Риски нарушения этих принципов связаны с активным включением в космические проекты частных компаний, в большей степени готовых на сомнительные и подчас неэтичные действия. Статья Биллингс будто бы артикулирует максимуму астроэтики: «Оставьте космос ученым!».

Книга «Astrobiology: Science, Ethics, and Public Policy» представляет собой собрание очень разных текстов, объединенных общей идеей поиска границ астробиологии. В задачи этой рецензии не входит обсуж-

дение ни перспектив открытия жизни за пределами Земли, ни прикладного значения таких исследований. Важнее увидеть, как в астробиологии происходит объединение усилий специалистов, работающих в несхожих парадигмах. Однако говорить о таком союзе как простом суммировании данных, получаемых учеными, работающими в разных научных дисциплинах, было бы большой ошибкой. В поисках общей методологии астробиология испытывает эпистемические и аксиологические основания наук, ставя под вопрос идею исключительности и абсолютной ценности земной жизни. При этом астробиология провозглашает, что научное исследование не является имморальным. Статьи, составляющие рецензируемый сборник, показывают, как наука сама создает те ценности, которые философия традиционно считала естественными. Сложно отказаться от соблазна утверждать, что астробиология не столько открывает жизнь в космосе, сколько возвращает ценность жизни на Земле.

КИРИЛЛ ПЕТРОВ

Разум в тумане войны. Наука и технологии на полях сражений

Сьюзан Линди

М.: Альпина Нон-Фикшн. – 390 с.

Социальные исследователи часто обращают внимание на разрывы между декларируемым и делаемым. Например, между тем, как производится научное знание, и тем, как оно подается в публичном поле самими учеными, описали Стив Вулгар и Бруно Латур⁷. Последний регулярно указывал на несоответствие образа глобальной ценностно-нейтральной науки, работающей на благо человечества, действиям от-

7 LATOUR B., WOOLGAR S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London; Beverly Hills: Sage Publications, 1979.

дельных лабораторий и исследовательских центров, занятых конкурентной борьбой за ресурсы и за доступ к инструментам, позволяющим артикулировать те или иные научные решения и открытия⁸. Латур стремился показать, что каждая отдельная группа ученых не совершает, но производит открытие, создает так называемый «артикуляционный аппарат», позволяющий ученым брать на себя функцию представительства и говорить от лица ранее «безмолвных вещей»⁹.

Латуровские проекты демистификации науки специфичны для европейской модели производства знаний, но принципы science & technology studies (STS) могут быть перенесены и в иные контексты – например, к STS в рамках постколониальных исследований не раз обращался антрополог и историк науки Уорик Андерсон¹⁰.

С последним работала Сьюзан Линди¹¹ – историк и социолог науки из Пенсильванского университета. Ее «Разум в тумане войны» демонстрирует зависимость ученых от военных, заинтересованных в новых разработках, – и тем самым демистифицирует «ценностную нейтральность» научного знания. Линди показывает, как ученые, оправдываясь решением сложных задач, отказываются принимать свою долю ответственности за техногенные катастрофы и военные конфликты. Пафос работы отнюдь не агитационно-обличительный, хотя русскоязычному читателю в 2023 году он может показаться именно таковым. Линди интересны и безмолвие вещей, за которых охотно говорят ученые, и немота ученых,

как только они сталкиваются с результатами собственных открытий.

Разномасштабные случаи «сплетения» научных центров и национальных военных комплексов Линди рассматривает, пользуясь хорошо знакомым ей инструментарием STS¹². Ее прошлая монография была посвящена превращению генетической медицины из «гадкого утенка» современной науки (1950-е) в перспективное и быстро развивающееся направление (1970-е). Особое внимание Линди уделяла тому, кто и как в 1950-е защищал идею генетической обусловленности заболеваний; благодаря каким методам администрирования и каким практикам (policies and practices) ученым, администраторам и бюрократам от здравоохранения удалось придать упомянутой идее «социальную силу»¹³.

8 Латур Б. *Наука в действии. Следуя за учеными и инженерами внутри общества*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

9 Он же. *Политики природы. Как привить наукам демократию*. М.: Ad Marginem, 2018.

10 ANDERSON W. *Postcolonial Specters of STS* // East Asian Science, Technology and Society: An International Journal. 2017. № 11. P. 229–233.

11 ANDERSON W., LINDEE M.S. *Pacific Biologies: How Humans Become Genetic* // Historical Studies in the Natural Sciences. 2020. Vol. 50. № 5. P. 483–497.

12 NELKIN D., LINDEE M.S. *«Genes Made Me Do It»: The Appeal of Biological Explanations* // Politics and the Life Sciences. 1996. Vol. 15. № 1. P. 95–97.

13 LINDEE M.S. *Moments of Truth in Genetic Medicine*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008.

От множества других работ, отстаивающих «размещенность» и релятивизм производимого научного знания¹⁴, работу Линди отличают широта взгляда, доступность слога, энциклопедичность материала и академический самоконтроль, не позволяющий автору превратить работу в легкий журналистский или активистский текст. Легкость изложения, вероятно, одна из причин, по которой именно «Альпина Нон-Фикшн» предлагает русскоязычным читателям эту книгу, которая и не является, и не прикидывается «нонфикшном сезона», призванным поразить публику. Книга явно преследует другие цели.

Прежде, чем обратиться к этим целям, задержимся на названии. Российский перевод – «Разум в тумане войны» – поэтичнее оригинального «Rational Fog» (можно передать как «Туман рациональности»). «Разум в тумане войны» звучит несколько байронически: вот есть какой-то «Ученый», и перед ним «туман войны», который «создает иллюзию преувеличенного объема и причудливых очертаний»¹⁵. Оригинальное название «Туман рациональности» точнее схватывает намерения Сьюзан Линди. Этот туман – не порождение одинокого разума и не предмет наблюдения «Ученого». Это множество данных и парадоксов, которые производятся исследовательскими коллективами и на основании которых выносятся множество суждений; это коллективные заблуждения и оправдания, которыми пользуются участники «социотехнических комплексов», втянутых в жестокое соревнование национальных военно-промышленных машин.

В своих размышлениях Линди отталкивается от очевидного противоречия: в XX веке ученые, воспитанные на гуманистическом представлении, что наука должна работать на достижение общечеловеческого блага,

стали проводниками идеи тотального уничтожения противника – идеи, восходящей еще к трактату Клаузевица. Линди заявляет: «Я исследую “туман научной рациональности”, как [...] люди, обученные стремиться к истине, становились агентами конечного насилия» (с. 27–28), то есть насилия, направляемого в адрес «конечных пользователей» – гражданских лиц, вынужденных столкнуться лицом к лицу с результатом лабораторных разработок. И ее интересует, каким образом комплексы и системы отношений, в которые оказались вписаны профессиональные ученые, лишили их желаемой нейтральности.

«Разум в тумане войны» не линейен; его образуют девять глав, каждая из которых представляет законченный сюжет. Линди начинает с реконструкции идеи орудий массового поражения и истории о том, как индустриализация практически уничтожила понятие «гражданского населения». Затем, на опыте американских и европейских ученых, работавших в Первую и Вторую мировые войны, Линди показывает, как они научались концептуализировать тело человека в качестве объекта поражения. Далее она касается концепции планетарной войны и созависимости войн и экосистем; реконструирует исследования, предшествовавшие бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки (и последовавшие за ними); рассматривает сюжеты об ученых, работавших на военную пропаганду и поддававшихся ей; на материалах периода «холодной войны» рассматривает «скрытый учебный план», которому – впрочем, неохотно – подчинялись ученые, занятые на проектах, связанных с ВПК. Столь разномасштабные сюжеты подчинены единой теоретической рамке и резюмируются выводом, который, будучи прочитан изолированно, звучит как приговор: «любое тех-

14 HARRAWAY D. *Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective* // *Feminist Studies*. 1988. Vol. 14. № 3. P. 575–599.

15 Клаузевиц К. *О войне*. Т. I. М.: Воениздат, 1937. С. 130.

ническое знание становится источником насилия» (с. 331).

Однако приговором он не является. Линди подчеркивает: она не адепт жесткого «экстернализма», она не верит, что контекстом исследовательской работы можно чуть ли не полностью объяснить полученные результаты. Да, ее интересует, как политические и культурные ограничения задают направления научных поисков, как гражданские и военные администраторы через посредство программ приоритетных исследований блокируют одни и навязывают ученым другие пути научно-исследовательской деятельности. Но еще важнее для нее, как ученые переживают конфликт идентичности, решая задачи, которые категорически не согласуются с ценовыми ценностями научного сообщества.

Главный вопрос работы – «Почему мы знаем то, что знаем?» (с. 10). В такой сжатой формулировке вопрос слишком абстрактен. Уточняя его, Линди указывает на парадоксальность знаний, накапливаемых научно-техническим комплексом: «Почему мы знаем точную скорость, при которой пуля дробит кошачью лапу? Почему нам известно именно это, а не что-то другое?» (с. 12). Кто и почему сделал такие факты предметом научного знания, обеспечивая их воспроизводство и архивирование?

Этот вопрос непосредственно касается и специфического конструирования «милитаризованного знания». Ему Линди посвящает несколько глав, уделяя особое внимание условиям, в которых трудились исследователи, разрабатывавшие атомную бомбу. Она также рассматривает случаи переноса гражданских разработок в военную область. Например, в 1940-е ботаник Артур Галстон открыл «морально нейтральный» гербицид; по замыслу Галстона, этот гербицид мог упростить очистку кукурузных початков от листьев и тем самым сэкономить время, затрачиваемое рабочими на кукурузных полях. «Нейтральность» герби-

цида отменили американские военные, использовавшие его по рекомендации центра Форт-Детрик спустя двадцать лет (с. 136). Гербицидом уничтожали джунгли, в которых укрывалась армия Вьетконга. С тех пор в популярной культуре гербицид известен как «*Agent Orange*» (бочки с ним охватывала оранжевая окантовка), а экосистема Вьетнама страдает от него до сих пор.

Отталкиваясь от этого примера, Линди подчеркивает, что историк науки не может некритически использовать понятия «военный» и «гражданский» и не может допустить, что «военная наука» – это комплекс знаний, отделенный от гражданской науки прочным и непроницаемым барьером. Она показывает, как ученые и научные администраторы выстраивали свои идентичности, сепарируя задачи («здесь я работаю над гражданскими, а здесь над военными задачами») и стараясь отделить интересный для них научный вызов от смертоносного эффекта, который может произвести удачное разрешение этого вызова. Она отмечает, что поколение ученых, выросших между мировыми войнами, «усвоило, что наука является открытой, универсальной и интернациональной; [...] однако в разгар “холодной войны” исследования многих ученых были не открытыми, а секретными, не интернациональными, а националистичными и ведущими не к общему благу, а к созданию сложных технических средств поражения людей». Линди показывает, как отдельные ученые, стремясь остаться «чистенькими» (с. 14), пытались держаться стройного нарратива о ценностно нейтралитете, но этот нарратив оспаривали вышестоящие администраторы, всю пользовавшиеся «ценностно нейтральными» работками ученых.

Реконструируя картины мира ученых, Линди обращается и к их прямой речи, и к тем инструкциям и предписаниям, которым они были вынуждены подчиняться, чтобы продолжать исследовательскую работу.

Так она показывает, что наряду с доступными в открытых архивах предписаниями и протоколами проведения исследований ученые, втянутые в чрево военно-промышленной машины, вынуждены были осваивать «скрытый учебный план» (понятие, введенное Иваном Илличем): учиться сжигать секретные документы, информировать надзорные органы о подозрительной и предположительно подозрительной активности коллег по лаборатории, а также учиться распознавать коммунистов в кругу коллег, учиться не поддаваться «вражеской» пропаганде и по возможности вести себя мужественно.

Мизогиния в «храме науки» – небольшой по объему, но значимый для работы Линди сюжет. Например, она реконструирует несколько историй эпохи гонки ядерных вооружений: физики, унижавшие коллег, которым не удалось создать бомбу, прошедшую испытания, говорили, что «в этой лаборатории делают “девочек”» (с. 315). Физик, моделировавший ядерный удар по Европе, вместо ожидаемого числа потерь равного 35 миллионам человек получил 30 миллионов и расстроился, озвучив ошибку расчетов, после чего неожиданно осознал, о каком показателе он говорит: «В комнате повисла тишина. Все молчали. Они даже не смотрели на меня. Это было ужасно. Я чувствовал себя как женщина» (с. 328).

В каждой главе Линди показывает, что в XX веке экспансия военных в науку так или иначе затронула практически всех ученых. Снимая различие между гражданским и военным, она убедительно демонстрирует, как милитаризация проникает одновременно и в естественные, и в гуманитарные науки. Степень милитаризации различная, но обе, предположительно разные, традиции научной работы были втянуты внутрь ВПК. Эта включенность особенно видна на примере исследований вокруг Хиросимы

и Нагасаки, где на разных этапах рукотворной катастрофы в качестве консультантов привлекали физиков, архитекторов, экономистов, антропологов, психологов, так что к анализу трагедии причастны все: «Фасад науки – это элитная физика, химия и инженерное дело (наука атомных бомб и ядерной энергии). Задний двор науки, где подводятся итоги, – это сложная и медленная эпидемиологическая, психологическая и социальная работа с выжившими, а также полевая биология» (с. 193). Отстаивая эту точку зрения, Линди неявно продолжает полемику¹⁶ с эссе физика и писателя Чарльза Сноу «Две культуры», в котором он жаловался на непреодолимый эпистемологический разрыв между гуманитариями и естественниками, усилившийся после окончания Второй мировой войны. Согласно Линди, как раз в годы Второй мировой этот разрыв преодолевался теми, кто заказывал исследования. А вот ученые, занятые «точными науками», были заинтересованы, чтобы этот разрыв не только сохранить, но и усилить, чтобы позволить физикам спокойно разрабатывать бомбу, не отвлекаясь на размышления о том, какую потрясающую сложную и интересную национальную культуру эта бомба может уничтожить или смертельно покалечить.

В предисловии Линди говорит, что военная наука может сильно очаровать читателя – так же, как она очаровывала ученых, работавших над засекреченными проектами. Одна из задач Линди – развеять эти чары. Но в этом деле она прибегает к научным, а не моральным аргументам:

«В этом повествовании объектом моего внимания является не грань между добром и злом, правым и виноватым, другом и недругом. Меня интересует грань между благоразумием и жестокостью. На анализ именно этой размытой границы нацелен данный проект» (с. 25).

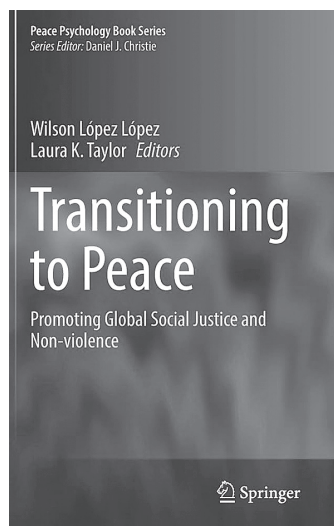
16 См.: GOODMAN A.H., HEATH D., LINDEE M.S. (Eds.). *Genetic Nature/Culture: Anthropology and Science beyond the Two-Culture Divide*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2003.

Это ясная и строгая работа, предлагающая читателям несколько детально и теоретически насыщено описанных примеров созависимости ученых и национальных государств. Тем, кто хорошо знаком с историей науки и работает в поле исследований STS, она вряд ли даст новые инструменты, но предложит несколько интересных сюжетов. Исследователям, которых интересует, насколько зыбка грань между понятиями «гражданский» и «военный», текст Линди определенно будет полезен.

ДМИТРИЙ БЕЗУГЛОВ

Transitioning to Peace. Promoting Global Social Justice and Non-violence

WILSON LÓPEZ LÓPEZ, LAURA TAYLOR (Eds.)
Cham: Springer, 2021. – 328 p.

«Мир – это процесс, который не имеет завершения», – заявляют авторы этой книги на первых страницах (р. 8). Правосудие переходного периода, которое, по словам

Генерального секретаря ООН, представляет собой «весь комплекс процессов и механизмов, связанных с попытками общества преодолеть тяжкое наследие крупномасштабных нарушений законности в прошлом с целью обеспечить подотчетность, справедливость и примирение»¹⁷, стабильно остается предметом пристального внимания историков, социологов, политологов, юристов и психологов. Именно этому явлению посвящен сборник статей, выпущенный одним из ведущих англоязычных научных издательств и объединивший идеи, исследования, наработки ученых Международной сети психологии мира (International Network for Peace Psychology), первоначально представленные на симпозиуме в Боготе в 2019 году.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что проблема примирения с конфликтным, или, как часто говорят, «трудным», прошлым стоит (или стояла) в повестке дня большинства стран мира. К таковым можно отнести общества, пережившие противоправные действия террористических группировок, гражданские войны, революционную смену режима, этнические чистки. Прекращение насильственного противостояния почти никогда не означает наступления мира и согласия по умолчанию, поскольку всякий социум, прошедший через подобное, фактически нужно «собирать» заново, восстанавливая единение или хотя бы сосуществование его членов на обломках разрушенных жизней. Каким образом сформировать такую коллективную память о прошлом, которая устраивала бы всех? Как обеспечить мирную жизнь бок о бок для тех, кто еще вчера воевал друг с другом? Что нужно рассказать последующим поколениям о произошедших трагедиях, чтобы они не повторили ошибок прошлого? Это лишь некоторые из вопросов, привле-

17 Совет Безопасности ООН. *Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах. Доклад Генерального секретаря, 23 августа 2004, S/2004/616* (<https://undocs.org/ru/S/2004/616>).

кающих исследователей правосудия переходного периода – и нашедших отражение в этой книге.

Сборник состоит из четырех тематических разделов, главы каждого из которых представляют собой самостоятельные исследования, объединенные общей идеей. В первом разделе рассматриваются кейсы, иллюстрирующие применение правосудия переходного периода в разных странах. Хотя перечень его механизмов в целом можно считать устоявшимся – в их число входят, например, комиссии по установлению истины, репарации, амнистии, – их применение весьма сильно различается в каждой отдельной ситуации. В центре подобных практик оказывается неочевидная, на первый взгляд, проблема наказания. По-видимому, все авторы книги разделяют мнение о том, что примирение, в том числе и в политическом его аспекте, основывается на христианской традиции нравственного очищения, в основе которой лежит неразрывная связка покаяния и прощения. В связи с этим декан факультета психологии Университета Альберто Уртадо (Сантьяго, Чили) Элизабет Лира отмечает, что ситуации, в которых власти отказываются взять на себя ответственность за совершенное насилие и/или наказать виновных, представляют собой серьезнейший вызов для процесса общественного примирения (р. 15).

Негативные примеры такого рода во множестве представляют страны Латинской Америки, где переход к гражданскому миру зачастую начинался с принятия законов, нарочито не предусматривавших наказания кого-либо из участников конфликта, из-за чего транзит к мирной жизни сталкивался с большими трудностями. Если опираться на их негативный опыт, то необходимость разделить социум на жертв и агрессоров, а также признать особый статус первых и наказать вторых, предстает политико-правовым императивом. У этой

темы, однако, есть и обратная сторона, о которой рассуждает группа специалистов из университетов Нидерландов, Испании и Польши: во многих конфликтах сложно провести однозначную сортировку участников на «жертв» и «агрессоров» – такие роли, как правило, переплетены и взаимозаменяемы (глава 6 «Коллективная память в Стране Басков: взаимосвязь между толкованием роли жертвы и преступника»). Более того, подобная бинарность, основывающаяся на черно-белом восприятии мира, может усложнить процессы пачификации в отдельно взятом сообществе. В качестве примера в книге приводится баскский конфликт, где наличествуют как жертвы, претерпевшие от рук террористов, так и жертвы-террористы, пострадавшие от действий провластных воензированных группировок или официальных силовых структур. Анализируя различные комбинации «жертва – агрессор», исследователи призывают отказаться от этой бинарной сегрегации, предлагая, вместо нее, концепцию «инклюзивного статуса жертвы» (*inclusive victimhood*). В ее основе лежит признание факта, что противник тоже страдал и может считаться жертвой (там же).

Другим популярным инструментом правосудия переходного периода являются так называемые комиссии правды (комиссии по установлению истины и примирению). На их заседаниях бывшие участники конфликта представляют свое видение произошедшего, подкрепляемое личными свидетельствами. Как отмечает междуниверситетская исследовательская группа – на этот раз из Испании, Перу и Бельгии, – участие в работе таких комиссий помогает жертвам удовлетворить целый ряд важнейших потребностей: в безопасности, самоутверждении, восстановлении достоинства и самоуважения, а также общественном признании собственных страданий (глава 3 «Комиссии правды: эффекты для общества и индиви-

да», р. 30). Вместе с тем, ссылаясь на опыт работы комиссий правды в Руанде, Южной Африке, бывшей Югославии, Латинской Америке, авторы показывают, что эффект от их деятельности далеко не однозначен. С одной стороны, такой механизм действительно позволяет установить коллективную «истину» и сформировать общее отношение к травматичному прошлому, а это, бесспорно, способствует достижению одной из основных целей – сплочению социума после коллективной травмы. Однако, с другой стороны, его работа сопровождается негативными эффектами психологического свойства, выливающимися в социальные и политические издержки. В ряду последних – риск повторной травматизации при воспроизведении пережитых событий, а также несоответствие полученного результата ожиданиям жертв. Их совокупным итогом может стать нечто противоположное консолидации, а именно углубление условного раскола на все тех же «жертв» и «агрессоров».

Второй и третий разделы фокусируются на вкладе, который отдельные гуманитарные науки, включая, например, психологию и социологию, способны внести в процессы созидания мира. На примерах стран Латинской Америки и Африки авторы показывают, какими путями и способами индивиды и сообщества способны запускать переход к миру. Особое внимание уделяется случаям, когда собственные программы умиротворения разрабатываются и осуществляются местными сообществами – причем иногда даже вопреки трендам, доминирующим на общенациональном уровне. Базовой единицей анализа здесь выступает группа: тексты многих авторов сосредоточены на том, как межгрупповое взаимодействие утверждает и поддерживает культуру мира, а также обеспечивает дестигматизацию и дерадикализацию некоторых групп, переквалифицируя прежних агрессоров в легитимные политические общности, заинтересованные

в диалоге. Авторы статей подчеркивают, что подобные процессы никогда не даются обществам легко. Так, группа, состоящая из чилийских и австралийских исследователей, на примере Чили показывает, что даже относительно мирная смена режима сама по себе не снимает тех вопросов, которые неизбежно возникают после прекращения насилия. При этом, по мнению этих ученых, переход к новому состоянию общества может обходиться слишком дорого, если необходимые социальные изменения не происходят с нужной скоростью (глава 8 «Переходный период в Чили: достижения, недостатки и последствия для демократии»). Наконец, авторы обращают внимание и на комплексный характер проблем, переживаемых обществами, пытающимися обрести примиряющие нарративы. Профессор Иммакуле Мукашема из Университета Руанды, в частности, пишет:

«Примирение, заживление психологических ран и экономическое развитие или решение сиюминутных материальных проблем настолько взаимосвязаны, что, если вы стремитесь справиться с одной из этих проблем, вам обязательно придется заняться и другими» (глава 11 «Роль местных ассоциаций выживших и бывших узников в процессе примирения в Руанде: кейс группы "Amataba y'Abunzubumwe"», р. 208).

Четвертый раздел принципиально отличается от предыдущих, так как посвящен будущему. Авторы вошедших в него статей пытаются разобраться в том, какой вклад в преодоление последствий постконфликтных ситуаций могут вносить образование и воспитание. Одна из методологических проблем, возникающих в этой связи, состоит в том, что правосудие переходного периода обычно фокусируется на работе с отдельными группами молодежи, ранжируемыми согласно сортировке акторов конфликта («жертвы», «агрессоры», «террористы»), однако они практически никогда не охваты-

вают молодежь целиком. Другой проблемой является противопоставление молодежи как, с одной стороны, потребителей, а с другой стороны, создателей продуктов коллективной памяти. Следуя общей логике исследования, группа ученых из университетов Германии, Великобритании, Косово, Израиля, Хорватии, Северной Македонии и Исландии предпринимает кросс-культурное исследование, нацеленное на выявление универсальных поведенческих моделей детей и молодежи, реализуемых при переходе к миру (глава 16 «Помогая детям: кросс-культурное исследование социальных установок детей в обществах, переходящих к миру»). Как и следовало ожидать, заметное место в разделе отводится специальным педагогическим практикам, используемым для формирования общего восприятия конфликтного прошлого молодыми людьми – среди них, в частности, выделяют исторические ролевые игры. Наконец, по мнению авторов, в работе с юношеством и детьми важно растолковывать само понятие «мир», так как этим возрастным группам термин может казаться абстракцией, никак не связанной с их повседневностью.

Одно из главных достоинств монографии – многообразие конкретных кейсов и прикладных сюжетов, не создающее, впрочем, ощущения дискретности материала. Разнообразие подходов «сшивает» в целое общие выводы. Как правило, изучение какой-то проблемы на стыке различных отраслей знания оказывается особенно плодотворным – рецензируемая книга в полной мере подтверждает это. И, наконец, главное: нет никакого сомнения в том, что все поднимаемые авторами темы важны и в российском контексте.

Юлия Фролова, старший преподаватель кафедры политологии РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Манхэттенский проект. Теория города

Дэвид Кишик

М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 280 с.

В 1927 году Вальтер Беньямин совместно со своим другом Францем Хесселем задумал написать статью о парижских пассажах. Замысел так и не был реализован, но в процессе работы Беньямин загорелся идеей исследования повседневной жизни и культуры Парижа середины XIX века – города, который виделся ему колыбелью современного капитализма. Вплоть до своей трагической гибели в сентябре 1940 года он собирал материалы и работал над планом будущего исследования. Как отмечают Ховард Айленд и Майкл Дженнингс, проект быстро перерос первоначальные замыслы и стал «играть роль *magnum opus* и реального интеллектуального источника последних лет его жизни – непрерывно разраставшегося философско-исторического исследования, с которым [связаны] большинство... крупных и небольших работ [Беньямина] 1927–1940 гг.»¹⁸. Текст, ставший в итоге известным под названи-

18 Айленд Х., Дженнингс М. Вальтер Беньямин. Критическая жизнь. М.: Дело, 2018. С. 298.

ем «Passagen-Werk» в оригинале – или «Arcades Project» в английском переводе, – представляет собой многочисленные выписки из источников на французском и немецком языке, дополненные краткими комментариями Бенямина, а также несколько написанных в разные годы синопсисов. Иными словами, перед нами даже не черновик исследования, а лишь подготовительные материалы, пускай тщательно структурированные автором и разбитые по тематическим папкам. Сьюзен Бак-Морс замечает, что как таковой работы о пассажах просто не существует: «Мы в буквальном смысле слова имеем дело с пустотой»¹⁹. Впрочем, это не помешало «Пассахам» привлечь к себе широкое внимание как специалистов, так и широкой публики после выхода сначала немецкого (1982), а потом и английского (1999) издания. Сейчас этот колоссальный труд считается одним из важнейших произведений Бенямина – даже несмотря на то, что среди обладателей тысячестраничного тома вряд ли найдется много тех, кто прочитал его от корки до корки.

«Манхэттенский проект» Джона Кишика основан на допущении, что в сентябре 1940 года Вальтер Бенямин не покончил с собой в Портбю, а инсценировал собственную смерть. Затем он якобы успешно пересек франко-испанскую границу и добрался до Лиссабона, где сел на корабль, следующий в Нью-Йорк. (Допущение не столь уж невероятное с учетом того, что в последние годы жизни Бенямин серьезно размышлял о переезде в США, где к тому времени оказались многие его коллеги по Институту социальных исследований, и в итоге стараниями Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера даже получил американ-

скую визу.) Следующие сорок с лишним лет «Бенямин»²⁰ прожил в Нью-Йорке под именем Чарльза Россмана и работал над исследованием о Манхэттене, которое одновременно должно было стать продолжением и развитием его парижских «Пассажей». В этой альтернативной вселенной Бенямин-Россман скончался в ноябре 1987 года в возрасте 95 лет. После его смерти рукопись того, что должно было стать «Манхэттенским проектом», оказалась в Публичной библиотеке Нью-Йорка, где ее и «обнаружил» Кишик. Осознав, что перед ним неизвестная работа знаменитого немецкого философа, он решил разобраться «в сотнях отдельных неподшитых страниц, заполненных миниатюрными рукописными буквами на несколько неправильном английском». По словам автора, получившаяся в итоге книга представляет собой «работу по чисто текстовой интерпретации; другими словами, это... не репродукция “Манхэттенского проекта”, а его анализ» (с. 14). В определенном смысле Кишик делает по отношению к вымышленному тексту «Бенямина» то же самое, что Сьюзен Бак-Морс сделала по отношению к «Пассахам» в своем новаторском исследовании 1989 года «Диалектика видения: Вальтер Бенямин и проект “Пассажей”»²¹, а именно предпринимает попытку концептуализировать основные положения так никогда и не написанной работы и продемонстрировать читателям философские основания проекта. В «Манхэттенском проекте» он в основном просто пересказывает и комментирует рукопись «Бенямина», но иногда словно забывает о существовании первоисточника и начинает излагать собственный анализ недавнего прошлого и настоящего Нью-Йорка. Это обстоятельство,

19 BUCK-MORSS S. *Dialectics of Seeing: Walter Benjamin and Arcades Project*. Cambridge; London: The MIT Press, 1989. P. 47.

20 Чтобы отличить Бенямина как реальную историческую фигуру от Бенямина – вымышленного персонажа книги Кишика, во втором случае я буду брать фамилию философа в кавычки.

21 Ibid. P. 57.

пишет Кишик, «определенно поднимает... вопрос: чей голос мы слышим в этом тексте? Слышим ли мы его [Беньямина] голос, или это мой голос, или один из многочисленных источников, цитируемых кем-то из нас?» (с. 14).

В допущении Кишика о чудесном спасении Беньямина из Портбуоу есть один интересный момент: перебравшись на другую сторону Атлантики, философ решил жить под чужим именем и не выходить на связь с безутешными друзьями (Адорно, Хоркхаймером, Брехтом, Кракауэром и другими), к тому моменту тоже находившимися в США. Предположу, что такое авторское решение продиктовано как минимум двумя соображениями. Во-первых, Кишик стремился минимизировать «эффект бабочки», знакомый всем любителям научно-фантастических книг и фильмов про путешествие во времени: одно небольшое вмешательство в прошлое может изменить весь ход истории. Если мы предположим, что Беньямин счастливо прожил в Нью-Йорке до 1987 года, продолжая свои исследования, то оказываемся на развилке: нам либо нужно вообразить себе совершенно иную интеллектуальную историю второй половины XX века (в которой Беньямин пишет свой аналог «Диалектики просвещения» и развивает критическую теорию вместе с коллегами по Франкфуртской школе или, наоборот, порывает с ними), либо допустить, что философ по какой-то причине не оказал на нее никакого влияния. Очевидно, что второй вариант требует гораздо меньших усилий со стороны автора и экономит время читателей, – неудивительно, что Кишик выбирает именно его, придумывая столь причудливую мотивировку. Во-вторых, делая Беньямина анонимным затворником, проводящим все свободное время в читальном зале нью-йоркской Публичной библиотеки, Кишик изолирует его от внешней среды и ограждает от ее воздействия, позволяя ему остаться тем ста-

рым добрым Беньямином, к которому мы привыкли. Впрочем, стоит отдать Кишику должное: как мы увидим далее, он все же предпринимает несколько попыток представить, какие метаморфозы претерпел бы философ и его теоретические построения при соприкосновении с атмосферой послевоенного Нью-Йорка.

В «Манхэттенском проекте» почти отсутствуют цитаты из рукописи «Беньямина». По словам Кишика, причиной тому стал продолжающийся спор об авторских правах между берлинским архивом философа и нью-йоркской Публичной библиотекой. Ход вполне объяснимый: попытка имитировать стиль Беньямина заведомо обречена на провал. Но кое-где Кишик идет на хитрость и приводит цитаты из работы о пассажах, заменяя в них «Париж» на «Нью-Йорк». С концептуальной точки зрения такое решение кажется странным. Кишик словно отказывает вымышленному «Беньямину» в возможности интеллектуального развития, заставляя его повторять собственные мысли тридцатилетней давности. Кроме того, подобные прыжки во времени нивелируют разницу контекстов, что явно не вяжется с идеей работы о пассажах, задуманной Беньямином не как исследование мегаполисов вообще, но как попытки разобраться в истоках той исторической ситуации, в которой оказались западные капиталистические общества в первой половине XX века.

Кишик изображает предположительный диалог «Беньямина» с важнейшими философами (Ханна Арендт), теоретиками культуры (Маршалл Берман), урбанистами (Джейн Джейкобс), художниками (Энди Уорхол), режиссерами (Вуди Аллен) и фотографами (Диана Арбус) второй половины XX века, каждый из которых так или иначе размышлял о городе и городском пространстве. «Манхэттенский проект» состоит из шести частей, организованных вокруг трех концептуальных пар:

реальность—фантазия, политика—экономика, рай—ад.

«Они функционируют как оси пространства трех измерений, в котором можно найти место каждому элементу, являющемуся частью любого большого города. Тем не менее нет необходимости рассматривать эти концептуальные оси как непреложные истины – только как прагматические. Они существуют и работают только потому и до тех пор, пока позволяют нам придать какой-то смысл хаотичному и фрагментарному урбанистическому хеппенингу» (с. 45).

Бинарные оппозиции, структурирующие «Манхэттенский проект», на этом не заканчиваются. Например, в третьей части книги Кишик рассказывает о противопоставлении двух видов логики, государственной и городской, занимающем важное место в теоретических построениях «Беньямина». Согласно Гегелю, государство является институционализированным воплощением универсального разума и единственной силой, «способной контролировать эгоистическую жизнь (городского) гражданского общества, где частные лица движутся только экономическими, а не политическими силами». «Беньямин» ставит под сомнение гегелевскую веру в суверенное государство. По его мнению, «лучший способ воспитать чувство человеческой общности в большой группе очень разных людей – заставить их пожить какое-то время в городе» (с. 111–112). Философ находит в мегаполисе зачатки новой, более прогрессивной, модели человеческого общежития, но он далек от идеализации городской жизни. Принимая в расчет то обстоятельство, что города играют роль центров эксплуатации трудящихся, он считает возможным разорвать связь между городами и капитализмом – более того, указывает, что решающий бой угнетенных

и угнетателей должен произойти именно на улицах мегаполисов:

«Поскольку Беньямин знает, что “города – это поля сражений”, любое другое место может быть лишь местом для временного отступления. Какая бы революционная идея или практика ни возникла, она должна будет бороться за свое место в границах агонии городского пространства» (с. 104–105).

Вера «Беньямина» в потенциал мегаполиса связана с концепцией абсолютной жизни, центральной для всего «Манхэттенского проекта». Она встречается в исследовании о пассажирах, где реальный Беньямин, цитируя Гуго фон Гофманстала, утверждает, что для фланера город – это «пейзаж, построенный из абсолютной жизни»²². Эта туманная, как часто бывает у Беньямина, концепция не получает дальнейшего развития в исследовании. Тем лучше для Кишика, у которого появляется возможность наполнить ее необходимым ему содержанием. Абсолютная жизнь противопоставляется в «Манхэттенском проекте» голая жизни – термину, впервые встречающемуся в одном из ранних беньяминовских эссе и впоследствии получившему новое осмысление в работах Джорджо Агамбена. Голая жизнь – это существование, низведенное до простейших биологических импульсов и потребностей. Если первая концепция используется «Беньямином» применительно к Нью-Йорку, то вторую он привлекает для описания «мест, почти не поддающихся описанию», а именно нацистских лагерей смерти: «Освенцим, – пишет он на одной из самых важных страниц во всей рукописи, – это земля оголенных жизней. Нью-Йорк, – продолжает он без паузы, – это пейзаж, построенный из абсолютной жизни» (с. 38).

Стоит ли говорить, что такое сопоставление крайне проблематично с этической

22 BENJAMIN W. *The Arcades Project*. Cambridge: Belknap Press, 1999. P. 417.

точки зрения: реальный, а не вымышленный Беньямин пал жертвой нацистских преследований, его брат Георг погиб в концлагере Маутхаузен. Однако, принимая это обстоятельство во внимание, все же проследим, каким образом «Беньямин» развивает свой аргумент. Хотя города и возникли для удовлетворения базовых человеческих потребностей, они существуют «преимущественно для того, чтобы жить счастливо». Благодаря самой своей организации, многообразию социальных групп и институтов, города способствуют производству «различных форм жизни»; в концлагерях же, напротив, все многообразие и сложность человеческого существования уничтожаются. Чтобы объяснить «беньяминовскую» концепцию абсолютной жизни, Кишик совершает экскурс в историю фотографии. В ранней фотографии время экспозиции было очень долгим, из-за чего запечатлеть удавалось только статичные объекты: дома, бульвары, деревья и так далее.

«[Но что бы мы увидели,] если бы технически возможно было сделать фотоснимок, который стирал бы все статичное, но фиксировал все, что движется в определенный момент? Представьте себе фотографию оживленного перекрестка в Нью-Йорке – без зданий, без магазинов, без припаркованных машин, без тротуаров, вывесок и пожарных гидрантов: просто пустое пространство, усеянное пешеходами, собаками, велосипедистами и машинами, голубями и крысами, все это словно зависло в пустоте. Это, утверждает [“Беньямин”], и был бы истинный образ города; это был бы пейзаж, построенный из абсолютной жизни» (с. 41).

Иначе говоря, перед нами старая мысль о том, что город – это люди, а не стены, только изложенная сложным языком.

23 Первым эту параллель провел сам Мозес. См. об этом: БЕРМАН М. *Все твердое растворяется в воздухе. Опыт модерности*. М.: Горизонталь, 2020. С. 192.

Беньямин планировал структурировать исследование о пассажирах вокруг ключевых парижских тем (мода, скука, фотография), мест (баррикады, улицы, универсальные магазины), типажей (фланер, поэт, проститутка) и персоналий (Бодлер, барон Осман, Бланки). В «Манхэттенском проекте» Кишик пытается представить, какую концептуальную сетку мог бы избрать Беньямин для анализа Нью-Йорка второй половины XX века. В некоторых случаях он находит прямые аналогии. Например, Кишик сравнивает барона Османа, ответственного за масштабную реконструкцию Парижа в середине XIX века, с Робертом Мозесом, печально известным планами превратить Нью-Йорк в город автомобилистов и разрушившим центр Бронкса ради строительства огромной автострады²³. Но чаще Кишик обращает внимание не на сходства, а на различия. Так, он пишет о том, что в Нью-Йорке 1950–1970-х на смену фланеру, ключевому беньяминовскому типуажу, проходит бездомный. В отличие от фланера, празднично гуляющего по улицам и глазающего на прохожих, бездомный предпочитает сидеть или лежать:

«Это выглядит так, как будто в фигуре бездомного постоянное движение фланера как бы останавливается. Сам город замирает. Таким образом, бездомный человек, утверждает Беньямин, это исчерпавший свои силы фланер» (с. 210).

Кишик пишет, что для «Беньямина» бездомный представляет собой «историческую фигуру, требующую теоретического осмысления». Он сравнивает положение бездомных в больших городах с положением беженцев, лишившихся дома из-за войн и гонений со стороны государства. Но если в первом случае логика исключения экономическая, то во втором – политическая:

«Беженец является политическим бездомным, потому что у него нет родины или нет доступа к ней. Лагерь беженцев – это пространство, предназначенное для содержания тех аномалий, которые не соответствуют определению человека как *homo politicus*, принятому в западной традиции, точно так же, как приют для бездомных – это место, предназначенное для контроля тех социальных aberrаций, которые не соответствуют определению человека как *homo economicus*» (с. 207).

Кишик называет бездомного главным героем «Манхэттенского проекта»:

«Обитатели улиц демонстрируют счастливым обладателям крыши над головой самый радикальный пример “иной жизни”, не в смысле жизни, к которой нужно стремиться или от которой следует дистанцироваться, а в смысле жизни, которая просто отличается от той, которую мы иначе бездумно, тщеславно принимали бы как должное. [...] Бездомный – это часовой, который следит за абсолютной глубиной абсолютной жизни» (с. 213).

Далее размышления Кишика о бездомности все дальше уходят от социологического анализа и принимают все более экзистенциальный характер – так, он цитирует датированное 1947 годом высказывание Мартина Хайдеггера о том, что «бездомность становится судьбой мира». Получается, что роль бездомных как раз и заключается в том, чтобы напоминать нам об этом фундаментальном свойстве жизни в эпоху (пост)модерна. Проблема в том, что Кишик смешивает философскую метафору и социальное явление. Исторический контекст размывается: мы ничего не узнаем о том,

почему бездомность стала столь острой проблемой в Нью-Йорке во второй половине XX века – а бездомные превращаются в квазиестественный атрибут современных городов. Стоит заметить, что такой подход максимально далек от того, которого придерживался сам Беньямин в работе о пассажах и связанных с ней эссе, где фланер – это типаж, укорененный в конкретных исторических условиях²⁴.

При всех недостатках экспериментальная работа Кишика интересна как минимум в качестве метакомментария к судьбе многих беньяминовских текстов (не только «Пассажей», но и «Центрального парка», «О понятии истории» и многих других), которые дошли до нас в незавершенном виде и во многом именно по этой причине стали предметом многочисленных, зачастую взаимоисключающих интерпретаций. Ховард Айленд и Майкл Дженнингс пишут, что жизнь и творчество философа дают столь богатый и многообразный материал, что из него можно слепить сразу несколько Беньяминов:

«Рядом с неогегельянцем Франкфуртской школы, неспособным решиться на политические действия, выросла фигура огнедышащего коммуниста; еврейский мистик мессианского толка вступил в неловкое противостояние с ассимилированным евреем-космополитом, замороженным христианской теологией; литературный деконструктивист *avant la lettre*, заблудившийся в зеркальном зале, который мы зовем языком, сосуществовал рядом с социальным теоретиком, провозглашавшим тотальное обновление механизмов чувственного восприятия посредством реформы современных СМИ»²⁵.

24 «Фланер – празднующая личность, в этом его протест против разделения труда, обращающего людей в специалистов. Точно так же протестует он и против их деловитости. Году в 1840-м хорошим тоном считалось выгуливать черепах в пассажах. Темп, заданный черепахой, вполне подходил фланеру. Будь его воля, то и прогрессу пришлось бы освоить черепаший шаг. Однако последнее слово осталось не за ним, а за Тейлором, провозгласившим лозунг “долгой фланерство”» (Беньямин В. *Париж времен второй империи у Бодлера* // Он же. *Бодлер*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 58).

25 Айленд Х., Дженнингс М. *Указ. соч.* С. 700–701.

Кишик доводит эту возможность до логического предела, выдумывая собственного, нью-йоркского, «Беньямина» и проблематизируя зыбкие границы между текстом и комментарием к нему, цитатой и заимствованием, подражанием и пародией. Каким бы радикальным или сомни-

тельным ни казался нам его замысел, он лишний раз напоминает о том, что мыслители живы до тех пор, пока их идеи провоцируют споры и порождают новые толкования.

КОНСТАНТИН МИТРОШЕНКОВ

Summary

This 150th *NZ* issue is an anniversary one. The journal was first launched in 1998, in a completely different Russia – and in a completely different world. Back then, the journal had a different subtitle, too, “Essays on the Morals of a Cultural Community”, which accurately summed up its agenda at the time. *NZ* came into being as a “critical essayistic supplement to *The New Literary Observer*”, and the format of the publication was defined as “thin illustrated journal”.

Nowadays, *NZ* (whose subtitle, “Debates over Politics and Culture”, emerged in 2001) is not at all thin and hardly essayistic (not to mention the complete disappearance of literary criticism from its pages). Illustrations, when they do occur, are included for a very specific purpose: namely, to illustrate the theses that are put forward, analysed and discussed in the academic articles making up the vast majority of the published materials. Thematically, *NZ* today is a journal devoted to social, historical and cultural anthropology (and history proper, to an extent), to social and political sciences. Its agenda is not limited to the functioning of the “cultural community” represented by the Russian intelligentsia – although, of course, it remains one of the important recurring themes. Last but not least, these days *NZ* is a journal about the whole world, which includes Russia, rather than about Russia, which in itself is the whole world. Over the last 25 years, *NZ* has come a very long

way and undergone drastic changes – but these changes have corresponded to the transformation of Russia and the world, as well as the transformation of the academic and cultural community that produces knowledge and engages in reflection on current and historical processes.

The issue opens with an introductory editorial discussing the history of *NZ* in the context of the changes that have taken place since 1998, both in Russia and the rest of the world. The editorial team considers the continuity of this transformation to be the key to the continuity of the journal itself. At the end of this introduction, entitled “25 Years Later,” is stated that if “we try to analyse this situation in a broader, global context, we will see that what has happened to the Russian state and society is far from unique. The brave new world of right-wing and all other sorts of radicalism, ‘digital dictatorship’, nationalist frenzy, conservative resentment, and endless armed conflicts, both civil and international, took shape back then, in the 1990s, a few years after the end of the Cold War and after, as it seemed at the time, the absolute triumph of the ‘open society’. 9/11 and the 21st century happened after the ‘end of history’, declared when the Soviet project had run its course”.

The 150th *NZ* issue is a testament to the journal’s 25 years’ worth of transformation. It is – with the exception of a few texts – a thematic issue. Its theme can be identified as “Utopias of the Space Age”, after the title of Denis Sivkov’s article (“*Utopias of the Space Age, or Why*

Do We Want to Go to Space?”) that introduces two collections of materials in this issue compiled by the author. The first block called “A COSMIC FUTURE IN THE SOVIET PAST”. Sivkov’s introductory text is followed by the article, whose author, the anthropologist Elena Malaya, outlines the history of the theme of outer space as reflected in a rather common practice of the post-war Soviet period – the burying of the so-called “time capsules”. The significance of outer space in Soviet everyday life is further reflected upon by Daria Radchenko in her article “*Sputnik on the New Year Tree: Soviet New Year between Ideology and Family Memory*”. The first block of materials in issue 150 of the journal wraps up with a long interview with the American historian of Soviet science and space exploration Slava Gerovitch, who was interviewed by Denis Sivkov.

The second thematic selection is called “SPACE: VERSIONS OF EXPLORATION”. The first article here provides a brief outline of the cultural and social anthropology of the Soviet and post-Soviet periods in the history of the Baikonur Cosmodrome (located on the territory of modern-day Kazakhstan). This text, written by the Kazakhstan researchers Kulshat Medeuova and Ulbolsyn Sandybayeva, is entitled “*Narratives about Baikonur: The City and the Cosmodrome*”. Another version of space exploration – this time a non-professional, private kind – is addressed by Denis Sivkov in his article “*Outer Space at Home for Amateurs*”. Lastly, Evgenia Gorbanenko brings up the sub-

ject of religious, “Orthodox space exploration” – a practice that has become quite influential in modern Russia – in her article “*Christian Procession in Orbit: Churching Science and the Planet*”.

The NEW BOOKS section includes three reviews that are thematically adjoined to the two “space-related” blocks of materials. Denis Sivkov appraises Fred Scharmen’s book “*Space Forces: A Critical History of Life in Outer Space*”, Kirill Petrov evaluates the collective work “*Astrobiology: Science, Ethics, and Public Policy*”, and Samson Liberman comments on the Russian translation of the book by the Hong Kong philosopher of science Yuk Hui, a voluminous essay called “*The Question Concerning Technology in China*”. In this context, we can also mention Egor Muleev’s article about the history of gliding in the USSR and post-Soviet Russia (“*Centenary of Domestic Gliding: Self-Organization as Restoration*”), which, while not about space, is also devoted to the topic of mastering the sky – and mastering it on a personal, amateur level at that.

The 150th NZ issue, as usual, contains new instalments of Alexei Levinson’s regular column SOCIOLOGICAL LYRICS and Alexander Pisarev’s RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW. The issue wraps up with the NEW BOOKS section, which this time turned out rather sizeable. In addition to the texts already mentioned above, we can single out Denis Shalaginov’s detailed review of a book by the British philosopher Tim Ingold, “*Imagining for Real: Essays on Creation, Attention and Correspondence*”.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com

eurozine

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс ПЗ832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнездниковский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а
(ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3
(«Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51